

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ
П.А.ВЯЗЕМСКОГО С
А.И.ТУРГЕНЕВЫМ.

1820-1823

Петр Вяземский

**Переписка князя П.А.Вяземского
с А.И.Тургеневым. 1820-1823**

«Public Domain»

1832

Вяземский П. А.

Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым.
1820-1823 / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1832

«Перекрестись! Какой тебе «Первый снег» возратить? Я прошу его от тебя. Пожалуй, сажай его в «Сын Отечества», только без всякой подписи. «Уныние» – также, и паче: это род исповеди. Конечно, у нас никто не читает: пиши что хочешь, но иное и для себя мыслит вслух не должно. Сейчас получил я письмо от Мещевского, которое меня тронуло: он говорит о своей чахотке и близкой кончине. Неужели Жуковскому ничего сделать в пользу его нельзя, хотя через Павловскую, хотя через Аничковскую дорогу? Сделай милость, похлопочите! Он прислал, Жуковскому «Смерть Кесаря». Хорошо ли? Можно ли отдать на театр? Расшевелитесь! В таких делах только и есть жизнь, во всем прочем – тление; особливо же у нас, где бытию нельзя крылья расправить: надобно по земле перепархивать...»

Содержание

1820	7
256. Князь Вяземский Тургеневу.	7
257. Тургенев князю Вяземскому.	9
258. Князь Вяземский Тургеневу.	11
259. Тургенев князю Вяземскому.	12
260. Тургенев князю Вяземскому.	14
261. Князь Вяземский Тургеневу.	15
262. Тургенев князю Вяземскому.	16
263. Князь Вяземский Тургеневу.	17
264. Тургенев князю Вяземскому.	18
265. Князь Вяземский Тургеневу.	19
266. Тургенев князю Вяземскому.	21
267. Князь Вяземский Тургеневу.	22
268. Тургенев князю Вяземскому.	23
Н. И. Тургенев князю Вяземскому.	24
269. Тургенев князю Вяземскому.	25
270. Князь Вяземский Тургеневу.	27
271. Тургенев князю Вяземскому.	28
272. Князь Вяземский Тургеневу.	29
273. Князь Вяземский Тургеневу.	30
274. Тургенев князю Вяземскому.	31
275. Князь Вяземский Тургеневу.	32
276. Тургенев князю Вяземскому.	33
277. Князь Вяземский Тургеневу.	34
278. Князь Вяземский Тургеневу.	35
279. Тургенев князю Вяземскому.	36
280. Тургенев князю Вяземскому.	38
281. Тургенев князю Вяземскому.	39
282. Князь Вяземский Тургеневу.	40
283. Тургенев князю Вяземскому.	41
284. Князь Вяземский Тургеневу.	42
285. Князь Вяземский Тургеневу.	43
286. Князь Вяземский С. И. Тургеневу.	44
287. Князь Вяземский Тургеневу.	46
288. Князь Вяземский Тургеневу.	47
289. Тургенев князю Вяземскому.	48
290. Тургенев князю Вяземскому.	49
291. Князь Вяземский Тургеневу.	50
292. Тургенев князю Вяземскому.	52
293. Князь Вяземский Тургеневу.	53
294. Князь Вяземский Тургеневу.	55
295. Тургенев князю Вяземскому.	56
296. Князь Вяземский Тургеневу.	58
297. Тургенев князю Вяземскому.	59
298. Князь Вяземский Тургеневу.	60
299. Князь Вяземский Тургеневу.	62

300. Тургенев князю Вяземскому.	63
301. Князь Вяземский Тургеневу.	65
302. Тургенев князю Вяземскому.	66
303. Тургенев князю Вяземскому.	67
304. Князь Вяземский Тургеневу.	69
305. Тургенев князю Вяземскому.	70
306. Тургенев князю Вяземскому.	71
307. Тургенев князю Вяземскому.	72
308. Князь Вяземский Тургеневу.	73
309. Князь Вяземский Тургеневу.	74
310. Тургенев князю Вяземскому.	75
311. Князь Вяземский Тургеневу.	77
312. Князь Вяземский Тургеневу.	78
313. Князь Вяземский Тургеневу.	79
314. Тургенев князю Вяземскому.	80
315. Тургенев князю Вяземскому.	82
316. Князь Вяземский Тургеневу.	83
317. Тургенев князю Вяземскому.	84
318. Тургенев князю Вяземскому.	86
319. Тургенев князю Вяземскому.	87
320. Князь Вяземский Тургеневу.	88
321. Тургенев князю Вяземскому.	90
322. Князь Вяземский Тургеневу.	91
323. Тургенев князю Вяземскому.	93
324. Тургенев князю Вяземскому.	94
325. Тургенев князю Вяземскому.	95
326. Князь Вяземский Тургеневу.	96
327. Князь Вяземский Тургеневу.	97
328. Тургенев князю Вяземскому.	99
329. Князь Вяземский Тургеневу.	100
330. Тургенев князю Вяземскому.	102
331. Князь Вяземский Тургеневу.	103
332. Князь Вяземский Тургеневу.	106
333. Тургенев князю Вяземскому.	107
334. Князь Вяземский Тургеневу.	108
335. Князь Вяземский Тургеневу.	110
336. Тургенев князю Вяземскому.	112
337. Князь Вяземский Тургеневу.	113
338. Тургенев князю Вяземскому.	115
339. Тургенев князю Вяземскому.	116
340. Тургенев князю Вяземскому.	117
341. Князь Вяземский Тургеневу.	118
342. Тургенев князю Вяземскому.	120
343. Князь Вяземский Тургеневу.	121
1821	123
344. Тургенев князю Вяземскому.	123
345. Князь Вяземский Тургеневу.	124
346. Тургенев князю Вяземскому.	125
347. Князь Вяземский Тургеневу.	126

348. Тургенев князю Вяземскому.	127
349. Князь Вяземский Тургеневу.	129
350. Тургенев князю Вяземскому.	131
351. Князь Вяземский Тургеневу.	133
352. Князь Вяземский Тургеневу.	134
353. Тургенев князю Вяземскому.	135
354. Князь Вяземский Тургеневу.	137
355. Тургенев князю Вяземскому.	139
356. Князь Вяземский Тургеневу.	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Петр Вяземский

Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1820-1823

1820

256. Князь Вяземский Тургеневу.

4-го [января]. Варшава.

Перекрестись! Какой тебе «Первый снег» возратить? Я прошу его от тебя. Пожалуй, сажай его в «Сын Отечества», только без всякой подписи. «Уныние» – также, и паче: это род исповеди. Конечно, у нас никто не читает: пиши что хочешь, но иное и для себя мыслит вслух не должно. Сейчас получил я письмо от Мещевского, которое меня тронуло: он говорит о своей чахотке и близкой кончине. Неужели Жуковскому ничего сделать в пользу его нельзя, хотя через Павловскую, хотя через Аничковскую дорогу? Сделай милость, похлопочите! Он прислал, Жуковскому «Смерть Кесаря». Хорошо ли? Можно ли отдать на театр? Расшевелитесь! В таких делах только и есть жизнь, во всем прочем – тление; особливо же у нас, где бытию нельзя крылья расправить: надобно по земле перепархивать.

И подвиг бытия означить тесным кругом.

Пришлите мне новое издание «Теории налогов». Как кто Яценко укротился? Что скажешь о Пруссии? Правительство запретило не только впуск, но и пропуск нидерландских газет и каких-то других, кажется, английских, и мы сидим без «Либерала». Какое смирение и признание в слабости! Говорят, Австрия то же сделала. Они дождутся, что им головы сломят. Теперь им Занды только мерещутся, но страх их в самом деле Зандов породит. Бог с ними! Но то беда, что на них не кончится; мину подорвешь, а наверх взлетит и окрестность.

Я тебя сегодня во сне встретил в Лондоне. Пойдет ли сон в руку? Я сплю и вижу, как бы пуститься по белому свету и выпрягаться из упряжки. Нельзя всегда думать так, а поступать иначе. Мало того, что меня, как не выезженную лошадь, худо употребляют, но я и в конюшне стоять не хочу. Не только словом и делом, но и молчанием, и бездействием потакать не хочу ненавистному ходу вещей и в списке ливреи быть гнушаюсь.

Мы мерзнем не хуже вашего: что день, – то 20 градусов, а было и до 28; дома же все сквозные. В прибавок, волки гуляют, вокруг города, и что день – повесть о каком-нибудь съедении. По крайней мере это питает разговор.

Новый год встретил я с полным домом и пустым сердцем. Цвет варшавского общества был у меня, но для сердца это пустоцвет, хотя много любезных женщин. Мужчины плохи, но все плохи в европейском смысле, все это где-нибудь шаталось, что-нибудь видело и читало, а не козыряло сперва с князем Вяземским, потом с Обольяниновым, а после с светлейшим Лопухиным. Все это натерто и блестит если не само собою, то, по крайней мере, при свечах. Это – проклятая розница! Весь гостинный народ здешний наравне с происшествиями; они в нем запечатлены не так, как в истории, но как в календаре, а у нас и того нет. Разговор их не поучителен, но может быть занимателен; одним словом, они не прошли через просвещение, а пробежали и схватили, что могли; у нас расхаживаются по невежеству.

Не знаю, поздравлять ли Булгакова с переменою места? Впрочем, вероятно, он сам хотел того. Что же сделает Александр? Мне жаль будет, если они совсем Москву оставят. Я любил смотреть на них, как на московскую и, следственно, свою собственность. Теперь вся

надежда на Василия Львовича, как на Ивана великого. Сделай милость, поддерживай его. Он все на вас жалуется и ко мне только о том и пишет, что вы к нему не пишете. Что тебе стоит раз в месяц сказать ему слово?

Сделай одолжение, отыщи моего «Вольтера». Неужели Яценко – себе им подтер? прости! Всем нашим сердечное челобитье. Книги – Николаю Михайловичу.

257. Тургенев князю Вяземскому.

7-го января. [Петербург].

Двухдневное (26-го и 27-го декабря) письмо твое получил, и в один час с письмами из Иркутска от Сперанского, из Неаполя от Батюшкова, из Парижа от брата, князя Гагарина и гр[афини][Разум[овской], из Москвы от Дмитриева и из Вены от одного славянского литератора. Прочел их по порядку, начиная с парижских и твоего. Спасибо за пожар и за Хоткевича. Одним отказом он покрыл слабость целой жизни и, уважив в других гражданина, спас в себе человека. Я уверен, что и у нас нашлись бы подобные примеры, по случай не найдется для них. Тот, кто скрывает в себе истинное благородство и силою духа заглушает всякий порыв к великому, но вместе и опасному, осуждая свое величие на вечное ничтожество или, лучше, на небытие, конечно не менее того, кто бросился в пропасть в виду благодарных граждан и как бы внимая уже вечному потомству. Ces graves personnages ne s'affligeaient que des maux de leur patrie; quant à leur sort particulier, ils se résignaient à la volonté des dieux. Lorsque la tyrannie, importuné de leur vertu, se fatiguait de les laisser vivre, ils s'en allaient à petit bruit, jugeant qu'il était inutile de faire tout le fracas de Caton et de se déchirer les entrailles pour une liberté qui n'existait plus. Есть обстоятельства, и в монархических государствах они встречаются чаще, когда истинные герои добродетели doivent s'en aller à petit bruit, и в сем будет все их величие! Для этого нужно верит бессмертию души или любить отечество, как любовницу. Просто умереть можно и для славы, но умереть, et mourir tout entier, можно только из любви, под каким бы она видом ни являлась, то-есть, для первоклассной страсти, которой слава, честолюбие и прочее – только слабые отблески. Не знаю, любили ли так римляне свое отечество, но подданные тирана Ивана Васильевича любили так Россию, когда шли с детьми и женами под исступленные топоры его. Иначе я их не хочу и воображать себе.

А прогос: завтра историограф читает в Академии отрывок IX-го тома, и ему подносится благодарная медаль. Он этого не знает и узнает только тогда, когда увидит ее на блюде. Завтра же и день его свадьбы, и мы проводим у него веселый вечер. Плещеев будет играть с домашними актерами.

Вчера должна была петь Боргондио у княгини Куракиной; мы ожидали ее, но она отказалась для того, что сегодня играет «Танкреда» у государыни. Мы играли в короля, которого должен был представлять Плещеев, но и он не приехал, и его место заступил граф Воронцов, а королевою – графиня Апраксина, а я был канцлером; St.-Maure – придворным поэтом, и вот куплеты его, на лицо Плещеева сочиненные:

Buvons au roi très débonnaire
Qui sur le trône vient s'asseoir;
Buvons aux succès de Molière,
Qui son jeu fait si bien valoir;
Mais hélas! en sortant de table
Adieu son sceptre, adieu, sa cour!
Eh bien! Buvons à l'homme aimable,
Son règne dure plus d'un joui l.
Buvons à notre aimable reine,
A son esprit, à sa bonté,
Buvons à cette souveraine
Qui règne avec tant de gaité.
Le premier de sa dynastie
Sera sans doute un Roger-Bontemps,

Son chancelier c'est la folie
Et ses sujets des bons vivants.
Mais nous avons une autre reine Qui,
Dieu merci, n'abdique pas
De nos coeurs, elle est souveraine
Et trouve partout des états;
Ses talents, sa gaité piquante
Plaisent un peu plus chaque jour
Et son esprit qui nous enchante
Près d'elle fixera sa cour.

Насилу дописал! О брате Сергее подписан наконец указ, и через две или три недели он может быть здесь, следовательно гораздо прежде – в Варшаве. Повидайся с ним. Он, верно, к тебе заедет. Мне хочется проводить его до Одессы, ибо он, вероятно, поедет в Царьград морем. Не через Варшаву ли туда ездят?

Дмитриеву послал я и «Уныние», и «Первый снег». Он просит запрещенной прозы о Вольтере и обещает сообщить мнение свое о первых двух пьесах.

Батюшкова письмо дышит Италией, но оно старое, от 3-го октября нового стиля. Литературных новостей у них очень мало. В северной Италии пишут более и подражают немцам. Меланхолия и романтический вкус начинают нравиться внукам Ариоста. Старики гневаются, и Академия Круска, или приверженцы к оной, стараются всеми силами выгнать новые слова, выражения и фразы, которые вторгаются в святилище языка тосканского, но талантов мало. Монти, Протей в политике и гигант в поэзии, стареется. Итальянцы, как и вы же, висляне и невяне, переводят поэмы Байрона и читают их с жадностию. А rgoros: читал ли ты роман жены его, где они описан? Мне давал Casamajor, английский министр. Байрон говорит им о их славе языком страсти и поэзии. Вот все, что я знаю о поэзии и литературе итальянской. Это сок письма Батюшкова. Следственно, от севера до юга восхищаются Байроном. Я завидую образу жизни Батюшкова: он целые дни проводит над книгами и верно с пустыми руками к нам не возвратится; а я возвращаю тебе твой «Снег» с ошибками писарскими, которые ты исправишь вместе с своими. Посылаю тебе и письмо А. Булгакова. Брат его вступил здесь в должность et s'en trouve bien.

С. П. Свечина очень больна и начинает сама жаловаться на свои страдания. Здесь Е. С. Огарева, и мы о тебе вспоминаем.

258. Князь Вяземский Тургеневу.

10-го января. Варшава.

Мы встретились с твоим братом нечаянно, но сошлись чайнно; по крайней мере я с ним ближе многих близких, и сердцем нараспашку. Спасибо за 31-е декабря. «Затворник» прелестен, но как его чорт не дернул заговорить с невидимой соседкою? Они влюбились бы друг в друга, и я уморил бы обоих в страданиях Танталовых. Таким образом кусок был бы жирнее.

Кто след её забытых дней
Укажет?
Кто знает, где она цвела?

Уголовная палата, тюремщики, летописи тюремные. Я не шучу: меня это своею неистинною поразило. В «Овидии» много прекрасных стихов: надобно еще раз перечитать. Иные гекзаметры показались уху сомнительными. Я сложение их не очень понимаю и, признаюсь, не очень люблю: оно крепко сбивается на прозу; впрочем, есть дурная и хорошая проза, и вообще Жуковского гекзаметры в числе хорошей. Буря и потопление ужасно растянуты, но это погрешность подлинника. Кто будет читать в Академии? Боюсь усталости слушателей. Дай Бог здоровья древним, а от них иногда холодно. Но с другой стороны должно признаться: в одних древних ищи подобной черты:

.....Чтоб верный
Сердца не отдал другой... Из стольких напрасных желаний
Только последнее слишком, слишком исполнено было.

Тут есть какая то острота чувствительности; что то вместе затейливое и нежное, которое им одним присвоено было.

Сегодня довольно с тебя будет письма и книг брата. Меня можешь отпустить прогуляться.

Несколько стихов моих берут у меня для «Благонамеренного». Узнай их по душку. Каков мой пирог и стихи пирожные? Что грамотка, то кусок безъсмертия и стервы для «Сына». Отыщи где-нибудь мою песню «Данным давно». Она должна быть у тебя, писанная Жихаревым.

259. Тургенев князю Вяземскому.

14-го января. [Петербург].

Я, конечно, просил у тебя «Первый снег», исправленный по нашим замечаниям. Если не пришьешь его, то я пушу первое издание в «Сына Отечества»; также и «Уныние». Жуковского здесь еще нет; как скоро возвратится, покажу ему письмо о Мещевском, и будем хлопотать вместе, если возможно.

Жаль, что я не описал тебе на другой [день] академического чтения действие, которое произвел историограф на слушателей ужасами Ивана Васильевича и геройскими добродетелями его современников. Теперь впечатление во мне изгладилось, и я буду холоден. Историю заседания ты, вероятно, уже знаешь, хоть из Каразина в «Сыне Отечества». Карамзин получил медаль и произвел ладохлопанье невольным образом. Какое-то общее чувство одобрения и даже глухой шум оживляли все собрание. Мы можем по этому судить о действии народных ораторов. Жуковского стихи читаны Гнедичем, хотя и гробовым голосом, но хорошо и довольно внятно.

Le reste ne vaut pas la peine d'être nommé.

В старце Шишкове есть какая-то старческая доброта, и если бы он не говорил нескладницы о преимуществе академических сочинений пред частными в речи своей, то он бы мне в этот день от начала до конца понравился; ибо лучшее дело в его жизни есть движение руки при подаче Карамзину золотой медали, которое, может быть, было и последствием движения его сердца, конечно, не развращенного наукою.

Что прикажешь делать с 1500 рублями, которое я получил от твоего управителя, обещавшего мне и письмо от Дружинина, коего я, однако же, еще не получал. Вероятно, тут и 500 Сибирякова? Всего собрано более пяти тысяч. Глинка, неутомимый в добре, хлопочет о выкупе и хочет предлагать неумолимому барину то, что собрано; но не знаю, удастся ли. Жаль, что не попадаетея под руки послание графа Хвостова в Ломоносову «О рудословии», читанное в Минералогическом Обществе какою-то обреченною на чтение его стихов жертвою. Прелесть, как хвостовато! Брат Николай напугал его тем, что он много говорил о чувственной любви и смешал ее с духовною, и он обещает впредь быть только духовным в стихах своих.

Александр Булгаков, вероятно, поедет года на три в деревню устраивать будущую независимость детей своих. Это вернее службы царской вознаградит утраченное время. Если кто из нас не чувствует себя прямо деловым человеком, или, по крайней мере, приготовленным в делу, тот должен

*Подвиг бытия означить тесным кругом.
и не вздыхать при виде Чупятовых
В мароккских лентах и звездах,*

а с легким сердцем удобривать землю в своем огороде; но только, если можно, перенести огород в столицу, ибо в деревне душно от исправников и «Северной Почты».

И у нас морозы, и вчера ни во дворце, ни в театрах ничего не было. От волков прибыль только Академии Медицинской, то-есть, анатомическому театру её, где рассекают трупы замерзших и заеденных.

Мы пустились в маскарады, и книгопродавцы не наготовятся костюмами. Все вояжи забраны, и матушки наши путешествуют в Истрии и Далмации, чтобы узнать, какой тюрбан

носят их жители, и как обуть ножку дочерей своих. Я собираюсь в Дон-Жуаны при помощи Плещеева.

260. Тургенев князю Вяземскому.

21-го января. [Петербург]. Утро.

Спасибо за пирог, спасибо за стихи! Одно другого стоит, – и это лучшая похвала обжоры. Я не буду рушить пирога до приезда брата, которого ежеминутно ожидаю. Письмо твое и его из Варшавы получил еще четвертого дня, а его все еще нет. Я уверен был, что он понравится и сердцу, и душе твоей. Благодаря чуме, я надеюсь прожить с ним долее, нежели полагал прежде. Провожу в Москву, а оттуда, может быть, и далее. Чем долее продолжится моя отлучка из Петербурга, тем лучше. Я увижу любопытную часть России и подышу если не свободным воздухом, то, по крайней мере, на свободе. Для меня это давно нужно. Я не постигаю, как не задохнулся я по сие время здешним морально-мефитическим воздухом.

Московский сенатор Малиновский приехал, но не привез с собою московского поэта-подагрика. Он, в виде Сатурна, метал в маскараде князя Барятинского стихи и слег в подагре.

6 часов вечера.

Боюсь не опоздал ли уже послать в тебе письмо сие и спешу кончить едва начатое за неделю у графини Головиной на репетиции воскресного спектакля; а теперь должен спешить отыскивать костюм для придворного небольшого. маскарада в Михайлов день и для предыдущего Голицынского.

Жуковский возвратился, а брата все еще нет. Я уже и начинаю досадовать на тебя за него.

Стихи твои ко мне печатаются в «Сыне Отечества» под заглавием: «Послание с пирогом».

Еще раз спасибо и прости! В другой раз гораздо более. Тургеневе.

261. Князь Вяземский Тургеневу.

24-го января. [Варшава].

Я «Сына Отечества», по твоей милости, не получаю и потому не знаю истории академического заседания.

Каких поправок требуешь ты для моего «Снега»? Первые четыре стиха по другому изданию; разве только: *не говорливей* – не слишком ли шаливовато? А *слаще ропшут* не слишком ли шахматовато, шатровато, то-есть, шероховато? Другие поправки на ум нейдут, да, кажется, и не нужны. Сергей Иванович говорит, что ты *залога других побед* не понимаешь; а я в самом деле не понимаю, почему этот французский стих тебе не нравится.

Как доехал твой брат? Мы начинаем таять. Посылаю тебе две новые книги. Разумеется, отдай их тотчас Николаю Михайловичу; там пусть их по свету, куда хочешь, а наконец отправь в Москву, в Ивану Ивановичу. За то до следующей эстафеты удержу некоторые книги брата. Теперь отправляю «Conservateur " и баденскую книгу. Воля твоя, продолжать не могу, голова болит. Целое утро стоял под ножом варшавских туняйцев; три часа, надобно еще писать, одеваться, а там ждать на обед пять или шесть либералов. Прости! Обнимаю во всю душу.

Когда услышим мы Карамзина на правом крылосе? Я, с левого, буду отдавать справедливость чистосердечию его дарований и, опершись на истину, отражать богатырские его нападения. Боже мой, когда проглянешь ты, день спасения? Когда скажу себе: «В России русскому жить можно: он имеет в нем отечество!»

Письма в Плещееву и Кокошкину отдай. Я – было их приготовил для актрисы Philis, но опоздал.

262. Тургенев князю Вяземскому.

28-го января. [Петербург] 4-й час.

Вот тебе стихи Пушкина *à une branleuse* вместо моего письма. Сережа приехал благополучно, и меня вызвали из маскарада князя Федора Голицына, где Кологривов пугал всех Наполеоновою маскою и всем его снарядам и походкою, даже его словами. К французскому посланнику подошел говорить, и он отвечал ему: «*J'aime à vous voir ici plutôt que partout ailleurs*». Я весь в хлопотах: сегодня маскарад у государыни, и вам велено быть в маскарадном платье.

Пришли непременно все сполна и поскорее брошюры, оставленные братом у мадам Заиончек и у тебя. Прости! Тургенев.

Здесь никак нельзя достать черного полосатого бархата, из коего делают жилеты и какой ты мог видеть и у брата, а в Варшаве, сказывают, есть. Пришли мне на один жилет пощеголеватее, но не опоздай и уведошь что заплатишь.

Я по сие время не получал письма твоего.

263. Князь Вяземский Тургеневу.

31-го января. [Варшава].

Спасибо за спасибо за пирог и стихи! Не испортился ли он дорогою? Увы, не могу сказать: «подожди меня». Надежды мои сошли с снегом. Не расцветут ли с розами? Впрочем, у меня в мае, то-есть, после родов жены, есть другая поездка на уме: в водам, например, в Карлсбад, а там можно забежать и далее, хоть бегом обнюхать, а в августе назад на сейм, а там... Но что развертывать свиток жизни кочующей, без цели, без надежд! Жизнь наша идет, куда глаза глядят; жизнь наша бродит, а не подвигается. Шатаемся по проселкам; большая дорога заросла травой, перерезана болотами, завалена грязью. Где найдем Вельяшева для устройства такой шоссе? Ни Пуколова, ни Аракчеев не родят его. Горе, горе нам, бедным пилигримам!

Сейчас был я оторван от письма профессором Якоби, с коим прохожу курс немецкой словесности. Но все это время ум не лежал в учению, а таскался по балам и редутам, праздная карнавал. Во вторник все кончится, и примусь путем за работу.

Что делает твой брат? Как смотрит он, и как на него смотрят? Научи его обуздывать пыл языка и слушать глупости. В Варшаве уже у него часто в ушах звенело; что же будет в Петербурге? Мне эти переломы вредны только за столом: какая-нибудь нелепость раздерет ухо, кровь вспыхнет в голове, – и варение желудка оставлено. Я могу спорить, когда тыкаю; но если приходится выкать, и еще хуже – вашепревосходительствовать, то от меня слова не добьешься. Я, как Сиес, уединяюсь в святилище мысли. Кстати о святилище мысли: что же не присылаешь мне «Сына Отечества», чтобы узнать подробно о осквернении святилища академического чтением Карамзина и Жуковского? Спасибо за «Послание» рудо – на. Хвостов портится; он должен бредить или молчать: я не заметил ни одного уродливого стиха.

Прощай! Потерпи до поста: теперь голова пуста, а насморк отнимает последний мозг. Вот три книги брата. На трагедии найдешь следы грязного пота варшавских красавиц. Я принужден был сшить новую рубашку на Людовика.

264. Тургенев князю Вяземскому.

4-го февраля. [Петербург].

Посылаю тебе кучу писем, уведомляю о получении письма, «Conservateur'a» и двух книг для Дмитриева, а сам не пишу к ленивцу, который спешит угощать тунеядцев обеденных, *des piqueurs d'assiettes*, и не пишет к приятелю Тургеневу. Присылай остальные братины книжки и отбери все у княгини Заиончек. Брат скоро едет, но я могу послать еще в Москву, что пришлешь. Письмо к Плещееву и Кокошкину отослал, но третьего дня *Philis* здесь еще не было.

Сегодня, за смертью короля английского, отказан бал у государыни. Не знаю, не помешает ли это и другим. Скажи спасибо моей либеральной отваге, когда прочтешь недели через три все-что и вздумаешь обо мне. Не было в жизни моей эпохи столь замечательной по стечению важных дел и по усилию ума, интриги с моей стороны, и по напряжению умственной деятельности, как настоящая. Скоро скажу: «*Ne frustra vixisse videar!*» Обедаю с Карамзиным у графа Дебре. Прости! Тургенев.

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

Le 5 février 1820. St-Pétersboarg.

Je me crois coupable envers vous, mon prince, d'avoir laissé partir une estafette sans vous avoir écrit. Je m'empresse actuellement de vous remercier pour l'accueil véritablement amical, que vous avez bien voulu me faire. Je m'en rappellerai toujours avec reconnaissance.

Je me suis acquitté de votre commission auprès de mon frère Nicolas. Je l'ai vu, ainsi que bien d'autres, s'occuper de l'affaire en question. Malheureusement on est réduit aux palliatifs, qui ne font que prouver qu'il n'y a qu'un seul moyen de se tirer de la fausse position où l'on se trouve.

Je prends la liberté de joindre à ce présent deux lettres pour M. le colonel Sass, demeurant h Varsovie, Hôtel d'Allemagne. Veuillez avoir l'extrême bonté de les lui faire parvenir et agréer en d'avance tous mes remerciements.

Présentez, je vous prie, mon hommage de respect et de reconnaissance à Madame la princesse et agréer l'assurance de l'entier dévouement et de la considération la plus distinguée de votre très humble et très obéissant serviteur S. Tourgueneff.

265. Князь Вяземский Тургеневу.

Пятница. [6-го февраля. Варшава].

Спасибо за маскарадное письмо от 28-го. Вы еще по маслу катитесь, а наш постный час уже пробил. Я, признаюсь, рад тому: голова шла кругом, и совсем от дела отбило.

Что за варварство шутка Кологривова! И вы имеете дух этому смеяться? Со всех сторон неблагопристойность и неуважение здравого рассудка и несчастья. К тому же у вас в Петербурге есть уже человек, который корчит Наполеона: довольно вам и одного. Куда вы еще варвары, мои голубчики! Гораздо лучше было бы одеться с одной стороны солдатом, а с другой монахом. Попробуй так показаться: авось, не догадаются.

Стихи Пушкина – прелесть! Не моей ли Минерве похотливой он их написал? Она, говорят, этим делом промышляет. Сейчас принесли мне 104-ю «Минерву». Вот Кологривову: «Il y a certainement dans toutes les âmes généreuses soulèvement et révolte à la vue des rigueurs inutiles et ignobles, qu'exerce sur un captif sans défense un gouvernement, qui ne se console pas d'avoir été 20 ans humilié par lui.» Кровавый Филатка Москвы в 813-м году, разбивши бюст Наполеона, сделал из него урыльник. Вот русские шутки!

Хорошо, что твой брат не поехал в Гишпанию! Можно надеяться, дело там хорошо завяжется. Говорил ли вам Сергей Иванович о разговорах наших насчет рабства? Святое и великое дело было бы собраться помещикам разного мнения, но единодушного стремления в добру и пользе, и, без всякой огласки, без всяких наступательных предположений, рассмотреть и разбить подробно сей важный запрос, домогаться средств в лучшему приступу к действию и тогда уже, так или сяк, обнародовать его и мысль поставить на ноги. Правительство не могло бы видеть худым оком такое намерение, ибо в состав такого общества вошли бы люди и ему приверженные, и неприметным образом имели бы мы свое правое, левое и среднее отделение. Подумайте об этом, а я взялся бы пояснить свою мысль и постановить некоторые основы, на коих должно бы утвердиться такое общество; означить грани, за кой не могло бы оно видов своих перенести, и прочее. Поверьте, если мы чегонибудь такого не сделаем, то придется нам отвечать перед совестью. Мы призваны, по крайней мере, слегка перебраться стихии, в коих таится наше будущее. Такое приготовление умерит стремительность и свирепость их опрокидания. Правительство не дает ни привета, ни ответа: народ завсегда, пока не взбесится, дремлет, кому же, как не тем, которым дано прозрение неминуемого и средства действовать в смысле этого грядущего и тем самым уладить ему дорогу и устранить препятствия, пагубные и для ездоков, и для мимоходов, кому же, как не тем приступить к делу или, по крайности, к рассмотрению дела, коего событие неотменно и, так сказать, в естественном ходе вещей? Ибо там, где учат грамоте, там от большего количества народа не скроешь, что рабство – уродливость, и что свобода, коей они лишены, так же неотъемлемая собственность человека, как воздух, вода и солнце. Тиранство могло пустить по миру одного Велизария, но выколоть глаза целому народу – вещь невозможная. И, поверьте, в нашем предположении могли бы мы смело сказать: не *на*, а *за начинающего Бог*. Я рассматриваю сей запрос, как врач, который решился срезать нарост на теле, как уродливость, и по тому самому операции подлежащий, но вовсе не рассчитывает благотворных перемен во всем бытии больного, которые неминуемо последуют за срезанием нароста, отягчающего тело больного и препятствующего плавному течению крови. Глазной оператор снимает бельмо с глаз потому только, что бельмо – болезнь, но, ограничивая свое отправление, возложенное на него Провидением, исполнением своих врачебных обязанностей, он не помышляет о нравственной пользе, которую он страждущему приносит; он о том не помышляет, что он, исправитель погрешностей природы, дарует несчастному лазурь небес, торжественное сияние солнца, умильную улыбку красоты; но признательность возрожденного дополнит бла-

готворителю то, о чем он сам не догадывался. Рабство – на теле государства Российского нарост; не закидывая взоров вдаль, положим за истину, что нарост этот подлежит срезанию, и начнем толковать о средствах, как его срезать вернейшим образом и так, чтобы рана затянулась скорее; призовем в свою консультацию и тех хирургов, которых осторожность будет опасаться дотронуться орудием до целостности какого-нибудь члена, а, может быть, и источника жизни; их мнения не должны быть слепо приняты, но уважены: они умерят запальчивость молодых головорезов; но к чорту тех врачей, которых насущный хлеб основан на лечении этого нароста! Мнения противные, запредельные, меня никогда не пугают, буде они бескорыстны». Прямодушие с обеих сторон – и можно стакнуться с помощью Божией. Если этот подвиг не подобает дворянству, то я первый запишусь в охотники и в члены Англинского клуба: вот круг действия потомков Пожарского. Повторю еще свою начальную мысль. Правительство наше играет всегда в молчанку и собирает только фанты; но, будь оно и живее, не его дело решить этот запрос; пожалуй, разреши оно узы рабства в своих поместьях, то и тогда еще оно нам не уваз: иные его отношения, иные наши; политическое ^ытие его не основано на крестьянстве, дворянское до сей поры им только и держится. Хотите ли ждать, чтобы бородачи топором разрубили этот узел? И на нашем веку, может быть, праздник этот сбудется. Рабство – одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожив его, уничтожим всякие предбудущие замыслы. Кому же, как не нам, приступить к этому делу? Корусть наличная, обеспечение настоящего, польза будущего – все от этой меры зависит. Посмотрите, как нравственно разживется государство, как дышать свободно оно будет, отделившись от этого зоба, который дает России вид настоящего кретина! Все прочее придет само собою. Без сомнения, начнем разом, более пятидесяти человек, которые охотно запишутся в это общество. И если государь принял благосклонно такое предложение от литовцев, зачем не примет его и от нас? Но я все-таки повторяю одно: не правительству давать зачин. Пусть хорошенько разварится эта задача теоретическим образом, но теми же самими, которые могут пустить ее в ход практическим, а потом уже сделать из неё дело государственное и общее. Понял ли ты меня? Поняли ли вы меня? Поймут ли они нас? Аминь, и едва ли не на веки веков. Для такого занятия охотно возвратился бы я в Россию и даже готов был бы смеяться шуточкам Кологривова и кого угодно.

Что же «Сын Отечества»? Вот еще пища для него. Прости! Братьям мой нижайший поклон. Вот еще две брошюры. Жилет пришлю по первой эстафете. Что ты делаешь с моими деньгами? Присылай и вычти 500 рублей для Сибирякова.

Говорят, что m-me Alexandroff идет замуж за адъютанта великого князя, Вейсса, брата княгини Трубецкой. Поздравь ее с прибылью семейною.

Суббота.

266. Тургенев князю Вяземскому.

[Начало февраля. Петербург].

Письмо от 31-го января получил и приложенное разослал исправно. Но еще не все книги брата Сергея тобою доставлены: Bailleul, «Annales protestantes» (которые теперь мне очень нужны), Tibère, «Divan» Гёте и брошюру о жидах, также мне очень нужную. Он еще здесь, и мне хочется продержатъ его подольше и потом проводить, если не до Одессы, то, по крайней мере, до Москвы.

Какой Якоби знакомит тебя с немцами? Кто и где он был? Не у нас ли в Петербурге, прежде и потом опять – в Галле и пр.?

Брат не имеет нужды обуздывать пыл языка, ибо, к счастью, мы всегда почти вместе и почти нигде не бываем; однако ж и тут не избежал порицания длинного и стареющагося и старого француза, придворного у маленького двора, который, не видав его, думал отгадывать слова и суждения его о вещах.

Погоуляй по белу-свету, но не мотай, а берегай деньгу на черный день, то-есть, к тому времени, когда пройдут черные дни беспутной или бесцельной жизни, и тебе можно, и потому должно будет отдохнуть в Европе от Варшавы. Но отдыхать можно только с спокойною совестью, которая спокойна не бывает при расстроенном имуществе, не благоприобретенном, а наследственном. Sapienti sat!

Граф Воронцов назначен в Кременчуг корпусным командиром, на место князя Горчакова, который заступает место в корпусе князя Д. В. Голицына. Прости! Тургенев.

267. Князь Вяземский Тургеневу.

18-го февраля. Варшава.

Что ты городишь? Каждое письмо мое более твоего: ты пишешь в таком просторном духе, что на странице твоей едва сочтешь десять строк, а я *убиваю мелкою печатью*; ты стреляешь ядрами, а я – дробью. Сколько раз оставлял ты меня для протопопского обеда или министерского ужина! Мне случилось раз от пера оторваться для либерального банкета, и ты смеешь пенять. У меня каждый раз прения французской палаты снова пренют за варшавским обедом. Спроси у брата, какое у меня шампанское *сес*, выходец красноречивый Эпернея, и скорее тащи платок из кармана: слюнки так и потекут; а спроси у брата, какой рейнвейн, выходец с Ивановской горы: ты прыгнул бы выше Ивановской колокольни от одной рюмки. Нет, брат, не требуй жертвований выше сил гастрономических!

Сейчас пришли мне Библию русскую и перевод Евангелия! Смотри же, сейчас! Я бархатных жилетов искал, но не нашел. Сегодня черно на душе. Мы имели уже несколько дней весенних, но погода сделалась пасмурною, и туман сел на сердце. Василий Львович пишет мне о медали академической:

«Я люблю Тургенева и люблю сердечно. Он умеет ценить достоинства и предан Николаю Михайловичу». Неужели это тебя не растрогает и не напишешь ему? Сделайте милость, лелейте его старческую молодость. Право, другого его не найдем.

Горю нетерпением узнать, в чем состоит твой либеральный подвиг, и что скажете вы о последнем письме моем. Если вы его не одобрите, я, как сумасбродный Ржевуски (муж Розали), который из Алеппы пишет и требует от правительства, буде оно не примет его предложений, *un brevet d'incapacité* (вот в России новый источник пошлин для казначейства), потребую, чтобы вы меня разрешили, продам все, что есть за душою, и – хоть трава не расти! Стихи мне почти надоели; чорт ли в охоте говорить всегда около того, что мыслишь и чувствуешь, а там вдруг вырвется хороший стих, коего мысль себе присвоиваешь из хозяйственного расчета. Право, это правда. Спроси у Жуковского; он не признается, спроси у Хвостова; он не поймет, стало правда.

Пуще всего мне Библию и перевод Евангелия: брюхом алчу. Не худо о моем требовании упомянуть в первом отчете библейском: оно не безукрасит имен князей калмыцких и проч. и не менее назидательно будет.

Почто так рано изменила
С мечтами, радостью, тоской,
Куда полет свой устремила?
Неумолимая, постой!

Эти стихи с некоторого времени у меня как за язык повешены, и письмо сегодняшнее не было бы зеркалом сегодняшнего меня, когда не подтвердил бы их тебе. Дать ли тебе отчет в них? Послушай, да смотри, никому не сказывай, побожись! Ну... Все будешь знать, скоро состареешься; а тебе верно еще долго хочется молодежничать; в доказательство того те два жилета, которые не могли укрыться от неутомимых исследований дружбы заботливой. Поцелуй Жуковского. Вот письмо брату; если его уже нет, то можешь распечатать: тут и тебе есть сережка.

Прислал ли я тебе для Дмитриева вторую часть «Конгр[есса] Карл[сбадского]»? Вот еще одна брошюра Сергея Ивановича. Отыщешь ли моего «Каченовско-Вольтера»? Пуще всего Библию и Евангелие!

268. Тургенев князю Вяземскому.

[Первая половина февраля. Петербург].

Благодарю за письмо от — ¹. Оно и меня, и братьев сердечно порадовало и пришло в такую минуту, когда мы занимались сродным сему предметом или, лучше, приводили в исполнение до некоторой степени твои предположения. Скоро начнутся прения о сем, и я стараюсь подкрепить себя указом Петра великого, который начинается: «Обычай в России есть продавать людей, как скотов» и пр. Он велел Сенату заняться придуманием средств в искоренению сего обычая. С тех пор законодательство не шло вперед по сей части. По крайней мере нам не должно идти назад через сто лет после Петра I. Но большинство голосов не будет в нашу пользу. Я это предчувствую. Уже многие нарохтились противодействовать и делом, и словом благим намерениям высшего правительства. Но написанного и топором самовластия они не вырубят. По крайней мере имя наше спасется в летописях либерализма. Впрочем, я и в существенной пользе от сих прений не отчаиваюсь. Голос человеколюбия и вечного правосудия не исчезнет в пустынном воздухе. Будут отголоски, которые, если не в настоящем, то в неотдаленном будущем отзовутся. Во всяком случае ты прав, что в сем случае «за начинающего Бог»!

1000 рублей посылаю, 500 отданы в кассу Сибирякова, которая скоро, вероятно, наполнится. Посылаю и «Сына Отечества». Я для тебя подписался и буду исправно доставлять сам, если журналист за это не возьмется. Трудно для меня посылать вовремя, ибо часто забываю за множеством хлопот.

Справедливо ли о брате княгини Трубецвой? Вчера давали в пользу одного несчастного, Гольц, концерт, и добрая Borgondio пела в последний раз даром. Мы потребовали «Tanti palpiti» и оглушили ее рукоплесканиями. Роздано было 1500 билетов. Большая зала у Раля, бывшая манежем, наполнилась так, что многие не нашли места и возвратились домой. Дочь Гольца, тут игравшая, одержав победу над девичьей стыдливостью, спасла отца.

Вот что пишет Дмитриев в последнем письме во мне: «Что вздумалось Вяземскому обогащать уже и Измайлова прекрасными стихами? Я не хотел бы, чтобы он для всех журналистов был щедр. Пускай бы один только журнал был хранилищем лучшаго».

Прости! Если успею, напишу еще сегодня. Деньги нужно послать ранее.

Сейчас получил от Греча семь книжек «Сына Отечества» и посылаю их в особом пакете. Он сам взялся пересылать журнал.

¹ В подлиннике числа не означено.

Н. И. Тургенев князю Вяземскому.

18-го февраля. [Петербург].

Все мы с душевным удовольствием читали прекрасное письмо ваше в брату, почтеннейший князь. Мысли ваши об освобождении крестьян совершенно согласны с мнением тех людей, которые здесь имеют какое-нибудь мнение о сем важном предмете. Теперь идеи о крепостных людях вошли здесь в некоторое обращение более прежнего. Различные злоупотребления власти господской, дошедшие до сведения правительства, побудили его заняться рассмотрением средств, которые могли бы пресечь продажу людей *без земли и по одиночке*. К сожалению, члены верховных мест в государстве большею частью и в сильной степени, заражены еще татарскими предразсудками. Еще достойнее сожаления то, что эти татарские мнения пользуются некоторою *народностью* (popularité). Но, как-бы то ни было, теперь говорят о рабстве и даже пишут, хотя и не печатают. Следственно распространение идей здравых и искусно изложенных теперь важно более, нежели когда-нибудь. Потому все, желающие успеха доброму делу, должны желать, ч?об вы исполнили свое намерение: «изложить вашу мысль о средствах освобождения и постановить правила, на коих должно бы основано быть соединение людей, желающих сего освобождения». Пребывание ваше в Варшаве может способствовать исполнению вашего намерения. В бывшем герцогстве Варшавском рабство было уничтожено. Может быть сие уничтожение, произведено было слишком скоро, без надлежащего предуготовления, но сии сильные недостатки покажут вам истинные средства в более ясном свете. К тому же и настоящее положение крестьян в Польском королевстве, здесь совершенно неизвестное, взаимные их отношения с помещиками могут объяснить предмет сей и для нас, русских. Всякая справедливая идея, однажды пущенная в обращение, не погибнет, и рано или поздно будет возвана к жизни. Кроме сего, кажется, можно возобновить мысль освобождения крестьян наших в самой Варшаве, во время открытия сейма, когда от нас приезжают к вам, Н[иколай] Н[иколаевич] в старину сам был охотник до этих вещей. Неужели и в сем случае можно быть равнодушным?

Извините, что я наскучил вам моим сухим письмом. Но живущему на чужой стороне всякая весть из отечества приятна. Так и меня радует всякая европейская мысль посреди этой азиатской тьмы, в которой мы здесь блуждаем. Если бы слабый луч надежды не таился еще в сердце моем, то я давно бы не смотрел уже на этот снег и на эту *нравственную* стужу которую бы надобно описать не Хераскову, а вам или Пушкину: «Описание нравственной зимы». Право, есть от чего замерзнуть!

Примите, почтеннейший князь, уверение в моем истинном уважении и преданности.
Н. Тургенев.

269. Тургенев князю Вяземскому.

26-го февраля. [Петербург].

Благодарю, любезный друг, за письмо и за жилеты и посылаю Библию и Евангелие на русском. Я разделил посылку на два пакета и одну посылаю через графа Соболевского. Весь пост и здесь, и в Москве буду щеголять в твоих жилетах. Туда собираюсь с братом Сергеем, но еще не знаю, когда выеду, ибо его заняли работой. Во всяком случае, Страстную и Святую хочется нам провести у матушки. Желал бы и далее с ним ехать, но не знаю еще, удастся ли мое предположение.

Убийство Берри и смерть графини Потоцкой, урожденной Браницкой, здесь всех занимает. Сегодня французский министр торжественно оплакивает в церкви своего принца и друга. Он был к нему лично привязан и теперь тем безутешнее, что расстался после разговора и не успел примириться, хотя не менее был к нему привязан. Мы ожидаем французские журналы, чтобы судить о впечатлении, которое произведет на партии сие происшествие. Убийца – Занд в своем роде, и раскаяния, говорят, не показывает. Но вы лучше нас о нем и о Франции узнаете.

Вот тебе и еще гостинец от Уварова: русские стихи Батюшкова; я думаю, что и в прозе есть его помарки. Прежде письма уже и брат описывал мне вино твое. Жаль, что ни его, ни тебя не будет при твоём пироге, который на сих днях разрушается. Но постараюсь не пристыдить жирного французского гостя и представить его с истыми его соземцами; а Василью Львовичу, в честь тебя, пошлю несколько крупиц от развалин Периго при длинном письме.

Племянник почти кончил свою поэму, и на сих днях я два раза слушал ее. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, личной для него: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он и сам станет уважать себя и несколько остепенится. Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям, но, по выходе в печать его поэмы, будут искать на нем если не парик академический, то, по крайней мере, не первостепенного повесу. А кто знает, может быть схватят и в Академию? Тогда и поминай как звали! И Жуковский стал не тот с тех пор, как завербован, и даже начинает жалеть, что поминки твои о нем в письмах ко мне реже встречаются. Если отыщу в своей подстольной архиве новейшие стихи его, то пришлю.

Отведи душу: скажи, на что тебе наша Библия? И как согласить это требование с твоєю полу-исповедью, в четырех стихах заключающеюся?

Вторую часть Прадта получил, но, кажется, Карамзин не послал ее еще в Дмитриеву, хотя я уже и уведомлял последнего о получении отчетов.

Брат собирался сам отвечать тебе, но еще спит, и что-то нездоровится ему. Я боюсь, чтобы здешние весенние зефиры не помешали ему долго встретить царьградского Борея.

Уведомь меня поскорее, отчего не получаем мы по сию пору купленных нами рукописей, за кои давно уже и деньги к вам посланы? Зимний путь пройдет, а воды отсюда до Варшавы не было, следовательно, и не будет.

Да пришли мне с первым курьером то, что я давно просил у тебя: «Charte constitutionnelle et statuts organiques du Royaume de Pologne», Varsovie, с польским. Если есть и другие акты, а особливо о разводе и прочее, то доставь. Я не знаю, чем руководствоваться по вашим делам, а беспрестанно случай встречается. Вы еще держитесь или только придерживаетесь наполеонова Уложения. Как жаль, что покойник Deschamps, мой товарищ – уже покойный. Он бы вразумил меня.

Сейчас (12 часов пополудни) вхожу я чрез алтарь в католическую церковь, а оттуда выносят Коломби, гишпанца, который умёр у самого алтаря, стоя с другими министрами при отпевании герцога Берри, апоплексическим ударом. Церковь была полна и «освящена

только мраком». Каков вздор! Или: «виден был только мрак!» (Подражание Делилю, который слышал одно безмолвие). А пропос: St.-Maure на сих днях начинает свои двенадцать лекций, и я жалею о своих ста рублях. Сейчас прислали мне сказать из библейской лавки, что русского Евангелия уже нет. Все вышло, а Библию посылаю. Постараюсь, однако же, отыскать и русское Евангелие к следующему курьеру.

270. Князь Вяземский Тургеневу.

27-го февраля. Варшава.

Мое существование так идеально, так мало ощутительно, что я никогда не надеялся успеха ни в чем. Мне всегда казалось, что шаги мои не дотрогиваются земли и следов по себе не оставят. В самом деле, хотя, может быть, и имею, если не неприятелей, то по крайности недоброжелателей, но и те более не любят меня как мнение, какую-то невидимую силою их подавляющее, нежели как препятствие, лежащее поперек низменной дороги жизни. Теперь представляется мне случай наступить на землю: соберусь со всеми силами, чтобы врезать этот шаг. Пускай откроет он новое поприще, и не занесет его ветер забвения, и не заростет он крапивою ничтожества! Так: за начинающего Бог! Друзья, за мною! Недоброжелатели, прочь! Или нет, столпитесь, перечьте мне: ваши гнусные усилия натянут еще более порыв благородного умысла.

Ты видишь по этому вступлению, что я получил ваши письма и ободрен вашим одобрением. Растолкуй, где и как начнутся прения, кои ты предполагаешь. Брат твой говорит, что правительство занимается рассмотрением средств пресечь продажу людей *без земли и по одиначке*. Я не понимаю. Да ведь оно давно сделано: злоупотребительные увертки от сего постановления, кажется, такого рода, что трудно искоренить их. Пожалуй правительство, сколько хочет, греми против сверхзаконных процентов, но пока лишняя деньги будут у заимодавцев, а недостаток в деньгах у должников, правительство станет всегда проповедывать в пустыне. Пока будут продавцы и покупатели крови, торг крови увернется всегда от закона: будут отдавать в служение, в учение, в мучение и так далее. Здесь рану не усыпить, а исцелить потребно. На это одно средство.

Благодарю за «Сын» и прошу поблагодарить Греча. Измайлов не так поступил; он подкупил меня, присылая даром «Благонамеренного»: вот мой ответ на лестный выговор Ив[ана] Ив[ановича]. Если успею, перепишу «Послание» к нему и отправлю сегодня.

Конечно, Вейсс женится и вскоре, à la mi-carême à la St.-Joseph. Великий князь иначе не входит к ней в комнату, как пропевая куплеты звонаря в «Вертере»: «Dieu don, Dieu don, mariez-vous donc». Вчера вечером выкинуло у него из трубы, а час спустя сгорел лубошный театр обезьян и собак; несколько актеров сгорело.

Прошу Библию и Евангелие пуще всего, а там «Пустодома» и другие новые комедии Шаховского. Кто этот увеченный дьявол, который городит о театре? Эти театральные статьи напоминают мне шутку Желтого Карла о каком-то Сенове: «Он написал пятьсот сорок три статьи о французских актерах и театре; предлагают заклад ста луидоров о том, что в них не найдется ничего похожего на мысль». Непостижимо, какое отсутствие мыслей присутствует почти во всем, что пишется у нас в журналах! Ни малейшей игры ума, ни малейшего движения! Это даже не плоско, а просто пусто.

Прости, душа! Скажи хоть слово о Жуковском. Примусь переписывать. Прочти и отошли. Тысячу рублей получил.

Притиска княгини В. Ф. Вяземской.

Voulez-vous avoir l'extrême complaisance de m'envoyer cinq ou six boîtes de magnésie, de celle qui se vend au magasin anglais; il faudra les faire mettre dans une caisse de bois pour qu'elle ne se gâte point, et vous m'obligerez infiniment en me l'envoyant le plutôt possible et en m'excusant pour mon importunité. Je vous salue, en vous souhaitant tout plein de prospérité

271. Тургенев князю Вяземскому.

3-го карта. [Петербург].

Спасибо за письмо без числа, но с четырьмя стихами. Первую половину сообщил Сверчку. Посылаю песню Жуковского, а твою остроу на чужую тупость отдам в «Сына». Постараюсь сегодня послать и русское Евангелие. Жуковский не собирается в Берлин, но охотно поедет, если поедут и возьмут его с собой.

Я читал почти все листы французские о последнем происшествии и получил портрет убийцы, который хотел послать к тебе, но Булгаков отнял его у меня для брата Александра. Теперь читаю «Maximes et pensées du prisonnier de St.-Hélène». Много оригинального и, вероятно, ему принадлежащего. Сейчас входит возвратившийся из – ² Остолопов и отнимает последние минуты. Тургенев.

Для Сибирякова все деньги собраны.

² Место не означено.

272. Князь Вяземский Тургеневу.

[Начало марта. Варшава].

Вчера целый день таскался по шингаркам, кабакам, – домам, чердакам, подземельям, лавочкам, мастеровым, входил в незнакомые дома и прочее; сегодня то же ожидает. Отгадай-ка! – перед концом поста дамы, вызываемые обществом *dobroczytnosd*, ходят по всему городу просить Христа ради в пользу госпиталей, сиротских домов и богадельней; две такие дамы взяли меня в себе в секунданты; одна из них – девица и, по общему мнению, не моему, считается здесь из первейших красавиц; другая также миловидна и любезна; другой секундант – наш брат, и таким образом эти Гогартовы прогулки, в которые часто нападаем на природу врасплох, любопытны и забавны. Предложи это предложение в своем Обществе женских патриотов.

Я получил образчик твоего редкого письма от 3-го марта и рад, что совесть меня не убьет, если ответ также не весьма будет плотен.

Если Сибирякову все деньги собраны, то, ради Бога, напечатайте письмо рязанского дея, с историческим предисловием, а там и я бухну свое послание, чтобы дея векам изобличить. Хорошо если бы Ник[олай] Иванович взялся за это; признаюсь, боюсь ума Глинки кудреватого, но, по крайней мере повидимому, всегда благородными побуждениями движимого.

Прочти 17-е письмо о Ста днях в 109-й «Минерве»: «Но кто, впрочем, не знает, что опоры правительств слабых всегда расположены советовать насилие? Доказательство тому могло бы легко быть представлено».

Как Гречу не стыдно, по крайней мере извлечениями, не знакомить Россию с тем, что пишется в Европе, а он все твердит нам о Камчатке; чорт ли нам в Камчатке: мы сами первоуродные камчадалы. Кстати о «Сыне»: что значит, что я по почте снова получил семь книжек Греча? Для кого и почему? Да кроме того попроси Греча, чтобы он всегда отсылал прямо в канцелярию Мраморного дворца, а не через почту; скажи эту просьбу Николаю Михайловичу; он всегда журит меня за расточительность.

Читал ли ты «Летописи» московского Общества, год III? Это – библия глупости. Отыщи на 22-й странице письмо Хвостова: настоящая притча! *Герой в словесности, облеченный в броню вдохновения!* Не могу выдержать – не выписать; может быть, книжки у тебя под рукою нет, а это золото:

«Судя по преклонности лет моих, может быть, удастся мне принести первому в Елисейские поля о решении последней задачи вашей о способностях и преимуществе друг над другом двух наших лириков... Мы водили хлеб и соль с Гаврилом Романовичем».

Я хотел бы знать, чье это золотое *преимущество друг над другом!* Хвостовщино ли, или Прокоповщино. Кто лучше: папенька или маменька? – И папенька лучше, и маменька лучше.

Посылаю тебе «Хартию» и две книжки «*Annales protestantes*». Сколько их было? Я только сейчас получил их от *Zaiączek*, которая брала их с собою в деревню. Живи здоров. Жуковскому – поцелуй за песню.

И бешенство грозные лица зажгло –

бешеный стих. Поклон братьям. Нет ли еще портрета Лувеля?

В разводах держатся буквально Кодекса Наполеонова. Прочти в листах французских голос г. Фоу в депутатском заседании 6-го марта.

273. Князь Вяземский Тургеневу.

22-го марта, европейского. [Варшава].

Небрежностью людей иль прихотью судьбы
В один и тот же час и рядом
От свечки вспыхнули обои здесь; там, на дом
Выкидывало из трубы!
«Чего же было ждать?» сказал советник зрелый,
Взирая на пожар: «Вам нужен был урок:
«Я от такой беды свой домик уберег».
«А как же так?» спросил хозяин погорелый. –
«Не освещаю в ночь, а в зиму не топлю».
«О, нет! Хоть от огня я ныне и терплю,
«Но костенеть в потьмах здесь человек не сроден;
«В расчетах прибыли ущерб место дам:
«Огонь подчас во вред, но чаще в пользу нам,
«А твой гробовый дом на то лишь только годен,
«Чтоб в нем волков морить и гнезда вить сычам!»

A bon entendeur saint!

Назовите, как хотите,
И отдайте в «Сын».
Если цензор – Valrebut
Или просто с- сын,
Хвост поджавши от испуга,
Не забудет в набат.
И зажигателя Лувеля – Тистлевуда
Не отошлет в верховный каземат,

то-есть, в кабинет министра на рассмотрение, как то было с статьей о Вольтере. Прости! Будь здоров! Это письмо не в счет. Назвать просто: «Пожар»; не выставлять: *Варшава*.

274. Тургенев князю Вяземскому.

17-го марта. [Петербург].

Завтра рушу с приятелем твой пирог и скачу по мокрому снегу с братом в Москву. Вот и тебе завуска и на зубок. Прочти пятничный «Conservateur» и газеты русские субботняя и другие и вспомни меня.

Продолжай писать по прежнему. Брат будет пересылать ко мне письма, а я буду искать из старой столицы сердцем и пером старого друга.

Боргондио в один концерт собрала в Москве 15000 рублей.

275. Князь Вяземский Тургеневу.

20-го марта. [Варшава].

А мы разве не умеем писать пятистрочные письма? Извините, и у нас хлопоты: шататься с целым городом, от первого воеводы до последнего трубочиста, по церквам – поклоняться гробу Христа. Должно бы тебя наказать; но уж так и быть, для братьев твоих скажу, чего у вас, может быть, еще не знают. В прусской «*Staats-Zeitung*», одной из вернейших европейских газет, 25-го марта, сказано, что, по известиям из Мадрита, король принял конституцию кортесов, обнарудовал и поклялся ей; живите здорово!

Так и быть, посылаю через тебя незапечатанное письмо к Орлову. Ты этого не стоишь, но так и быть. Вот еще посылка Смирновой. Что сделал ты из письма, которое я тебе на её имя прислал? Она его не получала. А два письма светлейшему Меншикову? Пуст он мне хоть через тебя слово отвечает: тут идет дело о судьбе человека.

Выдай за меня сто рублей для семейства Маздорфа, о воем упомянуто в 9-й книжке, и не худо бы сделать для него Арзамасскую складку и так и отослать *из Арзамаса*. Это лучше будет, чем при каждой плевке моей выставлять: *Варшава*; что за клеймо такое! Воейкову отошли мой ответ. Он пишет ко мне, что Каченовский выкинул из отрывка о поэтах (помнишь, о воем я тебе говорил) стихи обо мне.

В воздухе лето, на земле грязь; пишу у открытого окна. Смерть Христа привела весь город в волнение: все на улице, а моя улица самая расхожая. Поневоле спускаешь глаза на маленькия ножки, пробирающиеся осторожно по грязной мостовой.

На обороте рукою Н. И. Тургенева: Александру Ивановичу.

276. Тургенев князю Вяземскому.

20-го марта. [Петербург].

Посылаю тебе на трех языках доклад наш и выписку из одного в «Conservateur», сделанную в Министерстве иностранных дел, частию братом Сергеем. И то и другое было мною переправляемо. Что-то скажут в Европе?

Исполнение сделано втайне, прежде, нежели доклад опубликован был. Мы поразили пастырей в Полоцке в одно время, и оттого овцы разойтись не успели. Предписания всюду гражданским и духовным начальством получены были в один миг. Скажи Николаю Николаевичу, что это – мысль еще 1807-го года.

Помнит ли он, что я, по его приказанию, тогда еще написал историю иезуитов в России? Но сажусь в кибитку, чтобы ехать или плыть в Москву.

277. Князь Вяземский Тургеневу.

27-го марта. [Варшава].

Надобно же родиться счастливым! Перед отъездом в Москву – второго Владимира! Сколько лишних обедов, кулебяк, вишневок! Уж полно, не сам ли ты написал указ о себе?

Сделайте милость, друзья мои, если уже суждено мне узнавать о смерти кого из вас, так пусть узнаю в Варшаве. На днях поразили меня на несколько часов известием о смерти Орлова, но, по счастью, я дознался истины. Что ты делаешь в Москве? Ради Бога, поражай закоснелых, запоздалых и не потакай бригадирам из стерляди или кулича. Там такая лежит ночь, что ужас! Перевлюбись в Урусову за меня и за себя, видайся часто с Васильем Львовичем. Толкнись все-где с нашим намерением на счет освобождения крестьян. Дмитриев холоден и осторожен; но постарайся узнать, что он о том думает. Что английские клубники говорят о Гишпании? Прости! Мне писать некогда. а тебе некогда меня читать. Скажи мое почтение матушке, и брату сердечное приветствие. Булгакова обними. Поклон Borgondio и зови ее к нам. На первом бале провальсируй за меня с Урусовою и Киселевою, Варенькою. Купи мне хорошего турецкого табаку и вышли из Петербурга; спроси у Толстого-Американца. Смотри, не забудь!

278. Князь Вяземский Тургеневу.

4-го апреля. Варшава.

Гонитель езуитов
И кум митрополитов,
Здорово ли живешь?
Как спишь, как пьешь, как жрешь?

Наше правительство ребячится и, слыша о *coups d'état*, и свои заводит. Воля твоя, я худо верю о пагубном влиянии езуитов в России. Мы веком отстали от Европы и непременно хотим проходить все её следы. Когда-то гнали езуитов, и мы гнать их спохватились. Во Франции либералы на них теперь нападают и на всех миссионеров, как на орудия обскурантизма, деспотизма и прочее. Что нам за дело, что несколько жидов окрестят латинскою или греческою водою? Кой чорт могут езуиты наделать в Сибири? Конечно, французские листы насажут несколько похвальных слов газетному герою, на коего курс страшно в них упал с некоторого времени. Если вы это даете Европе, как антидот от Стурдзы, то хорошо: по крайней мере есть какая-нибудь польза. Но куда же их вывезли? Неужели голых бросили на границе? Да и это что значит, что их обобрали? Выгнать – выгнать, а вознаградить можно бы за то, что от собственности их отнимают. Ты видишь: я непримиримый *wigh*. Но в самом деле, не тысячу ли, не миллион лет, не бесчисленное ли число мер, действий предлежит правительству важнейших? Нет, оно и краем руки до них не дотрогивается! В вашем доме завелись ужи и змеи, а вы расставляете мышеловки и с торжественностью вешаете пойманных мышей на дверях на диво прохожих.

Что дал бы я, чтобы день прожить с тобою в Москве! Нынешним летом, вероятно, съезжу против солнца, если не удастся съездить по солнцу, то-есть, в европейскую сторону. Прости! Василия Львовича поцелуй и за меня выслушай новую басню, если есть; а если нет, так хоть старую. Сергею Ивановичу мой сердечный поклон. Как сошлись они с Николаем Михайловичем? Ты верно поехал за *Borgondio*? У нас каникулы.

279. Тургенев князю Вяземскому.

21-го апреля. С.-Петербург.

Fuimus Trojae – в Москве. Как сон прошла двадцатидневная жизнь моя. Я жил с другом-братом, с новыми и старыми приятелями, с старыми воспоминаниями и с жирными стерлядями, под новинскими качелями, жизнью души с братом и сердца – с прелестными московскими красавицами, в которых все прекрасно, кроме башмаков, на конце немного загнутых и не по ножке сшитых. Хоть бы ты над ними сжалился! Я не смел глаз опустить вниз и если не упал к ногам их, то только для того, чтобы не встретить широкого и измятого башмака на китайской ножке. Все мои минуты были взяты. Последние провел я в неизъяснимой грусти по брате, которого Бог знает когда увижу. Равлува тяжела с ним и отравила мои наслаждения. Я решился устроить будущее свое так, чтобы жить с ним вместе, ибо без этого счастья, так как без этой надежды, спокойствия быть не может. Где бы то ни было, но вместе. Это первая потребность теперь не только сердца, но и души, но и ума, всего, что называется жизнью в жизни. Я решился через два года ехать за ним в Царьград и ехать с ним или за ним, куда судьбе угодно. Никакая звезда не уклонит меня с сего направления.

Начал Москвою, а свел на брата, ибо и там он был главною или, лучше, единственною моею мыслью. Прочее были мечты, хотя и прелестные.

Кстати о прелестях. Письмо твое и поручение танцевать с Урусовою и Киселевою получил накануне отъезда, но исполнил его в духе проведения накануне и, не смотря на каноническую мою важность, вальсировал с ними в котильоне, по их приглашению. NB. Ибо иначе не пускаюсь.

Теперь явилась на сцену дочь А. М. Пушкина, милая и умная, как мать, с которой покороче познакомился, Алексей Михайлович был также моею отрадою, ибо он – с умом необыкновенным и воздержнее врет прежнего. Василья Львовича лелеял и по твоему завещанию, и по собственному побуждению. Вот тебе письмо его, которое распечатал неугомонный племянник. Едва его здесь не уgomонили без меня, но он сам к тебе пишет. На два года положено хранение либеральным устам его.

Иван Иванович все так же чопорен и мил, как был. Тебя благодарит, ибо Европу по тебе и по Англинскому клубу знает. Москва во многом старом оживает. Более приему в гостиных, несмотря на раскол Благородного Собраниа, в котором *отделение* так называемое, хочет перебить лавочку у старого Англинского клуба. Я не понял причину их распри и выслушаю altera parte от С. С. Апраксина, который на днях сюда будет.

Американцу о табаке сказывал, но он, кажется, собрался писать о нем в Тульчин к Киселеву.

Пушкин прочитал мне письмо к тебе, и я увидел, что он едва намекнул о беде, в которую попался и из которой спасен моим добрым гением и добрыми приятелями. Но этот предмет не для переписки.

Твои замечания о иезуитском деле полусправедливы. И я на них сердит не столько за то, что они делали, как за то, чего они не делали, имея 20000 душ, дома и библиотеки. Какие средства для просвещения, а они забавлялись над шизматиками, еретиками и жидами! Разве мы в XVI веке? Собственность их была собственностью государства, ибо их сохранили в России при всеобщем уничтожении ордена на известных условиях, которые ясно изречла Екатерина. Они не исполнили оных и потеряли право на средства, кои им предоставлены были. Иезуиты, как частные лица, собственности не имели и по законам ордена не могли иметь. Впрочем, средства, но не цель, изменились. Иезуитов, то-есть, тех же средств к достижению цели не существует в России, но цель – польза церкви католической и богоугодных заведений – осталась неприкосновенною. Государь велел отправить их и дать им все нужное

на дорогу, не только до границы, но и далее, и все исполнится с возможною в подобных случаях либеральностью. В самое то время, как у нас невидимо собиралась над ними гроза, грянул гром на них и в Гишпании и разразил их вместе с инквизициею. Несмотря на запоздалых, *novus ab integro nascitur ordo*, и везде, даже часто самыми запоздалыми, споспешествуется новый порядок вещей. Долго все это еще не уложится,

Боргондио здесь, но больна. В Москве она не понравилась, но собрала много денег. *L'un vaut l'autre*. Филис слышал третьего дня у князя Голицына и говорил о тебе. Она мила, поет хорошо, но голос резкий и не всегда приятный. Прости! Я опять погружен в хлопоты и не могу без грусти вспомнить о московском сладком бездействии. Но я и там много видел и не без пользы для службы. Тургенев.

280. Тургенев князю Вяземскому.

28-го апреля. [Петербург].

Я приехал сюда не в одной скуке и грусти, но и к горю: успел уже похоронить лучшего моего чиновника и десятилетнего сотрудника по духовным и потом и по советским делам, Неверовского. Он оставил беременную жену и трех малолетних дочерей. Донесение мое о нем князю было прочтено государю, и вдове по смерти, а дочерям по замужеству, назначено три тысячи пенсии и 7600 рублей единовременно. Я говорил о нем правду и от всего сердца. Кричать будут, но Бог с ним и чорт с крикунами.

Хлопоты чрезмерные: пет времени сказать слова ни о книге графа Мейстера, ни о переродетой «Минерве» и даже о Пушкине, который едет к генералу Инзову в Крым, и с которым поступлено по-царски в хорошем смысле сего слова. Тургенев.

281. Тургенев князю Вяземскому.

5-го мая. [Петербург].

Сейчас площадь пред моими окнами обновлена сорокатысячным парадом. Сад, кровли и канал усыпаны были народом, которому третьего дня музыка всего гвардейского корпуса заунывными рогами и прочим возвестила блестящее нынешнее зрелище. Вот статья, не из письма к тебе, а из «Северной Почты», в скуке и с Козодавлевым почивающей.

Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем. Мы постараемся отобрать от него поэму, проч[итаем] и предадим бессмертию, то-есть, тиснению. Он стал тише и даже скромнее *et, pour ne pas se compromettre*, даже и меня в публике избегает.

Разгадай нам загадку в письме твоём в Кар[амзиным] в ответ на их поздравление. Я намерен просить о перемене дня отправления курьера в Варшаву, ибо среда – канун моего доклада и, следовательно, день моего тревожения. Прости! Нет ли у вас Кастельнова путешествия в Одессу и пр., в трех частях, в 1820 году вышедшего. Погали к брату Сергею в Одессу по первой почте. Он отправился туда через Киев.

Письмо к Дмитриеву отправил по прочтении.

282. Князь Вяземский Тургеневу.

[7-го мая. Варшава].

И нынешнее письмо будет только из нескольких строк; во-первых, потому, что твое 28-го апреля коротко, да и неясно (растолкуй мне историю Пушкина); во-вторых, что переезжаю сейчас на дачу, то-есть, в сад в предместьях и едва сыскал перо, которое плюется пуще Сергея Львовича; в третьих, что сижу под небесною батареею, которая заливает город водою и пламенем: в двух местах загорелось, а пешеходы по улице плавают. Прощай! Сегодня будет ночь, завтра другая,

В третью чудо совершится...
(продолжение впрядь).

Пятница, кажется, 7-го мая, а впрочем не знаю. Скажи Н. М. Карамзину, что он, может быть, получит несколько карт России, которые растолкую ему со следующей эстафетою. Жуковского обнимаю. Что мои два письма в Орлову, одно не запечатанное, другое с книжкою; отправлены ли верно?

283. Тургенев князю Вяземскому.

19-го мая. [Петербург].

Два письма твои получил, а сам одну среду пропустил, то-есть, ту, в которую царскосельский дворец горел. Вот тебе 200 рублей от Карамзина. О Пушкине уведомяю после, а письмо твое к нему пошлю с первою почтою. Он теперь при Инзове. Гарновского казармы, а с ними два человека и шесть лошадей сгорели на третий день царскосельского пожара. В Петергофе был тогда же пожар, и Аничковский дворец загорался. Voilà, les cathégories de l'empereur justifiées. Должен был ехать в Кронштадт с Потоцким, Татищевой и прочими, но остаюсь для дел. Суди, могу ли писать. Тургенев.

Польских басен твоих цензура ее пропускает. Скоро запретят печатать: «Все ли вы в добром здравье?» Нужно говорить о многом, но после.

284. Князь Вяземский Тургеневу.

11-го июня. Остафьево.

Мне Н[иколай] М[ихайлович] писал об удивлении Николая. Николаевича, узнавшего об отъезде моем. Надеюсь, что ты просьбы моей не забыл и говорил, и говоришь с ним обо мне. Буду ожидать от тебя уведомления о переговорах твоих и тогда напишу ему.

Что вы делаете, арзамасские ребята? Я здесь сижу на размазне: прошел мой мясоед. В Москве не с кем молвить слова: сухая материя халдейского разбора! Я с Булгаковыми не видался; ожидаю их к себе в Остафьево. Староста отдыхает под смоковницею. Кстати о смоковницах. Пришли мне хорошую французскую Библию. Я вчера купил русскую в лавке Библейского общества и, на запрос, велел ее записать на имя Алексея Михайловича Пушкина. Не забывай всех просьб моих; их так много, что и я сам не все упоминаю. Пеняй на себя: ты ободряешь мою наглость. Прости, Сюся! Всем нашим поклон.

285. Князь Вяземский Тургеневу.

[Конец июня. Петербург].

Голос с того света. Сделай одолжение сердечное, доставь сам письмо, а не отсылай. Это уже входит в область поэзии: вся существенность исчезла. Греха на совести твоей не будет. Допиваю последние капли очаровательной настойки: засяду или залягу в коляску, и все вытрясется. Застать можешь сегодня после обеда; впрочем, узнаешь» Меня принуждают остаться здесь до понедельника, то-есть, до вступления в 28-й год. Приезжай непременно к нам обедать с словом жизни. Пришли мне «Méditations poétique?» и купи где-нибудь «Les élégies» de Bertin. Если ты заупрямишься бесчеловечно, то письма все-таки не отсылай ни под каким видом. Обнимаю тебя от всего сердца, тоскующего, мрачного, смятенного, с похмелья. Поднеси ему рюмочку, и оно просвежится; если станешь мне пенят, то вспомни, что «и курица пьет». Присылай ответ просто на мое имя. Я здесь обедаю в понедельник. Будешь ли, целовальник души моей и воображения? Не забудь эстафеты в воскресенье.

286. Князь Вяземский С. И. Тургеневу.

[Конец июня. Петербург].

Заставляют писать к вам: я и сам писать рад, но что скажешь из Петрограда в Царьград нового, любопытного, странного? Все одно и то же, что у вас, что у нас. Разве только придется, как в свои козыри, спросить: чья старшая? Злоупотребления режутся на меди, а добрые замыслы пишутся на песке. Я здесь не долго прожил, а успел уже видеть, как разнесло ветром начертание прекрасных предположений. Грустно и гадко! И самые честные люди из видных не что иное, как временщики: по движению сердца благородного бросаются вперед; по привычке трусить – при первом движении августейшего махалы отскакивают назад. И до сей поры адская надпись Данта блесит еще в полном сиянии на заставе петербургской. Больно повторять за вами если не вечное, то, по крайней мере, долгое «прости» любезному отечеству, а делать нечего. Нельзя жить для пользы, то хотя жить надобно на радость и перенести то, что живого есть в душе, в какое-нибудь бытие поэтическое, а не то совсем протухнешь. Пока еще воображение не увяло и сердце не обветшало, есть где уйти от скуки. Но что предстоит, когда баснословная эпоха жизни издержится, и придет время, что надоеет ходить по облакам, а рассудком и душою потребует поверять очевидностью следы, означенные по дороге перешедшей? Тогда-то русская жизнь во всей своей худощавой наготе, во всей своей плоской безобразности представится взору, и длинный ряд нулей окажется в итоге бытия промотанного. Между тем живу на бумажки: одна ассигнация доставляется вам А[лександром] И[вановичем]. По его требованию пересылаю и другие. Вы не почтете эти ассигнации фальшивыми, когда узнаете, что они надписаны гишпанской красавице. Живите в поганой Туречине веселее нашего на святой Руси. Возвращаюсь на днях в свое некоторое царство, некоторое государство. В августе или начале сентября будет у нас некоторый сейм, в силу некоторой свободы, под покровительством некоторого «Быть по сему».

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

15-го июля 1820 г. Буюгдере.

Спешу благодарить вас за любезное письмо ваше; оно хотя на минуту, развлекло ту грусть, которую принесли мне письма братьев. Вот что значит быть далеко от России! За две недели перед этим получил я прелестную новость и еще не перестал ею радоваться; мысленно наблюдал за всяким действием брата Александра, за всяким словом брата Николая; почти узнавал руку провидения, приманившего вас в Петербург накануне подписи; мечтал, рассчитывал все обстоятельства, предвидел и уничтожал препятствия, любовался графом В[оронцовым]. Теперь вся надежда, а с нею и все веселье мое исчезло. Наши противники обдали меня холодной водою, их любимым элементом, и я проснулся поневоле. Но это первый был опыт. Легкия победы неверны. Попробуйте же еще! Покуда надо работать с тем, чтобы успокоить умы, *si умы у а*. Да, ради Бога, не думайте, что вы все сделали, доказав, что вы хотели сделать. Этого, ей-ей, не довольно, особливо когда Бог и государь за нас.

От всего сердца любовался вашими стихами испанской, польской, русской, но, к несчастью, не всесветной красавице. Она их, они её стоят. Возвратясь в некоторое царство, где вы найдете уже некоторую княгиню, прошу засвидетельствовать мое почтение княгине. Если г. Мюллер будет спрашивать известий о жидах, то сделайте одолжение, скажите ему, что в Петербурге я ничего не нашел; а здесь и искать еще не успел.

Простите, любезнейший и почтеннейший князь Петр Андреевич, не забывайте преданного вам С. Тургенева и хотя иногда позволяйте ему надеяться получать от вас письма.

Дашкова, который теперь в Греции и скоро будет в Иерусалиме, ожидаем здесь в октябре.

На обороте: Его сиятельству князю Потру Андреевичу Вяземскому.

287. Князь Вяземский Тургеневу.

24-го июля. [Варшава].

Я получил твои комментарий на письмо Дружинина. Сердце мое уже здесь обжилось, но рука и голова еще что-то не сказываются, и потому ты будешь и сегодня без письма. К тому же я как то не сердит на тебя, а немного от тебя отшатнулся. На мороз сердиться нельзя, но он сжимает и знобит, а ты на меня подул морозом. Сделай одолжение, извини меня перед Дмитрием Павловичем Татищевым: я, забывшись, уехал, не простясь с ним. Мне так совестно, что я успел мало воспользоваться его обществом; но, надеюсь, в другой приезд буду счастливее.

Скажи Боголюбову, что жду от него письма. Его книга меня тешила. Сколько стихов надумалось у меня дорогою! Но тебе ни одной стопы: дело кончено! Ты окаменил мою поэзию. Ты отказался быть моим Ганимедом, то-есть, мой *знать мед*, как гонят вино. Прости! Всем нашим поклон.

Узнал ли ты о росписке Смирновой? Палки не имею. Получил ли деньги, но ведь не все? Что еще должен? Отослал ли ты мое письмо к Булгакову перед отъездом?

288. Князь Вяземский Тургеневу.

30-го июля. Варшава.

Что ты сам ничего не пишешь, а только что чужие письма марашь?

Как хочешь, так кусай и злился,
Но только не воняй.

Граф Хвостов.

Да еще лжешь на меня. Прошу вперед не умничать и сейчас написать ко мне по старому, а ведь я не стану тебе в одиначку сказки сказывать на грядущий сон. Сегодня у нас по твоей части: обед крестинный. Теките, слюнки! Бурчи, живот! Прости! Не шали, а то право разлюблю! Вот тебе сочинение персидского посла. Подпишись за меня на «Соревнователя» и «Невского Зрителя». Получил ли деньги от Дружинина, и все ли? Что росписка Смирновой? Безобразова у Мятлевых в деревне. По следующей почте Жуковскому стихи, а тебе шиш. Посылка к Безобразовой.

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

4-го августа 1820 г. Буюгдере.

Тому две недели назад писал я, отправляя к братьям ответ мой на письмо вашего сиятельства. Теперь же пишу только для того, чтобы попросить вас, почтеннейший и любезнейший князь Петр Андреевич, о доставлении в Петербург прилагаемого здесь письма. Я не успел послать его со вчерашнею почтою, а нынешний наш курьер отправляется прямо в Варшаву, по причине отъезда государя из России. Не откажите мне в моей просьбе и примите наперед мою благодарность за исполнение оной, так же как и уверение в совершенном почтении и искренней преданности вашего покорного слуги Тургенева.

Милостивой государыне княгине прошу засвидетельствовать мое почтение. Не будет ли каких поручений на Восток от её сиятельства?

289. Тургенев князю Вяземскому.

4-го августа. [Петербург].

Я получил прежде письмо твое из Варшавы, а потом маленькую цидулку из Вильны; и я не то чтобы сердит на тебя, а так, как бы тебя от сердца оттянуло. Боюсь, чтобы это не было хуже. Письмо твое еще более меня простудило тем морозом, которым на тебя подуло. Из последней и первой не то чтобы размолвки нашей, ибо ты сказал только одно слово, подтвердил я себе одну старую истину, которая служит к чести святой дружбы, но не к нашей. Во время оно я бы имел дух выговорить или высказать все, что на уме и на сердце, а теперь перемолчу. Ты хотел, чтобы я трактовал шуткой то, что для нас и было шуткой, но мы были кошками, а для мышки могли быть слезки, хотя и беспричинные. Легче перенести один несправедливый упрек, нежели не сметь смотреть прямо в глаза... *mais l'inconvénient de la chose est qu'elle n'est pas assez sérieuse pour en parler sérieusement et qu'elle Test assez pour refroidir à jamais un sentiment bien prononcé, que je commençais à prendre pour de l'amitié.*

О росписке Смирновой справлюсь сегодня же. Росписку Бут. посылаю. Сверх того 195 рублей на шинель и прочее. При сем письмо Жуковского, который едет в сентябре или октябре за ученицей на год в прусские края. Палку тогда же отправил. Булгакову тогда же письмо отдал, а он все верно доставил. Брат Николай кланяется. Он подал в отставку от Министерства финансов, но еще не имеет оной. Он хочет быть так же чист в службе, как я в дружбе, и так же, как я, подал в отставку. Прости! Известия твои о Неаполе были самые свежая, и я угостил ими дипломатов. Тургенев.

Никита Муравьев уезжает сегодня в Одессу. Сообщил ли я тебе циркуляр губернаторам графа Кочубея по случаю екатеринославской мечты о свободе?

290. Тургенев князю Вяземскому.

11-го августа. [Петербург].

Я получил письмо твое от 30-го июля и решился продолжать переписку: от тебя зависеть будет, чтобы в тот день, когда душа на месте, душа слышна была в письме. Но если ты будешь писать стихи к Жуковскому, а ко мне строки с препровождением посылок, то и я буду только пересыльщиком официальных новостей и чужих стихов. Кстати, вот тебе присланные для «Сына» стихи Иванчина-Писарева. Право, недурно и лучшее, что было писано о Кат[алани], разумеется после твоей прозы. Каков комплимент?

На журналы подпишусь. Посылаю росписку в доставлении Безобразовой холста, список о книгах для Ивана Ивановича и письмо от Сергея, вчера полученное. Бедный брат разочарован после первых наших известий о добром начале или, лучше, о начале доброго дела. Он восхищался, а теперь в унынии, но не в отчаянии. Я надеюсь поддержать его бодрость разными известиями. Деньги для портного и 200 рублей не получал. Если придет Дружинин, то вычту. Скажи Северину, что Иван Иванович спрашивает меня, был ли он точно в Петербурге и получил ли письмо его? Я разрешил его сомнение о пребывании в Петербурге, но не в письме. Я читаю теперь рукопись, единственную для биографии, особливо для внутренней жизни Екатерины. Храповицкий описывал ежедневные происшествия и, будучи ежедневно и беспрестанно при ней и пользуясь её доверенностью, а что еще важнее и доверенностью её Захара, записывал *ipsissima verba* все, что видел и слышал с рабскою и почти с лакейскою верностью. Но так как он был употреблен и в важных делах, то в записках его вижу я зародыши мыслей Екатерины, из воихл после вышли трактаты, война, законы. Журнал ежедневный и *nilla dies sine linea*, и оттого есть связь в происшествиях; право, почти история, но конечно прекрасные материалы к оной: характеристики людей, ею начертанные; анекдоты, изображающие нравы века и двора того времени. Сколько живых еще подлецов, сколько подлецов уже мертвых, но бессмертных по милости сих записок. Есть и о Державине любопытная черта. Я нашел два раза имя отца моего в истории мартинистов. Это наслаждение для русского, особливо для меня, ибо я вчера читал рукопись с князем Голицыным, который много помнит, многого был свидетелем и поверяет свое тем, что читал; но писанное все верно. История любимца Мамонова или его падения вся тут. Многие скрыли стыд свой в гробе, но если дело истории изводить на свет правду, то они пожелали бы зарыть с собою эти записки. Хотел бы поговорить с тобою о подвигах Чернышева по возмущении и о новой книге Дидерота, но некогда. Пиши о себе и о ваших гостях.

291. Князь Вяземский Тургеневу.

[14-го августа. Варшава].

Что ты со мною лабзинствуешь? Хоть убей, ничего разгадать не могу. Какие слезки, какая мышка, какое слово мое, которое было размолвкою нашей? Какую подтвердил ты старую истину, которая служит в чести святой дружбе? Отчего мое письмо еще более простудило тебя, *pourquoi cette chose (et quelle est cette chose) qui refroidit à jamais un sentiment bien prononcé???* Перекрестись, рассмейся, только объяснись или замолчи, не устами и не пером, но сердцем и рассудком, а не то такую ахиною заврешь, что способа нет: ведь ты не в Таврической зале. Опоминься! Смешное дело, если дружба наша будет зависеть от того, что я люблю рюмку шампанского, «Die Resignation» Шиллера, «La placida Campagna» Каталани или какие-нибудь другие поэтические припасы. Не води ум за разум, а особливо же по брюху сердца; но более всего скажи себе, что ты меня не знаешь, что я не при тебе писан, что я дожил до тридцати лет, не сделавши публичного дурачества; что проповедывать рассудок – свойство мелкого ума, и потому что тебе не годится садиться в чужия сани; что я весь век свой изжил и изживу остальное не на столбовой дороге, на коей иссох бы я при второй версте, но что между тем и заблудиться мне не суждено, ибо я перенес все бури души, и вынес меня Бог невредимо; что тут, где идет дело о жизни, о корне жизни, не должно прикладывать холодного ножа нравоучения и проч., и проч. Более всего скажи себе, что тут между тобою и мною общего? Мне смешно и несносно долго толковать от этом. Ты с первого раза на этот счет объяснился и хорошо сделал, потому что повиновался первому побуждению. Ты в пикет не играешь: жаль! Я – охотник. В дружбе чем более частных связей, тем дружнее идет целый состав. Но ты думаешь, что карты – адское изобретение; что игра может занести меня далеко, и ты на это руки не подаешь. Прекрасно! За что же ссориться? Неужели этого, что одна скобка не утвердилась, всем скобкам должно разлететься? Я того не вижу, и шуточный мой язык был толмачом моего сердца.

Государь не сегодня, а завтра будет; ночует в Пулавах. Здесь Каподистриа, Северин, Фредро, Меньшиков и, кажется, Чернышев. Пронесся было слух о смерти папы:

Апраксин. Правда ли, что папа умер?

– Говорят, так.

Апраксин. Кого назначат на его место?

– Неизвестно!

Апраксин. Верно, военного.

Сделай милость, пришли циркуляр губернаторам и все тому подобное. В. С. Новосильцов опять писал Николаю Николаевичу о губернаторском месте, уверяя, что Приест неминуемо будет проситься прочь: Николай Николаевич, который уже раз за него обжегся, неохотно попытается в другой; замолви стороною Кочубею или через племянника его, которого я видал у Карамзиных: Николай Николаевич будет тебе благодарен. Я ему сказал, что поручу тебе это дело партикулярно.

17-го августа.

Это письмо лежит у меня с отъезда эстафеты, которую, Бог весть как, прозевал. Государь приехал 15-го вечером; ничего еще не делается.

В Париже открыт заговор против королевской фамилии. Правительство уже с некоторого времени о нем знало и хотело ему дать созреть, чтобы нанести удар решительнейший и полнейший. Парижские войска в нем участвовали, даже частью и королевская гвардия. Ночью захватили 32 заговорщика, которые пришли в казармы и хотели вести полки овладеть замком Vincennes, а оттуда – Тюллерийским, все перерезать и провозгласить сына Напо-

леона, а Евгения Богарне правителем. Впрочем, по отъезде курьера, который прилетел сюда в восьмой день, в Париже все было покойно.

Каждый приезд государя наносит мне флюс, и я нынешнюю ночь страдал, как мученик. Вырванный зуб и пиявицы облегчили меня немного. прости, более сказать нечего, некогда и нет сил.

Скажи Гречу, что надеюсь доставлять ему журнал предстоящего сейма. Сколько мог бы он мне отделять листов на то в каждой своей книжке? Отвечай на это скорее.

292. Тургенев князю Вяземскому.

18-го августа. [Петербург].

Письмо твое от 6-го августа получил и другое, перелюстровав, к Жуковскому отправил. Доставлю мои замечания на прелестные «Воспоминания», но вперед прошу присылать ко мне, а не к нему, ибо кто старое помянет, тому глаз вон. Пиши воспоминания, но не помни то, что убивает поэзию души, следовательно и жизни.

Я получил от одного из моих чиновников известие с Кавказа о Пушкине. Он там с Раевским. Дело Скибицкого ко мне не поступало. Уведомь, где оно? Писать совершенно некогда. Помешал Закревский. Тургенев.

Булгаков уезжает в пятницу.

293. Князь Вяземский Тургеневу.

20-го августа. [Варшава].

То ли дело, как дурь с себя откинешь! И письмо, как письмо, и ты, как ты, и я, как я: говорю о одиннадцатом августа. Ничего. нового, кроме того, что еще один зуб я себе вырвал, а великий князь еще воевал какие-то белые шляпы краковских студентов: при себе велел их окроить и выслал за город. И это в присутствии царя, и это перед открытием сейма! Вчера должен был быть смотр войск, но дождь заставил отложить до завтра.

Я послал к тебе с курьером письмо из Царьграда при своем и благодарю за доставление другого. Мало по малу свита съехалась. Чернышев постарел, похудел и пожелтел чрезвычайно. Ожидаем с нетерпением встречи его с женою, которая здесь и намерена показываться. Я еще ничего не знаю о его подвигах и о возмущении казаков.

Нельзя ли как-нибудь взять список с записок Храповицкого или купить? Я охотно заплатил бы за них.

Едва ли не придется воротиться на старое: будущее как-то туго становится. Над нами носится какой-то дипломатический пар. Обстоятельства европейские важны, прямодушие дельцов несомненно, но сильны ли головы их? Ясны ли их взоры? Нет ли чего-то тут облачного? Изю всех концов мира съезжаются курьеры, канцелярия день и ночь работает. Что из всего этого будет? Конечно, насильственные меры народов нехороши, но что же делать, когда правительства кривят душою и путаются. Я говорю этим господам: «Ведь не бесовское же навождение ставит вверх дном Европу.» Смятение – людское: не ищите причин ему в мире метафизики заоблачной, а здесь, на земле. Человек мечется. Вы говорите: «Он испорчен», и начнете читать ему проповеди. Нет, он болен; он требует помощи. Пища, которую вы ему даёте, нездорова; ноши, которые вы ему на плечи кладёте, несомно и прочее, и прочее. Истребите причины неудовольствия его в самом корне, очистите душную атмосферу, которая тягчит больного, и тогда скажите больному: «Смирись!» Что вы сделали с падения Наполеона? Перекрошили Европу в угоду каких-то исторических преданий, отложивши все наличные требования до другого времени. Вот вам и пришлось за пожданье. Наполеон приучил людей к исполинским явлениям, к решительным и всеразрешающим последствиям. «Все или ничего» – вот девиз настоящего. Умеренность – не нашего поля ягода. А правители, между тем, справиться не могут с надлежащими орудиями, которых величина не по их силам. Оттого то они и стараются здесь подрезать, там поутончить, а Алкиды между тем бесятся, и того и смотри, что взбесятся, и Бог знает, чем это кончится. Войной? Какой войной? Кто против кого? Все общепринятые речения манифестов уже изверились. И сам Шишков не придумал бы теперь, как устроить предисловие войне против французов или гишпанцев, или итальянцев. Одно нам предстоит: запереть накрепко все европейские сообщения, поставить некоторые столбы, за которые запретить Европе перешагнуть под страхом нового северного наводнения, и засесть дома, но не с пустыми руками, а за работу. Иначе мы никогда ничего не сделаем. Станем все стеречь чужие дома; при первом крике метаться то в ту, то в другую сторону, а свой дом останется век недостроенным и развалится непокрытый. Что нам за слава быть страшилищем Европы и у всех сидеть, как муха на посу? Конечно, силачу всего легче протянуть кулак свой над головами; но что от того ему пользы, когда никто его не забирает! Нелепое хвастовство, неосновательное подражание! Наполеон держал свой кулак, но при случае и опускал его, куда следовало; но и ему эта *жизнь вчуже* не была впрок. Пришлось дела делать дома – все пошло к чорту. Его народ знал по газетам; он его знал на поле битвы. Столкнулись они дома – друг друга не поняли. Он торчит на скале, тот лежит под брюхом Бурбона, а мы за них должны отдуваться.

У нас здесь троица певиц: Самрі, урожденная полька, в большой милости у здешнего патриотизма, но, впрочем, и с дарованием, хотя старым; Сесси, которую еще не слышали, и её величество Каталани, которую еще не видал.

Обещают нам Потоцких. Государь обласкал их на дороге до крайности. Витт здесь, в Александровской; также и Чернышев.

С княгинею Łowicz государь по-братски: с самого приезда они каждый день обедают втроем – то у него, то у них. Впрочем, все так тихо, что прослышишь полет мухи, и царя как бы не было, кроме для нас, потому что он несколько раз в день мимо нас ездит; но еще ни разу не видал. Я себе, кажется, на время сейма работу пригрел: русский журнал о прениях палат. Подавал о том предложение, Ник[олаем] Ник[олаевичем] одобренное; но не будут ли перечить в исполнении? Мне здесь суше, чем когда-нибудь, то-есть, душевно. Жизни нет нигде: все это формы жизни.

21-го.

Не знаю, как делаю, а вечно прогуливаю эстафет. Скажи Карамзиным, что мы живы. Сбирался, было, писать к ним, но некогда.

Еще слово: граф Аракчеев приехал сегодня в ночь, и погода из красной сделалась пасмурной. Отошли письмо к Карамзиным. Прощай! Более сказать нечего.

294. Князь Вяземский Тургеневу.

[Конец августа. Варшава].

Спасибо за строки 18-го августа. Погода пасмурная и дождливая. Вчера было затмение светлое на земле.

Кто и говорил тебе, что дело Скибицкого у тебя? Дело в том, чтобы узнать, не поступило ли оно куда-нибудь, и в таком случае – за что и за кого приняться. Вероятно, если от тех будет просьба, то в Сенат или Министерство юстиции.

Приближается день великий открытия сейма, а в Александров день будет бал у Заиончека в новых покоях, убранных с роскошью, удивившею Париж, который ходил смотреть мёбли, обои и украшения. Французские листы говорили о том: всего около на тридцать тысяч червонных. Левые морщатся на эти издержки и, может быть, заговорят на сейме. По крайней мере заказать было бы в Петербурге. Но здесь этого не понимают и говорят, начиная с княгини Заиончевой: «Не все ли равно для нас, если деньгам не оставаться в Варшаве, что в Париж, что в Петербург им пойти». Все еще как-то народное братство не клеится: разве родство запечатлеется кровью на поле битвы, общею системою свободы политической или общею невзгодою, а иначе Ник[олай] Ник[олаевич] и великий князь худые крестные отцы и сваты. Связь их с нами – оковы железные для них: мы не имеем иного союза.

Из Парижа после того ничего не слышно; в Лондоне продолжается постыдный суд. Свидетели уже доносили, как любовника видели, выходящего из спальни королевы в рубашке и с подушкою под мышкою. По последнему известию, не знаю в какое-то число, когда королева пришла в залу судилища и начали перекличку свидетелей-обвинителей, она, при имени одного, вскричала: «И ты тоже против меня», вскочила со стула и убежала, в большому удивлению и неудовольствию приверженцев своих. В «Монитере» есть уже повеление короля, определяющее сознание перов и предание суду лиц, задержанных по заговору.

Что ты мне не говоришь о размолвке Плещеева с Тюфякиным? Правда ли, что он опять ссорился с St.-Félix? С курьером, отправленным в Неаполь, писал я к Пипиньке-Пепе. Он, говорят, скучает и глупою работою замучен. Вот газетный вызов: где русские начальники, умеющие ценить своих подчиненных? Право, без хвастовства сказать, мы все, сколько нас ни есть, – бисер в ногах свиней. Когда все поставится у нас вверх дном? Стихии все, как надобно быть, но разбери только: вода под грязью, огонь в гнилушке. Скажи, владыко, великое слово: «Да будет свет», и будет.

Дождь, сырость так с неба и падает, а вся кавалерия мочится на учении. Разумеется, и государь тут. Вот что они называют царствовать. Глупость пуще неволи. Кто сказывал Гречу, что и *обещал украшать их журнал своими превосходными стихотворениями*. Сказал ли ты ему мое поручение? Писать более некогда. Аминь! Целую от души.

295. Тургенев князю Вяземскому.

27-го августа. [Петербург].

Письмо твое от 15-го и 17-го получил. То, на которое ты мне отвечаешь, не послал бы я, если бы прочел, что написал. Но при всем том в нем, право, было более дружбы, нежели в твоём. Полно о прошедшем.

Спасибо за известие о Париже. Здесь хотя и было оно чрез французского чиновника Берлинской миссии, но не с теми подробностями. Уведомляй о ваших происшествиях. Посылаю тебе в оригинале ответ Греча на твой запрос. Каким образом можешь ты исполнить его требование и доставлять официальное позволение печатать? Разве чрез Новосильцова один раз навсегда предпишется помещать известия о сейме? Кажется, в прошедший сейм здесь не позволялось говорить о том, что у вас делали, и я не берусь хлопотать, ибо не надеюсь успеха. Цензура становится час-от-часу не строже, но произвольнее, ибо, пропуская введение к песням поэмы Пушкина, она запрещает осуждать стихи действительного тайного советника Хераскова. Разве языческие боги за нас вступятся, ибо и мифология, как наука, также запрещена, и позволяется только упоминать о ней в истории, так что если нечаянно встретится Юпитер или Сатурн, то при сей верной оказии можно сказать о них, что Юпитер – громовержец а Сатурн ел детей своих. Товарищ мой убеждал меня собственным примером в превосходстве сей методы, и я поверил ему.

Крейтон привез мне две запрещенные книги из Парижа; одна, «Portraits pittoresques des députés», забавляет меня, а Кологривов, увидя портреты их, узнал многих. Это pendant к «Маленькому лексикону великих людей».

Кстати о твоём участии в журнале Греча. Вот что И. И. Дмитриев пишет ко мне: «Если Греч будет журнал свой издавать на прежних правилах, то не пособит ему ни Воейков, ни прочие. Одни хорошие стихи, сколько ни напишай их в тетрадку, еще не составят журнала. Журналист не есть дрягиль, чтобы не сказать хуже, который обязан только сваливать с спины своей в типографию чужие тюки. Он должен и сам мыслить, должен быть патриотом, наблюдателем, литератором, умеющим писать легко и приятно, строгим оценщиком в словесности и беспристрастным посредником в авторских тяжбах, а не деспотом, как Каченовский, который сам бранит и глумит, сколько хочет, а возражений не принимает. Досадно, что Вяземский пустился по двум дорогам и сам себе мешает. Вот мой герой! Он один только у нас мог бы подавать журнал, похожий на европейский!»

Если хочешь, то скажи Новосильцову, а если нет, то знай про себя, что на сих днях постараюсь я побывать у графа Кочубея и дать ему почувствовать, сколько бы приятно было Николаю Николаевичу, если бы взял в губернаторы на место St.-Priest Василья Сергеевича. Теперь Кочубей в Царском Селе, и мне нет времени отлучаться, но в понедельник он будет сюда, или я к нему поеду. Свадьба их еще отложена на неделю, а может быть и более. Николаю Михайловичу лучше. Вчера получил я от него письмо, первое, писанное больною рукою.

Пиши иногда в брату Сергею. Он никакой отрады не имеет в тюрьме своей, кроме наших писем. Бог знает, когда можно будет его оттуда выручить. Кланяйся дипломатам вашим. Уведомляй о сейме:

Дай весть услышать о свободе!

Брат Николай тебе кланяется. Об увольнении его из Министерства финансов, по его желанию, послано представление к вам в Варшаву. Вряд ли это не отдаленное следствие общего близкого нам дела. Прости! Тургенев.

Не делай явного употребления из письма ко мне Греча.

296. Князь Вяземский Тургеневу.

30-го августа. [Варшава].

Что сказать тебе? Кривцов все скажет. А мы все умеем как-нибудь да досадить. Избрали в маршалы сейма Рембелинского, префекта здешнего воеводства, человека на казенном жалованье, не пользующагося ни доверенностью, ни уважением. Все на этот выбор рощпуг. Зачем гласно и торжественно объявлять, что людей независимых боишься? Чего бояться? Малого жужжания? Пусть жужжат: это жужжит, тот не кусает. Государя, как на зло, набивают превратными понятиями о людях и вещах. Когда будет на нашей улице праздник, то есть, на улице прямодушных и пряморазсудных людей?

31-го.

Кажется, никогда. Едва ли не другой раз обчелся я, как с вами в Петербурге, предложением своим писать русские статьи о Польше. Нас морочат, и только; великодушных намерений на дне сердца нет ни на грош. Хоть сто лет он живи, царствование его кончится парадом, и только. Меня уныние и злость одолели: Карамзиным вылил всю душу; тебе некогда. Прости! Когда скажу России: «Прощай»? Право, надобно. Холопами быть прискучится: это хорошо изредка, в праздничные дни, а для насущного – тяжело.

Стурдза – действительный, Северин – статский. Кажется, милостей только и было. Вчера государь открыл бал у Заиончековой с княгиней Łowicz. Жуковского обними. Надеюсь, что он чрез меня едет в Европу. По тому, что я вчера слышал, выбор предводителя еще хуже первых моих предположений и может иметь дурные последствия. Умы наморщены, хороший выбор мог их разгладить. Того и смотри, что начнут рожи делать.

297. Тургенев князю Вяземскому.

1-го сентября. [Петербург]..

Спасибо за два письма: от 20-го и 21-го августа. Вчера исполнил твое поручение и говорил с Графом Кочубеем о племяннике Николая Николаевича. Он знает уже о намерении графа Сен-При идти в отставку, но знает уже и о другом кандидате, которого государь назначает на его место. «Кого?» спросишь ты. – Военного. Так сказал мне граф Кочубей, не назвав его и сожалея, что не может употребить Василья Сергеевича. Скажи Николаю Николаевичу, что я еще более сожалею, что не удалось сделать ему угодное. Впрочем, это может быть и к лучшему для Василья Сергеевича, ибо он наследовал после сварившейся тетки тысячу душ, принялся за экономию, но не разорительную, а бережливую и мог бы снова построить наследство на воеводстве.

Записки Храповицкого со временем можно списать для тебя, но не теперь, ибо много хлопот и от одного экземпляра; впрочем, и с копиею нужна большая осторожность.

Мы здесь видим Кирову в ваше окно и слышим о ней вашими ушами, но ты один почти передаешь нам звуки оттуда, да и ты не сказал мне о конгрессе, или свидании в Троппау. Дипломаты наши в тон же неведения, ибо курьеры их пристают у вас. Я надеюсь, что государь скорее других согласится на издание журнала ваших прений, но надобно, чтобы воля его была дено выражена, ибо иначе здесь испугаются и самого намерения. Пока государь с вами, то можно бы, кажется, показав ему prospectus, представлять ему каждый раз, если не самые пиесы, то, по крайней мере, оглавление книжки и довести о сем до сведения здешних архи-ценсоров. Это послужило бы в пользу и нам, сидящим во тьме и сени, и скуке смертной, и приучило бы уши наши в русском отголоскам конституционных прений. Почему бы, кажется, не почитать вас совершенными иностранцами? Вы в полной мере этого достойны. Англинские прения, и самые скандалезные, печатаются в наших листках, и цензоры ни мало не морщатся.

Сейчас еду, если отпустят, в Царское Село и в Павловск с отставленным от театра Плещеевым. При сем письмо от Карамзина, вчера полученное. Вчера же отправил к ним и твой пакет и позавидовал книгам. Брат Николай тебе кланяется. Тургенев.

298. Князь Вяземский Тургеневу.

3-го [сентября. Варшава].

Спасибо за письмо. Что тебе мои контролировать? Как первое, так и последнее, как то, так и другое, как бывшее, так и будущее – все наговорены перу сердцем, тебе преданным и тем более тебе предающимся, что круг его надежд и доверенностей обстоятельствами и опытностью чрезмерно стесняется.

Открытие сейма было вѣлнчественно, как и всякое зрелище, озаменованное чем-то недюжинным. Государь произнес свою речь тверже прежнего. Все двусмысленно, все орудие обоюдное. Неужели это предписывается благоразумием и потребностями века? Ничего знать не могу: я человек большой, у меня кровь иногда кипит, иногда замерзает. Мне в нынешнем веке нельзя жить – вот это знаю. Пятьдесят лет назад я был бы Буфлером, героем Дмитриева, и славно Теперь рвусь далее: все блестящее в моих глазах померкло. *Ощутительности*, или *ничтожества* – вот крик моего сердца, вот голос века. Баснями его не накормишь. Есть еще другая жизнь перед нами – жизнь в гостях. В Европе со скуки не умру. Есть где уму, есть где волнению сердца, если не самому сердцу, поразгуляться. Волга не течет по луговой стороне, но выкидывает свои воды на луга. Я в банке, а в банке быть не могу. Дуралей бригадир, холоп казенный, приходит к Рейнскому водопаду, смотрит на этот вихорь влажный и, насмотревшись, говорит ему: «Это все хорошо, но зачем ты не стакан воды?»

Гречу, вероятно, ничего не дам, ибо ничего дать не могу по всяческим и многим причинам. Жаль! Сейм будет любопытный, и виды мои были широкие. Будет другой век, когда протухлый наш век сгниет; вопли моего сердца, быть может, не заглушатся под усилиями невежества, и я отзовусь у добрых и счастливейших людей. Я мало означил шагов на пути своего незначительного бытия, но шаг-другой останется впечатленным. Без сомнения, многие меня осуждают; скажи им, что я бежал в Польшу от России, от России бегу теперь из Польши. Я, конечно, не лучше другого, но позвольте же мне иметь свое сложение, свое, только свое; лучшее или худшее – это другое дело. Здесь надеялся я иметь надежнейшие средства действовать в своем смысле. Пробовал, щупал, допрашивался, – все по пустому. Остаюсь с истинным почтением и таковою же преданностью: нельзя лучше. Больно видеть степь перед собою, когда сердце нуждается в наслаждениях, ум требует деятельности. Но что же делать? Ограничиться частными услугами, площадными обязанностями человеколюбия; но, уделив половину дохода, который я проедаю и просориваю, я уверен, что принесу более действительной пользы, чем первейший ваш министр. Кто в России работает на завтрашний день? Все стряпанье этих государственных людей напоминает мне последнюю страницу годового месящеслова: нет ничего общего с последующим. Поставлена точка, «Конец», а за этою точкою, за этим концом начинается другое круговращение солнца, другой порядок, другая жизнь вселенные. Прошу покорно с ними толковать: они надуты важностию своею; на ту пору мы, которые всегда заносим взор и шаг свой в даль, смотрим на деятельность их, как на бытие преходящее, эфемерное. Нет общего языка. Мы их считаем дураками; они нас головорезами, и все тронулось с места, все взволновано. Например, я уверен, что не исповедание государя. в политическом отношении одержит господство в Европе: он наносит сильные и, может быть, праведные удары на противников; но я, между тем, вижу, что шайка противников при каждом ударе усиливается; там, вдали чернеется туча ратоборцев, которая поспешает на помощь терпящих. Какую после того иметь буду веру в успехе высочайшем? Вот в чем дело: принимать ли обстоятельства за стихию, против которой бороться нельзя, или за случайное поветрие? Я в них вижу стихию и готов сказать: «Умейте плавать, умеете летать, умеете обжигаться, или вы погибнете!» Они говорят: «Это – случай» и кидаются затыкать, тушить и заприживать. И все будет в дураках, помяни мое слово.

О сейме, то-есть, о действиях еще ничего сказать не могу: теперь все еще продолжают обряды. Вал у Заиончека был блестящий; жена адъютанта Вейсса на балы не приглашается. 5-го числа будет бал у Новосильцова, 15-го опять у Заиончека. Дом его царски отделан: un luxe insolent!

Сейчас с пытки: перечитывали перевод моей речи, который был очень удачен, но уже обезображен рукою высшею в ожидании высочайшей. Вот тебе речи. Сейчас отошли по экземпляру Карамзиным, Дмитриеву, Александру Булгакову, Василью или Алексею Пушкину. Только сейчас, а не потчивай других. Целую, милую.

299. Князь Вяземский Тургеневу.

7-го [сентября. Варшава].

Доставь это письмо Алексею Орлову для пересылки к брату. Здесь были маленькие шумы. На последнем сейме чтение протокола каждого заседания, как это делается во Франции, не было введено в употребление и, вследствие такого упущения, члены увидели в общем журнале сейма речи и голоса свои обезображенными. Ныне стали они требовать введения этого обычая, но маршал, опираясь на присягу свою держаться только постановлений уже раз определенных, а новых не допускать, отвергнул это предложение, как рассуждению палаты и не подлежащее, сложил свою булаву и стал ходить по зале. Тут возымели несколько голосов, обвиняющих маршала, что он отвергает предложение, еще палатою не рассмотренное и шум сделался общий, но после утих, и дело, вероятно, тем кончится, что протоколов не будет. Весь этот беспорядок и беспорядки следующие – плоды дурного выбора. Бал Николая Николаевича, данный 5-го числа, был прекрасный; еще несколько имеем в виду. Впрочем, ничего важного нет, а скуки довольно, а глупости и более, а уныния и вящше.

300. Тургенев князю Вяземскому.

8-го сентября. [Петербург].

Письмо твое без числа, но вероятно от 27-го августа, получил. О Скибицком выправлюсь, если отыщу твою записку, ибо я, справясь в своем департаменте, бросил ее в свой подстоличный архив, *ut requiescat in pace*. Пришли другую, если можешь.

Сегодня отправляется через Варшаву в Неаполь молодой Поггенноль к миссии. Я нагрузил его письмами и посылками к Батюшкову, описал ему все и всех и обещал за тебя, что ты воспользуешься отъездом Поггенноля из Варшавы, о котором можешь узнать от Северина или других дипломатов. Я послал ему от «Руслана» до «Урывков времени» Козлянинова: примечательное явление даже и в нашей словесности, произведение усердного члена нашего Англинского клуба. Он пишет, чтобы обедать в клубе, и экземпляр стоит обеда, то есть, по цене, а не по достоинству. Пришли тебе сегодня, если успею. Ты должен быть в числе подписчиков: это утешит автора,

Ив. Ив. Дмитриев просит тебя выписать для него: «*Biographie pittoresque des députés. Portraits, mœurs et coutumes*», с 15-ю портретами, в одной части, 1820. Но не знаю, удастся ли тебе достать ее, ибо мне ее прислали, как запрещенную в Париже. Он просит также тебя о присылке ему «*Mémoires sur la vie et les écrits de m-r Suard*», 2 volumes, но я напишу к нему, что эта книга не стоит денег; вторую часть «*Sur les Cent, jours*», но она, кажется, еще не вышла.

Тебя удивило объявление Греча или, лучше, Воейкова о твоём содействии «Сыну» их, а еще более соседство твое с Гнедичем. Ответственность всего братства вашего взвалил на себя Жуковский. И дипломат Батюшков испугается, увидя себя в числе журналистов; но ваши имена доставили Воейкову 6000 рублей ежегодно, а для отца семейства имя займы дать можно. Я ему самому сказал, что неприлично только ставить ваши имена, то-есть, Жуковского, Батюшкова и твое, с ним и Гречем; надобно беречь вас и вопреки вам самим, если нужно, и не сопричислять вас к ликам Гнедича, Греча и Воейкова в глазах всей публики. Не Воейков, а Жуковский за это рассердился. Воейков начал уже печатать из Жуковского «Для немногих», дабы журнал их не оставался для немногих. Если выходить публикацию ваших прений, то это может оживить их.

Вчера должен был приехать сюда Жуковский и Плещеев. Они обедали в Царском Селе у Карамзина, который опять занемог тем же ревматизмом и скоро принужден будет возвратиться в город. Плещеев оставил театр вследствие грубого письма к нему князя Тюфякина. Кокошкин уже помогает московскому князю Голицыну в управлении Москвою. St.-Félix также вышел вон. В своем роде и Плещеева выход из Дирекции подтверждает твое замечание о русских начальниках. Тюфякин дождетс другой грозой, если не от актеров, то от зрителей, за своевольную раздачу билетов, которых мы 30-го августа получить не могли, несмотря на то, что явились по его предложению с светом в театр. Если протекция – подлость и следовательно нужна для балета, то что же нужно для аренды?

Ты не уведомляешь меня об отъезде в Троппау и о прочем. Знать об отсутствии нужно нам для наших соображений.

Брат Сергей, узнав от меня о смерти Малышевой, огорчился необыкновенным образом. Он заказал Батюшкову эпитафию ей, подобную той, что на её младенца. Читал ли письмо в последнем «Сыне Отечества» о сей эпитафии и сложенной Воейковым и узнал ли в письме Блудова? Литература наша опять его задирает, и он начинает снова ею тешиться. Прости! Пора в Совет, хотя сегодня и *бабий праздник*, как говаривала Екатерина, то-есть, Рождество Богородицы. Авось успею еще выписать конец статьи об одном из депутатов:

«C'est à m-r Delessert qu'on doit les premiers succès de cette rivalité que notre humble betterave soutient encore avec les roseaux de St.-Domingue. M-r de Talleyrand, trouvant un jour sur une cheminée de l'appartement de l'Empereur un échantillon des produits nouveaux, le goûta et dit en le repoussant dédaigneusement: «*Va te faire sucre*». Napoléon, informé de cette plaisanterie, trembla qu'elle ne devînt populaire, et s'empessa de récompenser ostensiblement M. Delessert, par un cordon et un titre nobiliaire. Que de *barons* n'ont pas une origine si douce, et combien de fois les hasards de la noblesse n'ont pas été aussi plaisants!» Вот тебе для праздника! Взамен не пришет ли чего нового от графа Апраксина?

Сибирякову все деньги собраны, и все тем же добрым Глинкою, который вместо чаю начал по утрам пить воду для того, что на чай нет денег. Между тем Милародович грозит ему за то, что он не хотел служить при нем. Скажи об этом князю Меншикову, к которому я уже писал о Глинке, да и Закревский хотел писать. Балашев, отдавая помещику Сибирякова 5000 рублей, просил его удовольствоваться сею суммою, но дворянин отвечал: «Я человек благородный и не могу изменить данному слову, а я обещал уступить его за десять тысяч».

Читаю Laborde «*Sur l'esprit d'association*» и поучаюсь ошибками бывшей французской администрации, весьма для нас наставительными, и изъяснением выгод репрезентативной системы, которую он иначе называет, также весьма для нас поучительным; «*Принца*» Макиавеллиева с Реберговыми комментариями, а «*Принц*» сам есть комментарий на всю всемирную политическую историю, и наконец на сон грядущий: «*Lettres de la marquise du-Deffant à Walpole*», qui trouvait que Mithridate était l'ouvrage d'un garçon qui soit du collègue. Читай Лаборда и не соблазняйся библейскими девизами при каждой главе. Он со временем пригодится.

Канцлера выгнала скука на целый год из Петербурга в деревню, но кого же найдет он там? От себя убежать трудно. Он возбуждает какое-то необыкновенное к себе сожаление. Nonni soit qui mal y pense!

Правда ли, что Киселев женится на графине Софье Потоцкой?

301. Князь Вяземский Тургеневу.

9-го сентября. Варшава.

Спасибо за 1-е сентября. Николаю Николаевичу скажу о твоём участии в желании Василия Сергеевича. О Троппау я немного посеCRETничал. Я такую дипломатию обнял, что невольно и сам заражаюсь. Свидание будет между тремя святыми союзниками, *avant la lettre*, кажется, после нашего сейма. Что в этом хорошего? Еще более Европу запутают, еще более раздражат народы, и только. Неужели такими людьми грядущее вытыкается? Что в них определительного, положительного, созидательного? Работа редет под их хлопотливым челноком. Все это паутина. Столетия их не распутают; разве грянет какой удар судьбы, который все перережет по своему. Сейм наш дремал, сегодня проснулся. У него крадут время. Из тридцати дней, данных на разрешения дел, требующих несколько месяцев, похитили у них разными уловками дней осемь. Все это жалко своею мелочностью. И эти люди, которые только что фокус-покусничают в управлении, стаканом воды хотят морю давать законы и пределы. На сажени земли спотыкаются и блуждают, а хотят пробивать прямую дорогу в неизмеримости. Добрый путь! А мы в такое время родились, что надобно разбойничать на большой дороге или убраться с неё. Ужиться с этими сентиментальными путешественниками невозможно. Во время оно, в Бозе почивающие частные люди с завязанными глазами препровождались правительствами по канату, куда следовало; ныне мы не только прозрели, но научились и в даль видеть; хотим идти так и туда, куда совесть зовет, или с места не трогаться. Тут нет средних мер.

Что делает Жуковский? Опять держит мои стихи и не отвечает и опять сердиться на меня будет, что я не пишу с нему. Кто так изуродовал Батюшкова в 35-м «Сыне»?

Шепни им от меня: «Не сетуйте, друзья!»

должно быть в одном стихе; чтобы избежать рифмы на полустиишии, скажи: *Им от меня шепни*. А последний стих должен два составлять.

Кто сушит и анатомит Пушкина? Обрывают розу, чтобы листок за листком доказать её красоту. Две, три странички свежая, – вот чего требовал цветок такой, как его поэма. Смешно хрипеть с кафедры два часа битых о беглом порыве соловьиного голоса.

Кстати о соловье: Каталани нас завтра оставляет, не давши концерта. Она дуется за то, что не приглашена была на балы. А более не позвали ее за то, что из балов выключили отставленную Помпадуру, приглашая только полковнических жен. Много было переговоров и волнений для принятия такого решительного решения. После завтра бал у маршала *Rembielinski*. В виду еще бал в коронацию у Заиончека, а к концу сейма – у Новосильцова. Приезжай к нам поплясать. Через несколько дней ожидаем Потоцких, которые уже положительно объявили о своем приезде. Я очень им радуюсь. Теперь прости! Граф Аракчеев, кажется, дни через три или четыре уезжает. Я перевел в речи государя: *esprit de parti* – дух сообщничества. Слова, этого у нас нет: тем лучше. Лучше в словах самовластничать, чем известному уже слову дать насильственное значение. Мой перевод лежит еще у государя. Меньшиков подслужился также переводом и, вероятно, дух миротворства сольет оба перевода в один.

302. Тургенев князю Вяземскому.

10-го сентября. [Петербург],

Письмецо твое от 30-го и 31-го августа чрез Кривцова получил вчера, но жениха-курьера еще не видел. Жаль, что ты не со мною вылил всю свою желчь, а на Карамзина. Я понял бы скорее я прочел им то, что нужно. С нетерпением желаю видеть Кривцова и узнать от него все подробности. Кто представлял о твоём предложении? Если не Капо, то успех был сомнителен.

Сделай одолжение, поспеши навеститься, отправляется ли от нас курьер в Царьград, и отдай повернее мое письмо в брату. Меня уверили, что курьер, из Варшавы посылаемый, скорее доедет, нежели отсюда почта, которая уезжает 16-го и 2-го каждого месяца. Смотря по сему, располагай отправлением письма сего: оно нужное. Да, сделай милость, и ты пиши в брату, справившись прежде: точно ли, как меня здесь уверяли, наш министр в Царьграде перлюстрирует все письма к русским, даже к своим ближайшим чиновникам. Это подозрение отравляет мою переписку с братом. Не пропусти, пожалуйста, цареградского курьера.

Николай Михайлович простудился в Павловске и опять нездоров. Поздравь от меня Северина. Я обрадовал его производством Ивана Ивановича. Сюда приехал. Лаваль с молодой дочерью: и его еще не видел. Жуковский не поедет на Варшаву. Он не может располагать своим путешествием, ибо из Дерпта едет уже не один, а с адъютантом великого князя. В Германии надеется порыскать и приглашает меня в товарищи; в другое время я бы и решился, но теперь помышляю только о том, как бы через год или полтора выкупить из турецкого плена брата. Жуковский теперь здесь, и мы вечеряли третьего дня у Перовских. Плещеев во весь ужин мистифицировал одного гостя, случайно пришедшего, и он принял его за пьяного орловского помещика. Прости! Тургенев.

Вот еще поручение, которое прошу исполнить верно и скоро: отдай прилагаемый у сего пакет с 500 рублями ассигнаций графу Александру Николаевичу Толстому, адъютанту князя Меншикова и возьми с него росписку в получении, которую пришли ко мне. Пожалуйста, поскорее и повернее. Сейчас пришел ко мне Кривцов. Кстати о деньгах: писал ли ты к Дружинину о доставлении ко мне двухсот рублей, взятых на покупку шинели и прочего, и 490 с чем-то, заплаченных портному, в получении коих им я и росписку его послал. Впрочем, если не время, то я ногу подождать.

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

10/22-го сентября 1820 г. Буюгдере.

Позвольте мне, почтеннейший и любезнейший князь Петр Андреевич, еще раз беспокоить вас просьбою о доставлении прилагаемого здесь письма к братьям моим. Я не запечатал его, потому что содержание его, заключающее в себе некоторые новости. о Турции, где газет нет, может быть и для вас покажется любопытным. Примите наперед благодарение мое за препровождение этого письма в Петербург, а вместе и уверение в истинном почтении и совершенной преданности вашего покорнейшего слуги С. Тургенева.

303. Тургенев князю Вяземскому.

15-го сентября. [Петербург].

Письмо твое с речами и отчетами получил и вчера же разослал все экземпляры по принадлежности, и у меня, кроме польского, не осталось ни одного, ибо свой подарил я князю Голицыну; следовательно, пришли другой немедленно, да и впредь присылай не один экземпляр на мое имя. Кроме В. С. Ланского и меня, здесь никто этого не имеет, и меня затормошили просьбами о прочтении. Да и присылай и остальное все, что говорено было и будет говориться. Речь Мостовского оскорбила бы мою национальную гордость, если бы нелюбовь слабых могла быть оскорбительна. Какое приличие ставить нас в одной фразе с лютеранами и магометанами и в присутствии восточного царя своего *accorder des séances pour l'exercice décent du culte oriental!* Это неблагопристойно. Пришли и русский перевод речи. Я постараюсь отблагодарить *казанским* произведением, которое примечательнее всех речей ваших.

Вчера проводили у меня вечер Блудов, Чадаев и Жуковский и посвятили его чтению *казанской* книжки. Если бы не смех, то можно было бы лопнуть от ярости негодования, а ты горюешь от выбора Рембелинского! Если бы мы, по крайней мере, имели священное право сказать кому-нибудь о своем горе, даже только одному ему, хотя не вслух и наедине, и тогда принесло бы сказанное величайшую пользу; но зло, против воли его, творится и накапливается, и жалобы сердец благородных из побуждения самого чистого могут быть представлены в превратном и пагубном виде. Duclos говаривал в свое время: «*C'est une petite bande d'impies, qui me rendra dévot*». В наше и у нас можно сказать: «*C'est une petite bande de dévot, qui me rendra impie*», и я беспрестанно повторяю эпиграмму брата, которую он написал, кажется более еще для нас, нежели для Картузова:

О, сколь священная религия страдает!

Из неё делают дополнение в полиции и где же, и для кого!

После завтра едем мы с Жуковским в Царское Село к имениннице, а оттуда он уезжает в Дерпт и так далее. Послал ли я тебе эпилог Пушкина, на Кавказе написанный? Если нет, то прочтешь его в «Сыне Отечества» вместе с некоторыми переменами в его поэме. Каков Воейков? Я вчера сказал ему в глаза все, что думаю о его разборе и о его ответе Блудову. Охота связываться; но что, если бы Блудов не презрил его!

Вероятно, от вас будут отправления курьеров в Париж: это письмецо к князю Гагарину. Я получил его из Царьграда, днем после отправления моего письма в Париж.

Сейчас принесли мне Portalis: «*De l'usage et de l'abus de l'esprit philosophique durant le XVIII siècle*», в двух частях; сын выдал отца. Но если ты в состоянии читать по-немецки, то купи новую трагедию Раупаха «*Die Erdennacht*»: много прекрасного. Жаль, право, что читать некогда, а мыслить еще менее; а ум и душа так и рвутся на хорошее и изящное. Но что делать с прочитанным и с придуманным?

Кому сплести венок?
Кого им подарю?

Если бы двух – трех приятелей не было, так право укоренился бы в Англинском клобе и приобрел бы полное право на его гражданство. Разве вперед пригодится? Ибо, здесь «все для души», сказал мудрец, которому мы подражать не умеем.

Мне за новость сказали стихи, qui voicі, написанные по случаю громового удара, раздавагося при первом обвинении королевы, и затмения при представлении тому доказательств.

When Gifford commenced his attack on the Queen,
Loud rattled the thunder, red lightnings were seen,
When Copley summed up ail he'd prooved, had beck done,
Twas al'most a total eclipse of the sun.
In the whole of the case we may clearly remark,
Accusation in thunder and proof in the dark.

Отсюда собирается к Троппау граф Нессельроде. Пора писать в Царьград к брату. Пожалуйста, посылай ему ваши новости и уведомляй его о дипломатических переменах, даже и самых мелких, канцелярских, о которых можешь узнать от Северина. Прости!

304. Князь Вяземский Тургеневу.

16-го сентября. [Варшава].

Вот вам и русская речь. Надеюсь, что раскусите вставочное от коренного. Отошли один экземпляр Дмитриеву и Пушкину Василию и Александру Булгакову, Первому скажи, что, хотя делать нечего, а, право, ничего делать нельзя, то-есть, писать некогда. От последнего не получил ни строки с отъезда своего из Петербурга. Сейчас получил твое сытное письмо от 8-го сентября. О книгах, требуемых Дмитриевым, постараюсь. Здесь их нет.

Едем смотреть приезжих зверей. Грузинский уехал, говорят, в Гомель. Воротились. Сегодня утром пал в Посольской палате большинством 117-ти голосов против трех проект Кодекса судопроизводства уголовного.

Le gouvernement a ses licences, mais...

Такой промах пересолен. Подите теперь! Конечно, здешнее образование – игрушка; но в манежах Конногвардейского полка еще легче управлять государством. Как общее мнение ни удручено всеми возможными попытками самовластия, как над головами ни висят пары нелепого и гнусного шпионства, но там, где есть малейшая щель для государственной истины, там она, как ни делай, хлынет рекою и все одолевает, и все с собою уносит. Прения были по тому проекту любопытные. Маршал булавом своим давал беспрестанные киксы, а после власть гневается, что проигрывает партии и что выносятся мелом на черную доску народного суда.

Милый, не жди будущего года; нам всем должно выкупиться из алжерского рабства или промотаем все, что есть недвижимого на совести и на душе: несомнительными истинами купил я эту опытность. В слабых лучах просыпающейся зари угадываем пыл всежогущего солнца. Мы, которые назначением Провидения и обстоятельствами вызовемся на ответ потомками, не должны так небрежно пренебрегать насущною жизнью нашею: каждое наше лыко в строку. Помяни мое слово!

В Португалии новое возникло движение: требуют кортесов. Я помню, когда «Сын Отечества» балагурил и возжигал этими кортесами.

Быть может, на днях разгадается задача отвержения моему проекту говорить России о том, что делает государь России. Надежды, однако же, нет никакой преодолеть паутины, раскладываемые перед нами. Я в ужаснейшем унынии. Все свежее, все цветное увядает и бледнеет на душе. Я родился на вчерашний или завтрашний день, но верно не на сегодняшний: я – календарь Брюсов, или прошловечный.

Надеюсь, что ты перевод не будешь выдавать за мой, а за высочайший, и не упоминать обо мне никому. Блудова поцелуй за письмо: мы с ним сошлись. Прощай! Карамзиным пошли один экземпляр. На душе у меня слишком много желчи накопилось, а их душа так и свежееет росую утреннюю. Орлову пошли экземпляр.

Вчера, в коронацию, был бал у Заиончековой прекрасный. *Он* что-то не весел; кажется, едет 5-го октября. Любопытнейшие и важнейшие прения сейма впереди. Сергею Ивановичу будет письмо отослано. Алексей, сын министра, клялся, что отец писем не распечатывает. Разумеется, твое письмо с неапольским получено.

305. Тургенев князю Вяземскому.

17-го сентября. [Петербург].

Поздравляю от всей души милую княгиню с днем её. Еду в Царское Село пить за её здоровье с Карамзиным, Жуковским, Блудовым и бароном Шиллингом. Я получил вчера твое письмо от 7-го и посылаю к Дружинину опять только один экземпляр ответной речи. Для чего же нет русского перевода государевой? Я надеялся получить оный.

Вот тебе эпиграмма, недостойная её автора, Крылова:

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику прочел «Руслана и Людмилы»:
Хоть у меня довольно силы,
Однако ж для меня она ужасно как тяжка.

Не лучше ль: «тяжела»?

Я получил второй том de-la-Mennais: «Sur l'indifférence». И в этом есть предисловие, и, кажется, в нем – лучшие страницы книги. Нашим ультра-гасильникам опасно давать ее в руки. К его мыслям, которые они почтут своими, прибавят они кривые толки и опрутся на авторитет автора с талантом.

Сегодня получен здесь указ об увольнении брата из Министерства финансов. На место его – Вронченко. Не забудь другого брата, то-есть, пиши в Царьград. Я отправил твое письмо к Орлову. Прости, до среды.

Что ты ничего не пишешь о Португалии? Я послал сегодня кучу стихов доморощенного поэта Бориса Федорова к И. И. Дмитриеву, и, право, стихи недурны.

306. Тургенев князю Вяземскому.

20-го сентября. [Петербург].

Вчера получил твое 9-е сентября. Недостает у меня русского сердца, чтобы разделять польское негодование с тех пор, как получен указ о четырех с пятисот. Это погрузит Россию в новое уныние и тысячи в отчаяние. Где взять рекрут? Я не постигаю, кого отдадут наши крестьяне, и кто не в нашем положении? Если бы можно было деньгами откупиться, я продал бы последнюю книгу, чтобы спасти хотя одного отца семейства, ибо других не имеем для отдачи. Если бы я чувствовал необходимость сей меры, то не смел бы роптать и на Провидение. Она необходима потому только, что кадры наши неизмеримы. Не могу думать без болезни о сем всеобщем бедствии. Я точно стражду, как бы поразило меня. личное несчастье. Раны прошедшего года еще не зажили. Я хлопотал о спасении одного рекрута, который оставил кучу детей, а теперь осиротеют другие; но, право, общие бедствия для меня так же чувствительны, как и наши. Я не думаю уже о последствиях ежегодного сильного набора для всего государства. Крестьянская наша промышленность никогда не оживится, пока предприимчивость будет замерзать от неизвестности будущего.

Жуковский вчера прощался в Гатчине, сегодня в Царском Селе. Завтра мы проводим вместе, а после завтра он уезжает. Я пришлю к тебе новые его произведения, когда сберусь с духом.

О критике на Пушкина я уже писал к тебе, и откровенно говорил Воейкову, что такими замечаниями не подвинешь нашей литературы. Вчера принес ко мне Алексей Перовский замечания на критику, и довольно справедливые. Я отправлю их в «Сына». Они означены «Павловском, 15-го сентября. П. К – в». Его жена, а Жуковского Светлана, приехала сюда, и я видел ее в первый раз с каким-то поэтическим чувством.

Дух сообщничества, кажется, удачно выражен, хотя и «дух партии» хорошо пахнет, то-есть, его многие бы поняли, ибо давно выражение в употреблении. Присылай перевод хоть прежде, хоть после аппробации.

17-го был в Царском Селе. Я получил там письмо и три книги для Ивана Ивановича, давно там лежавшие, и послал все вчера в Москву: я исправнее. Прости, до середины! Сегодня экстра, то-есть, курьер: в долгу не оставайся.

21-го сентября.

Получил вчера записку твою с m-r Alphonse, но его не видел, ибо меня не было дома, когда он приходил.

Граф Толстой, для которого я послал к тебе 500 рублей, поехал курьером в Париж на восемь дней. Оттуда он, вероятно, проедет в Троппау. Куда же ты пошлешь деньги? Не лучше ли возвратить их ко мне? Но прилагаемый у сего пакетец отошли к нему с первой okazji, а если нет её, то хотя по почте, если недорого, но только скорее и вернее. От князя Меншикова узнаешь о нем вернее. Пожалуйста, будь исправен в сей комиссии.

Пакет к графу Толстому послал с французским курьером, а тебя прошу только о деньгах его. Возврати их.

307. Тургенев князю Вяземскому.

22-го сентября. [Петербург].

Что ты все со мною шулепничаешь и ничего не пишешь об отъезде папы в Вепу? С некоторого времени я не вижу и не слышу о Европе в твое слуховое окно. Зачем едет папа в Вепу? Волею или неволею? Домогаться ли защиты от карбонари или умолять о сохранении политического бытия его, которому угрожает австрийское преобладание в Италии? Со времен Аттилы, с самой половины пятого столетия, папы оставляли Рим, как ходатаи народов или церкви. Им почти всегда удавалось спасти их, обуздывать ярость завоевателей или силою красноречия, или очарованием, окружающим наследников святого Петра и ключников рая. Алтарь был тогда оплотом против могущества цесарей и убежищем независимости слабых, так как трон был твердынею, часто потрясаемую противу папского могущества во всех его видах. В равновесии сих двух властей искали общественного блага. С тех пор представительные системы заменили пап. На чьей стороне будут последние? Сохранят ли они обязанности, указанные им Провидением, или сделаются отступниками, то-есть, отступятся от народов и изломают пастырский посох в пользу скипетра царей и для сохранения собственного? Если изберут последнее, то сим самым признают ничтожность нравственной их власти над народом и откроют им и их правительствам слабость свою.

Если император будет в Троппау, а папа ожидать его в Вене, то что скажут благочестивые немцы, увидя святого отца просителем у того, коего предки целовали его туфлю?

Жуковский проводит с нами вечер у своей Светланы, а завтра провожаем мы его до Стрельны. Иван Ивович Дмитриев гневается на Северина за то, что он нашел время писать к князю Трубецкому, а к нему – ни слова.

Ответь на вопросы Катенина, также Алексея Перовского! Тургенев. Я писал к тебе вчера с курьером графа Нессельроде.

308. Князь Вяземский Тургеневу.

24-го сентября. [Варшава].

Воейков заставляет меня отдохнуть от Рембелинского, и того и смотри, что я за него примусь. Что строка, то нелепость в окончании его разбора «Руслана». Как сметь сказать, и то еще *не шутя*: «Красней, забыв должное уважение к читателям». «Вопрошает мрак немой»; если уже позволено «вопрошать мрак», и конечно позволено, то как же не придать мраку эпитет: «немой»? А после этого – наврать несколько строк глупых шуток Шишковских! Нет сил следовать за такую дрянью! Не знать, что такое «гробовый голос»! Да что нам за дело, что он не знает: мало ли чего иные люди не знают. Поди, спроси у наших министров, что такое ответственность министров.

Уста дрожащие *открыты*,
Огромны губы *стеснены!*

Он совсем одурел: открытый рот и стесненные губы быть вместе не могут, а уста и очень». Мужичкия рифмы: *кругом, копием*». Мужичкое примечание, так! Но в рифмах этих ничего нет ни дворянского, ни крестьянского. Нет, воля твоя, при Грече можно было показываться в «Сыне Отечества», а при таком обществе – слуга покорный! Ответ его Блудову глуп и гадок. Без сомнения, никакая книжка «Сына Отечества», со дня рождения своего, не была так унавожена, как эта.

Спасибо за письмо 15-го сентября и прелестные стихи Пушкина. Письмо твое к брату отправлено при моем и речах наших; к Гагарину отдано Северину. Сейм наш ни с места, и со дня падения проекта ни одного заседания ее было. Комиссии все возьмется с Советом Государственным, который совсем в дураках. Между тем не более недели остается до конца.

Сделай милость, пришли мне казаньщину; да ты все только вызываешься, а никогда не отзываешься. Здесь Минерва похотливая с матерью; пречистая Ольга поехала в Одессу. Они живут в летнем доме Новосильцова, пробудут дней пятнадцать и возвратятся во свояси. Здесь и Огарева, с вод в Москву проезжающая. К вам едет адъютант Прусского короля с известием о помолвке прусской княжны с мекленбургским князем и шталмейстер Мекленбургского с тем же. Здесь Лебцельтер, Алопеус. В Троппау, со стороны французской, будет ваш Лафероне и Караман при Венском дворе. Что-то из всего этого будет? Сегодня вся армия маневрирует.

Сейчас получаю письмо из Царьграда для вас, с позволением его прочесть. Впрочем, хотя бы и любопытствовал, то не впрок: письмо так нашпиковано, что едва пятое слово мог прочесть. Прости! Скучно и пасмурно. Возвратились ли Татищевы? Государь послал к Нессельроде перевод речи для напечатания в газетах и периодических изданиях. Скажи это Гречу, чтобы и он воспользовался, если хочет. Сейчас получаю твое письмо от 17-го с Крылова эпиграммою. Поздравь Николая Ивановича с заступником. Когда же на твое место посадят Емельяnekно?

309. Князь Вяземский Тургеневу.

Суббота вечером. 25-го [сентября. Варшава].

Проект закона о moratorium принят сегодня, с переменою в последней статье, Палатою посольскою большинством пятнадцати голосов. Завтра будет принц Оранжский. Сейчас у меня в гостиной толпится весь город, разумеется, не без Минервы. Я тебя балую. Прощай!

310. Тургенев князю Вяземскому.

28-го сентября. [Петербург].

Письмо твое с русским переводом речи получил только вчера, следовательно от 16-го до 27-го оно было в дороге и принесено ко мне из канцелярии графа Нессельроде. Уж нет ли перлюстрации? Чего доброго! Экземпляры все разосланы. Вот тебе ответы от двух Пушкиных на первый гостинец, и замечания мои на второй.

Дмитриев сердится на Карамзина за то, что долго не доставлял ему твоих книг. Теперь все отправлены.

Что за приезжие звери? Кто Грузинский? Зачем поехал в Гомель? Я не умел разгадать ничего. Все ли в добром здоровье ваши министры? Однако же позволь подивиться и оппозиции. Как же можно было принять в прошедший сейм один проект и отвергнуть столь сильно нынешний! Разве не те же редакторы? И неужели разница столь чувствительна в началах и в отделке? Или тогда напрасно приняли, или ныне увлечены были не одним побуждением общего блага. Правда ли, что отвержение редакторами југу было причиною столь блистательной неудачи? И правда ли, что југу не хотели, как установления слишком, так называемого, либерального? Впрочем, замечание твое о пользе дебатов справедливо, и я ежедневно убеждаюсь в истине, что самая малая доля публичности (Publicität) производит уже добро невероятное, хотя в первые минуты и не весьма приметное. Оно обуздывает дерзость невежества, хотя и не самое самовластие. Я бы желал оставить даже последнее неприкосновенным в самом источнике оногo, лишь бы только орудия оногo оставались только орудиями, а не делались в свою очередь безответными самовластителями. На первый случай даже у нас иначе бы, кажется, и быть не должно. было; по мы могли бы debатами въяве избавиться от безмолвных поражений здравого смысла, а с ним и общественного блага. Последняя сия мысль пленяет меня возможностью и даже удобностью исполнения оной; ибо для этого не нужно ни от чего лично отказываться; не нужно даже быть добросовестным любителем законно-свободных постановлений, а только признать пользу их и ограничить ими не свою волю, а других, не делая насильства собственным навыком, а обуздывая только одно будущее и в нем тех, для которых оно будет настоящим.

Жуковский уехал. Он оставил мне стихи твои без замечаний, ибо не успел их сделать. Я познакомился покороче с его Светланой и нашел в ней прелесть добродушие и любезного ума. Мне сдается, что она заменит мне Свечину, и что я буду отдыхать от жизни в её обществе. С первого разу был я с нею как старый знакомец. Посылаю тебе стихи Жуковского. Впоследствии пришлю все, что найду нового в альбуме, который он мне оставил. «Орлеанская дева» также у меня, но недоделанная.

Здесь теперь один разговор: о болезни жениха Вьельгорского. С тех пор как помолвка сделана, и счастье, которого надежда одна животворила его, ему объявлено, он онемел и несколько дней уже лекарства на него не действуют, и на него нашел род столбняка. Говорят, что это что-то нервическое в желудке. Иные говорят, что он в памяти; но, между тем, сегодня уверяли меня, что ему отказали уже или, по крайней мере, положено отказать. Между тем брат из деревни едет б свадьбе и найдет его без невесты и в онемении. Толки все еще разные.

29-го.

«И бысть вечер, и бысть утро». Скажи Потоцким, если они еще с вами, что здесь ничего еще не получено по их делу, но что варшавский доклад и для них был решительный, и что я уведомяю их чрез тебя, как скоро выйдет что-либо. В успехе я не сомневаюсь. Чрез Бутурлина поклон их по~лучил. Прости!

Посылаю письмо и сто рублей от Карамзина. Сейчас получил от Жуковского из Дерпта письмо.

Замечания на перевод.

«Развивать постановлений» – нельзя.

«Постановления сии» и пр. (второй период) – лучше, то-есть, яснее на русском, нежели в оригинале.

«Власти посредняя» – не выражают *intermédiaires*.

Да не забудем». На что *да?*

«В подпоре против слабости» – не по-русски. Вообще, этот период должно бы было поразгладить.

«Имя почетное». Что тут *почетного?* И в оригинале нехорошо, то-есть, мысль ложная; ибо можно сказать, что имя поляков им любезно, но почетного или почтенного в имени народа быть ничего не может. И какое *преимущество* называется своим именем? Разве пред другими польско-русскими провинциями?

Как можно *сравнивать пользу с бедствиями?*

«Желание следовало по пути, предписанному устройством».

«Современное стечение». Разве может быть разновременное стечение?

«И потребности. увеличили издержки». Какие же? Ими вынужденные?

«В числе представлений находятся проекты законов». Полно! Так ли?

«Прямейших». Прямее прямого ничего быть не может.

«Искренно отдаю».

«Законы требуют рассуждений».

«Извещат». Вероятно, ошибка типографская? Должно: «известят».

Что такое «совершенное пространство»?

«Недозрелые перемены»!

«Опирается на чувствования» – никак нельзя! -

Наушениям противоборствовать можно; но *соблазнам* должно противиться, ибо соблазн не предполагает никакого условия с его стороны.

Что за *инде*, и два раза? -

«Почерпнуть в убеждении» – нельзя, да и в «убеждении обязанностей». Что это значит? Мысль сию не трудно было выразить.

«Всегда исполнены» – вместо *неполняемы*.

«Наказывает» – вместо *научает*.

«Решимость» – не то значит.

«Поприще углаживается»!

Что за *свободы?* Во множественном у нас и в языке её нет. Это галлицизм.

Concession не так понял. Тут это не *уступание*.

«Возбуждать мнимую потребность в раболепном подражании». Ясно ли это?

311. Князь Вяземский Тургеневу.

2-го октября. Варшава.

N, и-ni, c'est fini. Вот тебе и отходная сейма, которая сделала сильное впечатление и вообще хорошее. Государь прочел ее с твердостью, а под конец – с чувством. Он делал свое дело, представители – свое. Из всех, его здесь и везде окружающих, он видит выше; вместо того, чтобы ему облегчать зрение, все эти слепни затемняют ему свет Божий; но и тут проскакивают орлиные взоры. Он назначил комиссию из Верхней и Нижней палаты для работы с Государственным Советом над проектом, Нижнею палатой отвергнутым, и комиссия составлена из членов, на сей проект нападающих. И умно, и великодушно!

Не я шулепничаю: ты, потому что врешь. Никогда папа в Вену не приезжал. Мы каждый день пляшем; государь отъезжает в понедельник в ночь или во вторник. Принц Оранжевый нравится. Вчера был бал у Заиончековой, сегодня у Замойской, завтра у Новосольцова. Здесь Лафероне. Лебцельтер, кажется, уехал с носом: Австрия хочет удить в мутной воде. Более писать некогда: корпим над переводом речи. Не забудь дать экземпляр Карамзиным и один отослать Алексею Михайловичу. Эта речь понравится Англинскому клубу. И Михайлу Орлову отошли непременно. При первом случае пришлю еще. Прости, голубчик! Дай убраться гостям, и я опять начну тебе сказки сказывать о Европе.

Что ты так плачешь о рекрутском наборе? Это предисловие Троппау к европейским читателям. Кровь пустить раз ничего: ослабнешь на час, но кровь прибудет в свое время. У нас на теле государства есть раны открытые: вот о чем плакать должно; они нас уморят, если не заживут.

312. Князь Вяземский Тургеневу.

Воскресенье. 3-го [октября. Варшава].

Вот тебе еще слово Польши для братии; но прошу накормить им преимущественнее моих, то-есть, наших трапезников, а потом уже твоих исключительно. Сейчас одеваюсь на бал к Новосильцову. Черные тучи уныния лежат на душе. Я – термометр: каждая суровость воздуха действует на меня непосредственно и скоростижно. Везде умею отличить человека от правителя: первый, под влиянием налетающих вдохновений, всегда близок к истине; второй, под отягощением побочных наущений и советов нечестивых, блуждает в пустыне неисходимой заблуждения. Как гражданин Европы просвещенной, как сын России, перстом Провидения к великому назначению призываемой, не могу без негодования видеть пресмыкающиеся препятствия, нас от великой цели отделяющие. Писать долее некогда и нет мочи. Обнимаю.

313. Князь Вяземский Тургеневу.

4-го октября. Варшава.

Фредро тебе все расскажет о здешнем житье-бытье: я его уполномочил. Все хорошее произошло от человека личного, все дурное от человека условного. Пусть расскажет тебе Фредро об отобрании пригласительных билетов на бал и высочайшем разрешении (écoutez, écoutez!). Завтра все уплывает, и мы остаемся с глаза на глаз с гнусностью уродливой власти. Польша когда-нибудь России откроется, и Россия упрекнет себя в нелепом предубеждении. Здесь семена будущего нашего преобразования, а преобразование это заключается в одной особе. Пускай приучится он в людям и отвыкнет от слепых орудий, и все подвинется к великой и неминуемой цели. Без этой науки нет спасения. Вы все омрачены преходящею тьмою подробностей побочных. Вы помните век Екатерины, а своего не знаете. Любите Польшу, желайте полякам успехов в поприще, открытом им рукою, которая вас держит под замком. Ложное направление, данное взорам государя здесь, отзовется гораздо сильнее у вас. Для здешних нет бытия: им остается одно слово. Здесь сказка сказывается, у нас она делается. Скажите некоторое теплое и великодушное участие в жребии народа, коего Провидение вам вручило, и польза, из сего проистекающая, не будет вовсе бескорыстна. Верьте, ваше грядущее разыгрывается здесь! Весь вопрос заключается в одном слове: желать ли в государе развития помышлений, здесь обнаруженных? Неудача здесь может ли быть одобрением ему там? Чего же вы хотите? Я хочу одеваться ехать на скучный и темный бал старика Потоцкого.

314. Тургенев князю Вяземскому.

6-го октября. [Петербург].

Спасибо за баловство от 25-го сентября и за невероятно скоро полученное письмо из Царьграда. Напрасно не разобрал его порядочно: оно любопытно; le soup d'oeil на Европу недурен; о Португалии предсказанное сбывается. Я получил твое письмо при Воейкове, но не прочел ему; ибо, для милой жены его – Светланы, не хотел огорчать его. В самом деле, нелепая и отлично глупая критика, а Дмитриев хвалит ее, хотя Пушкина уже и не хулит.

Казаньщину прислать не могу; ибо едва мог достать один экземпляр, который мне будет весьма нужен, ибо от вас толку не добьешься; а я при первом случае буду действовать, то-есть, говорить и писать, что думаю и чувствую, полагая, что бездействие есть преступление, которое многие прикрывают границами своих обязанностей. Я не бутлошник; однако же, если режут на улице, и под моими окнами, разве я не должен бежать на помощь и взбудоражить, если нужно, весь город, чтобы спасти жертву; а когда режут здравый смысл, святую нравственность и более всего – самую религию, то как же не вступить и по убеждению, и по долгу? Или предать все священное и прекрасное в руки фарисеев и разбойников и, отходя, умыть руки пред народом и правительством? Нам только положительным образом можно действовать и это *положительное – отрицательно*. Мешать злу – есть у нас одно средство делать добро. Остается еще выбирать вернейшее и *важнейшее*. Вот отчего часто я нерешителен; ибо, когда со всею силою существенности представится мне рекрутское бедствие, и я средства не имею воззвать во услышание властям предержавшим о миллионе, который погрузится в печаль и уныние от сей операции над государством, то зло, которое отзовется только невежеством нашего потомства, для меня уже не так чувствительно, и я будущим жертвою настоящему, без всякой пользы для того и другого, хотя и в полной мере чувствую, что «le pire de tous les désordres est le mépris pour l'instruction qu'une ignorance présomptueuse proclame avec tant de hardiesse» (Portalis).

Греч хотел воспользоваться твоим намеком о позволении напечатать речь государя; но ему позволения сего не дали, а между тем явилась она в «Инвалиде» и академических «Ведомостях».

Прислал ли в тебе Жуковский второе свое послание в княгине Оболенской (Нелединской), в котором он требует себе жены? Хотя и повторения тех же чувств и мыслей, по есть стихи прелестные и от души или из его души вылившиеся. Если не имеешь, так уведоми: пришлю, а по пустому списывать не хочется. Светлана его вряд ли не лучше стихов его: тихое создание, с прекрасною душой и с умом образованным. Теперь не она по Жуковскому мне мила, но Жуковский становится интереснее по ней. При ней можно отдохнуть от жизни и снова расцвести душой, Большой свет не опалил ее своим тлетворным дыханием, но она имеет всю любезность, необходимую для большего света. Смуглый Воейков fait ombre au tableau, но и он добреет и светлеет при ней. Honni soit qui mal y pense.

Сочинения М. Н. Муравьева, в трех частях, напечатаны, но еще лежат неподвижны у Катерины Федоровны. Мне хотелось бы, чтобы Департамент просвещения взял несколько экземпляров для училищ, и для этого нужно познакомить наших просветителей с бывшим товарищем министра просвещения. Надобно написать une courte notice sur ses oeuvres и выставить достоинства оных. Для успеха нужно упомянуть и о том, что большая часть оных, например: «История сокращенная России», служила руководством в учении государю. Не возьмешься ли ты за это? Блюдов мог бы прекрасно исполнить мое предположение. но я не дождусь этого от его лени. Если желаешь, то я подпишусь для тебя на один экземпляр. Нет ли охотников? 25 рублей экземпляр в трех больших частях и на хорошей бумаге.

Граф Вьельгорский выздоровел, но слаб и печален. Все рушилось. Истинной причины публика и по сие время не знает. Толки разные.

Брат благодарит за поздравление. Он снова принялся за умную работу: пишет о присяжных, југу. Но при мысли о ценсуре – талант мерзнет, уму тесно и душно. а одуреть все еще не хочется. Один ценсор гласно объявил: «Stat pro lege vol un tas».

Вот тебе три письма для тебя: от Дм[итриева], Смир[новой] и Глинки. Он опять при графе Милорадовиче, который ласками, извинениями, но более всего пользою службы убедил его остаться при нем. Скажи об том князю Меньшикову, от которого я получил о нем записку. Или ты уже сказать ему не можешь, и я буду сам писать в Троппау, а скажи это Потоцкой: она вспомнит мои прения за её столом о Глинке с Милорадовичем. Прости! Карамзины остаются до половины сего месяца в Царском Селе.

315. Тургенев князю Вяземскому.

8-го октября. [Петербург].

Сделай одолжение, любезный друг, прими на себя труд отправить *немедленно* письмо сие в Париж, если уже графа Толстого нет в Варшаве. Он послан туда и не пробудет далее, как до 1-го ноября нашего стилия: следовательно, всякая минута дорога. Если будет курьерская оказия прямо от вас, то с нею; если же нет, то по почте, но только по самой первой. Это адъютант князя Меншикова и сын бывшего обер-гофмаршала. Мать его в Париже, и я надписал уже на имя Шредера. Пожалуйста, не замедли: письмо весьма важное.

Жуковский 3-го числа выехал из Дерпта и обещал писать из Берлина. От Светланы его светлеет душа. Пришлю тебе в среду несколько стихов Жуковского, вероятно, тебе неизвестных. Воейков служит у меня в департаменте. Это письмо не в счет годовых лож. Прости! Обнимаю. А. Тургенев.

316. Князь Вяземский Тургеневу.

8-го октября. [Варшава].

Мало ли чего у нас на русском языке нет? Не более *свободы*, чем *свобод*, а для изъяснения мыслей несамодержавных слово *свободы* во множественном необходимо. *Свобода* – отвлеченное выражение; *свободы* – действие, плод, последствие. *Инде* – слово русское и не низкое, и гораздо лучше употребить его, чем сказать: *с других землях, в иных странах*, и прочее. Что такое *intermédiaire*? – То, что связывает конец с началом, верх с низом; отчего же не можно сказать *последние*. Отчего имя народа не может быть почетным, как и имя частных лиц? Например, имя Суворова было бы дано родственнику его, носящему другую фамилию. Разве нельзя бы сказать: «Даю вам это почетное имя»? *Преимущество* же – очевидно в сравнении с русскими, прусскими и австрийскими поляками. *Современное стечение* и очень быть может: одно стекается сегодня, другое завтра, а тут все разом стеклось. *Concession* точно так поняли: прошу не прогневаться. Прочее – иное так, а иное так быть не может под страхом казни оскорбления величеству. Приезжие звери – звери, которых за деньги показывают: Грузинские: смотри Грузино; Гомель: смотри канцлера. Отчего же один проект на прошлом сейме не мог быть хорош, а другой на нынешнем дурен? Впрочем, есть и отдельные причины. Голов было более, мнение было мужественнее; слепая покорность, податливая уступчивость, учтивость опаснее, а более всего, как ты сказал справедливо, отсутствие суда присяжного. Разве ты не читал речи Мостовского, которая не что иное, как извлечение главного отчета, подаваемого государю Государственным Советом и читаемого при Палатах соединенных. Тут правительство толкует, почему *jury* быть еще в Польше не может.

Бедный Вьельгорский! Он у меня из ума не выходит. Сделай милость, уведомяй меня об нем. Старались ли опаматовать его музыкой?

Вчера должны были расстреливать одного солдата и унтер-офицера, дворянина, за пощечины, данные офицерам; но на месте казни отложили кару первого на вечное заточение, другого – на двадцатичетырехлетнее: ни тот, ни другой, как сказывают, довольным не был и предпочитал смерть.

Вот и португальская история приведена в окончанию приобщением Лиссабона, 15-го числа, в народному движению Опорто. Пожалуй, лази теперь в облака из Троппау, а общее мнение, как я писал, кажется, к брату, валит через всю Европу, как ковыль-трава, и все по дороге забирает и уносит.

Вчера умер скоропостижно сенатор Линовский, один из патриотов польской революции и говорунов нынешнего Сената. На последнем сейме он говорил с большою силою и жаром против проектов.

Мы погрузились в тишину. Принц Оранжский скружил голову всем дамам, начиная с Минервы похотливой.

Вот тебе *pendant* к сочинению персидского посла, принцем написанный в литографическом отделении.

После решительной победы столько награждений не раздавалось, как здесь. Поляки к этому не привыкли и спрашивают: «Что же дадут нам на войне?» Одни мы, бедная шляхта, ничего не получили. *Rembielinski*, маршал, назначен государственным советником. Это так: он человек деловой. Потоцкий еще здесь: твое поручение исполнил Уваров не может выпутаться из Ланговых и едет в Троппау дни через два. Прости!

Письма к Дмитриеву не распечатывай: оно того не стоит. Алопеус, прусский министр, – гражданин и граф царства Польского.

317. Тургенев князю Вяземскому.

13-го октября. [Петербург].

Три письма твои, от 2-го, 3-го и 4-го с Фред[ро] получил и благодарю за речи, из коих разослал экземпляры к Карамзину, Дмитриеву, Орлову и Пушкину. Более не достало, а Рембел[инского] еще менее. Я надеюсь, что ты не забыл Царьграда.

Первое письмо твое мне не понравилось. Об орлином взоре я не спорю, а еще более согласен и в том, что другие не орлы. Но как можешь ты с таким равнодушием принимать рекрутство и находить как бы утешение в том, что это предисловие в Троппау? Что же будет в книге? Это не кровопускание и не минутное ослабление, а истязание самое жестокое, нравственное и физическое; истязание, требующее новых ран, самых чувствительных, на самых нежных частях государственного тела. Отчего такое хладнокровие к бедствиям отечества? Взойди в Губернское правление в минуту набора и возвратись с тою же усмешкою на устах и с тем же соучастием в польском прениям! Если это будет для тебя только кровопусканием, то скоро сам попадешь в цирюльники. На тот раз Бог тебя простит, но впредь не согрешай! Один Сергей Васильевич Салтыков представлял отца и мать в каррикатуре, а ты что делаешь с отечеством? *Loïn des yeux, loïn du coeur!* Нет, нет!

Погибель за тебя – блаженство,
И смерть – бессмертие для нас!

Вторая записка твоя снова на старый лад и, несмотря на мрачность оной, несколько уладила мое негодование. Фредро еще не видел. Сбираюсь к нему сегодня.

Я сам надеялся для нас на первые ваши уроки в законносвободности, но эта наука требует, как и все, некоторого продолжительного внимания. Вам, по крайней мере, сказки сказывают, а нам их слушать на велят. По сию пору я не мог добиться, чтобы напечатана была вторая речь государя, которую Европа прочтет прежде России. Ожидают официального позволения слушать слова императора. *Tout bien-consideré* я рад, что ты был в Польше в минуты её возрождения или, лучше, разрешения от конституционного бремени. Ты присмотрелся в первом опыте искусства Вильгельма Михайловича Рихтера и самым легким, не требовавшим императорской операции, *opération césarienne*. Ты видел, как принимают дитя и сохраняют родильницу; что делают искусные и неискусные няньки и матки, и как срезают излишний пупок у младенца, и какими прибаутками его убаюкивают. Возвратясь из сего повивального училища, ты передашь нашим бабкам всю практическую мудрость свою и для своих детей будешь еще чувствительнее и нежнее. Сохрани, возлелей эту нежность, добрый, а не Гречев, сын отечества! *Ayez des chants pour toutes ses gloires et des larmes pour tous ses malheurs!*

Вчера получил грамотку от Василья Львовича, уведомляющего, что камердинер Гарпагона, князя Петра Иваповича Гагарина, бежал и украл у барина три миллиона рублей; большая часть суммы обращена в ломбардные билеты, в закладные и пр., но в бауле было тысяч триста и золотом. Сказывают, он носил все деньги в штанах. Если он не повесится, так пожалею я о воре. Это тот же князь Гагарин, который мучил мужиков и дворовых людей и спасался обещаниями сделать молодого князя Лопухина своим наследником. В 1818 году один дворовый мальчик бежал от него и принес государю в Москве орудие наказания. Барин сей жил пред самым Кремлем и царскими палатами за Москвой-рекой и был предводителем какого-то уездного дворянства близ Москвы. Я собирался доносить на него в то же время, то есть, в 1818 году; таскался около его дому и искал говорящих памятников его жестокости, но все уже было скрыто и услао в дальние деревни, и спины залечены.

Пришли мне по отпечатанию все, что у вас происходило. Плещеев и граф Чернышев играют в Гатчине. Все туда двинулось сегодня к завтраму. Карамзины к 16-му будут, вероятно, здесь. Я дам вечеринку с дамами, то-есть: Карамзины, Муравьева, Плюскова и Светлана.

Что же ты не пишешь ничего ни о верхней, ни о средней своей части? С петухом ли первая, или с ключом последняя? Прости! После завтра постараюсь еще писать. Сию минуту получаю à *sachet volant* письмо к тебе из Царского Села. О папе здесь пронесся ложный слух, и я ему почти поверил и прочел недавно снова «*Le voyage des papes*», par Jean Millier.

318. Тургенев князю Вяземскому.

15-го октября. [Петербург].

Ноты для графини Самойловой я также получил, но еще не решился послать к ней, потому что она недавно потеряла брата и оплакивает его. Как же явлюсь я с мазуркой и с вальсом? Разве попросить Плещеева, чтобы переложил на панихиду? Вчера получил я от брата еще письмо из Царьграда от 16-го сентября. Али-паша хотел дать конституцию своей земле, подобную испанской. В камере единственно должны были присутствовать три четверти греков и одна четверть туров. *J'espère, que c'est libéral!* Сказывают, что он посылал в Корфу искать человека, который бы сделал ему конституцию по моде, *à la faèon du jour*. Брат думает, что стоило бы ему только обратиться в *Maitland, gouverneur anglais des lies Ioniennes*, который, конечно, *à l'instar* конституции семи островов, написал бы ему другую, достойную Яниненского тирана.

Наконец брат видел царградские мечети, кроме одной, которой христианам не показывают. Это та самая, где султан коронуется, то-есть, препоясывается саблею. Он восхищается св. Софией и башнею янычар, с которой видно весь Константинополь, но думает, что вид с Ивана Великого был бы прекраснее, если бы вместо двух грязных ручьев облегли его два моря.

Пиши к нему чаще. Насытив зрение, ему еще будет скучнее.

Другой брат почти кончил о *jugu*, но что ему будет делать с ним, если Янинский наша не потребует от него проекта уголовного судопроизводства. Прости! Фредро все еще не успел видеть.

319. Тургенев князю Вяземскому.

20-го октября. [Петербург].

Тебе одному.

В понедельник поутру весь Семеновский полк, исключая двух или трехсот солдат, оставшихся в казармах, посажен в крепость. Они шли спокойно и без оружия, в одних шинелях, мимо нашего дома. Я спросил у них: «Куда вы?» – «В крепость». – «Зачем?» – «Под арест». – «За что?» – «За Шварца». Ночью первая рота посажена уже была под арест. Они требовали, чтобы освободили их от Шварца. Васильчиков, Милорадович, Потемкин, – все уговаривали их успокоиться и возвратиться в казармы, но они спокойно повторяли свое требование. Орлов наряжен был с полком и явился перед безоружным Семеновским строем. Они говорили: «Мы не бунтовщики, мы умрем за государя и за офицеров, но не хотим Шварца, ибо он – мучитель и действует вопреки повелениям государя; бьет, тиранит, вырывает с мясом усы, заставляет солдат друг другу плевать в лицо и по воскресеньям, поутру, когда государь хочет, чтобы ходили в обедне, он посылает на ученье». Первая рота еще ночью посажена была или в крепость, или в Михайловский манеж под арест. Поутру, когда угрозы главных начальников и просьба офицеров не могли на полк подействовать и, по отрешении прилагаемым у сего приказом Шварца, они объявили, что рады служить с Бистромом, но что без головы, то-есть, без первой роты выстроиться не могут. «Подайте нам голову, и мы выстроимся; мы умрем за государя и на офицеров, но терпеть унижения от Шварца не можем: мы и прежде по команде на него жаловались». Между тем Шварц скрылся и возвратился только к вечеру, как мне сказывали. В Военном Совете, куда приглашен был и граф Кочубей, положили отправить их в Свеаборгскую и Кексгольмскую крепости, а первый батальон оставить здесь. Вчера, в виду публики, они спокойно, без караула, с своими офицерами сели на паровые судна и отправились из Петропавловской крепости в Кронштадт. Первый батальон остался в крепости. К государю отправлены уже с сим известием два фельдъегеря. Сегодня едет Чадаев. Отзывы солдат тронули до слез многих генералов. Они обещали без караула смирно сидеть в казематах и сдержали слово. Несмотря на то, что не было места даже сидеть, и что одни стояли, другие сидели попеременно, они не выходили за дверь, говоря, что «мы дали слово не выходить». Даже кантонисты полка прибежали в крепость. Все шли с покорностью. Я не буду описывать тебе все, что говорено было, но сообщая только главный результат. Скажи об этом Новосильцову и еще немногим; но с тем, чтобы не дошло до великого князя, что это сведение от меня, и будь гораздо осторожнее. Я не могу думать о сем без внутреннего движения и сострадания о сих людях. По какому закону судить их? Должны ли они быть жертвою так называемой государственной политики, или в строгой справедливости и им не должно отказывать, если они прежде до команды просили, *si se fait peut-être constaté*? Я уверен, что государь быстрее и вернее своих генералов рассудит; но надобно, чтобы истина была ему во всем блеске открыта; надобно, чтобы первые происшествия объяснены были строго и верно: жаловались ли солдаты, кому? – Это решит вопрос о вине или невинности их. Они вышли без оружия и не хотели обратиться к оному. Август не воскликнет ли: «Varr, где мой легион?»

Письмо твое от 8-го получил. Спасибо за русскую речь. По твоей милости она и здесь напечатана.

Вьельгорскому лучше, но он все еще слаб и задумчив. К нему приехали братья. Загадка еще не разгадана.

Дмитрий Петрович Уваров скончался, и княгиня Юсупова, урожденная княжна Щербатова, после родов. Робенок и мать лежали на одре смерти вместе. Обвиняют Сутгофа. Прости!

320. Князь Вяземский Тургеневу.

23-го октября. Варшава.

Эстафетное письмо твое от 13-го октября, опоздавшее, пришло во мне только вчера вечером, по отпращивании уже моих пакетов; но оно столь на меня нападательно, что сегодня же вооружаюсь на отбой. Если и ты меня понимать не будешь, ты, сосуд, в который сливаю без разбора весь мед, всю желчь души моей, то придется запрудить мне мой поток и, на страх разорваться, осудить себя на глухое и несообщающееся кипение. Как рука твоя подвинулась на бумагу, когда ты писал, что «я нахожу как бы утешение в том, что это рекрутство – предисловие к Троппау», я, который и самую книгу предаю осмеянию, как нелепицу, которая в пустоте обдумана и в пустоте потонет, или проклятию, если – от чего, Боже, сохрани – эти политические лунатики сговорятся каким-нибудь общим языком и пустят в ход меры свободо-народоубийственные! Они хотят поддержать достоинство царского лица, а какая цель их совещаний? – Объявить всенародно, что цари Гишпанский и Неаполитанский не в праве быть дома у себя хозяевами. В другом случае – обличить царей этих доносителями на свои народы. Я буду радоваться конгрессу владык самовластных, кузнецов народных оков, которые собрались с тем, чтобы закинуть эти цепи и на те народы, которые мужественно вырвались из-под желез самовластия. Этот конгресс не что иное, как заговор самодержавия против представительного правительства. Французский министр тут для пристойности или, лучше, из неблагопристойности туши, лежащей на троне Генриха IV. Вот в каком смысле называю набор предисловием, и по рецензии, сделанной мною на книгу, предоставляю тебе судить о том, что думаю о предисловии. Теперь следующее обвинение: «Отчего такое хладнокровие к бедствиям отечества»? – Во мне, у коего кровь теперь только и сказывается, когда о них помышляю! В вчерашнем письме моем, как бы предчувствуя твое, я толковал тебе о том, каким родом бедствия почитаю сей новый и лишний набор: последствием бедственным, а не бедственной причиною. Россию ест гнилая горячка. Что мне охать отдельно над новым пятном, оказавшимся на лице! Я оплакиваю неминуемую смерть больного, которую предвижу, если врач опытный не примется за болезнь, хищно и без сопротивления опустошающую запас природных сил его, если лекарства целительные не придут во время. Бедствие – решимся на это ужасное признание – сидит – и насылает на нее все пагубы, все заразы; вот это зрелище извлекает из глаз моих кровавые слезы, а не Губернское правление в минуту набора. Тут слезы сострадания, жалости, сердоболия: вижу старцев, на смерть посылающих сыновей; жен, расстающихся с мужьями, но это зло познаю необходимым не в восемьсот двадцатом, так в двадцать первом, в тридцатом и, следственно, зло это называю преходящим; но зло у нас есть постоянное, не только что не необходимое, но даже и нестерпимое; –! Вот что раздирает мое сердце. Рекрутский набор, сбор податей – более или менее срок насильственных судорог для крестьянского быта; но крестьянин и самый законный набор для ограждения независимости земли и самый законный сбор для поддержания действия махины государственной почитает несчастием, равным с набором незаконным, с сбором незаконным. Губернские правления также оглашались воплями, сердце раздирающими, и в восемьсот двенадцатом году, когда крестьяне снаряжались на спасение отечества, как и ныне оглашаются – . Толпе, которая только тогда очнуться может, когда ей горячим железом нос щекотят, позволяю кричать при очевидных последствиях; но нам, на коих лежат со всею тяжестью своею причины, этими и тысячными другими вредными последствиями беременные, нам нет часов отдохновения, нет годов избавления: баба крестится только тогда, как гром грянет и зажигает её избу; опытный, прозорливый ставит отводы заблаговременно и отвращает грозу, уже висящую над ним в черных тучах. Плакать о нынешнем наборе есть дело бабье; плакат о возможности такому набору напасть на головы наши есть дело

гражданина. Твои и слезы солдаток, на время овдовевших и снабдившихся потом утешителями; сирот, возмужавших и заступивших в семье упраздненное место отца, скоро осушатся; но мои истекают из источника вечно бьющего. И в таком смысле участие, принимаемое мною в польских прениях, гораздо живее участия, принимаемого мною в русском наборе. Здесь разыгрываются последние надежды наши. Забываю о гниющем древе – , а жадно, пристально устремляю все внимание свое на зеленеющий отпрыск свободы, пробивающийся на том древе. Знаю, что эти два начала, начало жизни и начало смерти, вместе существовать долго не могут: один другого выживет; и если вижу радостное укоренение первой, смотрю, хотя и неравнодушно, но, по крайней мере, с чувством терпения, услажденного надеждою, на издыхающие покушения последней; но если, напротив, вижу, что зараза порчи начинает подъедать едва зарождающееся семя здоровья, то в онемении отчаяния смотрю сухими глазами на общую пагубу *et je n'ai plus de larmes pour tous ses malheurs*. Вот мой ответ: он в прах тебя сокрушает. Прав ли я, или нет? Отвечай теперь! А я заранее скажу тебе твоими же словами: «На этот раз Бог тебя простит, но вперед не согрешай!» Докучники прервали пыл моего прения, и я не мог уже разогреть новых доводов, остывших во мне, а то еще победительнее расчесал бы тебя в пух. Кстати, ни пуха на голову, ни ключа к – не дали. За что? Нас всех должно было бы прогнать по шее. Мы глупость делали за глупостью, промах дали за промахом. Нас не для балов здесь держат, а для того, чтобы быть посредниками между Русским императором и королем Польским. А мы, дурачье, из глупого порабощения императору, уверили короля, что здесь все по всероссийски безмолвно, и будет стоять только дать два-три обеда, чтобы закормить всякое неудовольствие и кашею замазать всякия уста свободные. Если после нынешнего опыта не выведут нас в честную отставку, то, признаюсь, не понимаю я, что он за человек. Какая тут терпимость, которая становится нестерпимою для других? Хорошо прощать личные оскорбления, но тут уже не мое лицо с носом и щеками, а лицо *без образа* ответчика перед Богом и людьми. Я могу по привычке держаться орудия испорченного, когда оно служит только моему удовольствию; но в выборе орудия, которым я работаю работу общественную, должна руководствовать мною не старая привычка своя, а выгоды, польза чужия – ближнего.

321. Тургенев князю Вяземскому.

28-го октября. [Петербург].

Я получил строки твои от 13-го октября, уведомляющие об отплытии твоём в Слоним. Сопровождаю тебя и милую княгиню добропожеланиями и прошу вразумить меня, приедешь ли ты на святую Русь, когда, куда и зачем? Дело Скибицкой у министра юстиции, и я хлопотать начал: о последствии извещу. Байкову скажи, что отвечать ему буду, снесясь по делу, о котором он пишет, с Сестренцевичем.

Мои чиновники: Воейков и Алексей Перовский батально ругаются за Пушкина. Третий вступился за Воейкова и написал вместо антикритики послужной его список. Dieu, délivre moi de mes amis! Но Воейков об этом не молится. Сегодня противники помирились и обнялись. *Если они у вас есть*, то-есть, целомудренные сестрицы и матери – не злость, а просто глупость.

Вчера пили у меня чай Карамзины, Муравьева, Плюскова, Блудовы, Плещеев, Кривцовы, Шиллинг и прочие, и прочие. Недоставало тебя.

Принимаюсь за разбор полученной вчера из Парижа части книг Сергея. В портфеле его нашел твой «Халат» и «Столовый устав», твоею рукою написанные. Кто доставил ему их?

Семеновцы все еще в крепости и крепки мужеством и своею правдою, и страданиями. Товарищи их – в других крепостях. Всеобщее участие в их пользу. Один голос за них: от либералов до ультраглупцов.

Михаил Вьельгорский здесь. Я говорил с ним. Он уверяет, что и для него все еще загадка. Он не раз виделся с Александром Строгановым и с князем Трубецким. Больной слаб, задумчив, молчалив. Музыка не разбудит души его, ибо она, кажется, пополам с сердцем. Он, как сказывают, слушал ее со вниманием. Брат везет его к себе в деревню: там милая женщина лучше поймет его и нежною попечительностью если не залечит его рану, то заговорит резкую боль её. Прости! Неохотно пишу, не зная, где ты. Тургенев

322. Князь Вяземский Тургеневу.

31-го октября. [Варшава].

В разговорах Николая Николаевича с великим князем о петербургском происшествии и о толках, которые оно породит, Николай Николаевич упомянул о письме твоём, как писанном в духе умеренности. великий князь захотел его видеть, и сейчас сделал я своеручно выписку из повествовательной части твоего письма, Новосильцовым скрепленную, для представления его высочеству. Отказ доставить это мог бы дать кривое понятие о твоём рассказе, и я по совести и рассудку решился исполнить требование. Ты, верно, меня оправдаешь. После писать буду более; теперь молчу за неудобством, холодом, светом и недосугом.

Карамзиным скажи, что имею от жены хорошие известия с дороги, а не пишу к ним от окостеневших пальцев. Пакет, при письме посылаемый, отправь к Дружинину, в Москву.

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

1-го ноября 1820 г. Буюгдере.

Я получил письмо ваше, любезнейший князь Петр Андреевич, и приложенные при оном пакеты из России и речи из Польши. За все благодарю вас от всего сердца и прежде не отвечал потому только, что надеялся писать к вам прямо в Варшаву. Перемена в направлении курьеров заставляет меня, для большей верности, отправить к вам это письмо с почтою чрез Петербург: в Троппау оно могло бы затеряться. Самое название «вестей о свободе», которые вы намеревались послать в один из наших журналов, испугало бы цензуру. Но не худо, еслиб она позволила хотя перевод всем этим пиесам отпечатать в «Сыне Отечества». Поляки хвастаются, что им первым дал государь конституцию; неужели русские не стоят и перевода? У нас это приняли бы с благодарностью, ибо многие любят более еще истинно-либеральные правила, чем ненавидят поляков. Газовый свет, проходящий чрез вонючия трубы, почти так же хорошо светит, как свеча самого чистого воску. Особенно хорошо бы перевести речь Мостовского, справедливо выхваляющего государя, *qui a entrepris de fonder la rare alliance de la liberté, sans laquelle il n'y a point de bonheur, et de l'ordre, sans lequel il n'y a point de liberté*. Без какого-нибудь распространения новых здравых идей в России, с нею то же произойти может, что было с Испаниею во время реформации. Все земли, не выключая и тех, где она и не распространилась, получали свет её, кроме королевства Карла У и Филиппа II, которые положили непреодолимые препоны лучам её. За то мы видели, что Испания варварством своим едва не перешла за Гибралтарский пролив. Впрочем, о самом содержании министерских речей говорить нечего: все парадные речи походят одна на другую; поляки нашли средство поговорить и о парадах самих. Писанное вами не мне, а брату Александру, от 26 го августа, так справедливо, что самые правительства в том согласны: *«Le siècle, où nous vivons, exige que l'ordre social ait des lois tutélaires pour base et pour garantie»*. Но правительства думают, что им должно помедлить дарованием этих законов. Таким образом они горячат бабу Европу и не удовлетворяют ее. А между тем разбойники якобинцы пользуются этим замедлением. осуждают правительства, а где могут, – берут сами, чего не хотят дать. Конечно жаль, что солдаты дают законы, но я не понимаю, как этому удивляться можно. Сами правительства давным давно их к тому приучили. Некоторые из них на солдат только и упирались, отняв у народа всю силу, которою бы он мог противиться солдатам. Обстоятельства последней войны еще увеличили материальную силу солдат силою нравственною, силою мнения. Они сражались за отечество, за независимость, за свободу. Вдруг вздумали этих гигантов превратить в пряничных солдат! И кто же? – Политические пигмеи. Чем? – Подписью мирных трактатов. А противоборствуя-то, силу не подумали устроить.

Так, где она есть, солдаты не опасны. Не ими погибнет Англия, и в России они не взбунтуются. Но Испания, уничтоженная своим правительством; Португалия, отчасти преданная английским Комендантам; Неаполь, обремененный податями, неволированными народом; Сицилия, которой правительство так много обещало и так мало сдержало; лучшие части Европы, из которых, к несчастью, нельзя исключить и Францию, главнейшую между ними, где по сие время не могут усмирить армию, – равно пугают и правительства, и благонамеренных людей. Все эти революции от нас далеко и едва-ли стоили бы нашего внимания, если бы не заставляли опасаться войны, которая и нас встревожить может. Авось, Провидение нас от неё избавит. Но уже набор с пятисот – четырех приказан: а и это беда.

Рад за Кривцова, только не понимаю, как он может просить милостей полдюжинами. Рад также за Стурдзу и Северина, то-есть, рад их радости. Впрочем, теперь все дипломатические канцелярии в работе, и мы депеши

.....пишем, пишем,

Но ни себе, ни им похвал нигде не слышим.

Простите, не забывайте и верьте преданности вашего покорнейшего слуги С. Тургенева. Милостивой государыне княгине прошу засвидетельствовать мое почтение.

323. Тургенев князю Вяземскому.

3-го ноября. [Петербург].

Еще опомниться не могу, милый Brougham, от 23-го октября. Не до Бонца гневайся и не ввек враждуй на меня. Мне померещилось, что ты равнодушно принял то, от чего льются кровавые слезы, и я сгоряча написал упрек, в котором после раскаялся, но теперь уже не раскаиваюсь, ибо произвел твою сильную выпалку. Все это не мешает мне, однако же, очень беспокоиться, что я не получил твоего письма, писанного, как ты говоришь, накануне 23-го и где ты говорил о том же предмете. Где оно? и через кого было послано? Я посылал справляться в Мраморный дворец, но там мне сказали, что на последней стафете для меня ничего не было. Не знаю также, кто принес мне и письмо 23-го октября; отчего опоздало мое письмо от 13-го октября? Все это заставляет меня все в чем сомневаться и просить тебя понаведаться: как, кто и через кого отправляются твои и мои письма. Нас порядочно не поймут и запишут, пожалуй, в Семеновский полк, так, как и его записали не туда, куда он просился. Нет, кипи, моя радость, и изливай себя в сосуд, который, пока не разобьется или не разобьют его, и горечь и сладость от тебя принимать будет. Досадно мне за тебя и за общее дело. Все, что ты пишешь о причине твоей неудачи после нынешнего сейма, предчувствовал я и теперь начинаю подозревать: не прочат ли нового гражданина и графа на ваше место? Писать и думать мешают. Прости! Баранов, симферопольский губернатор, уведомляет нас, что Пушкин-поэт был у него с Раевским, и что он отправил его в лихорадке в Бессарабию. Мы ничего о нем не слышим. Вельгорский все таков же. Брат его Михайла и мне, и Карамзиным сказывал, что по сие время все это для него загадка. Он видел и баронессу – мать, и князя Трубецкого, брата её, и остался и оставил их в той же неизвестности о причине болезни и прочего.

расспроси порядочно о письмах и уведошь, послано-ли и с кем 22-го октября писанное. Это меня беспокоит. Брат кончил сочинение о югу. Перовский помирился с Воейковым.

Ежедневно более узнаю я Светлану и привязываюсь в ней. Какая милая душа и какой высокий характер! Она все прекрасное умела соединить в себе. При ней цвету душою. Она моя отрада в петербургской жизни. Жаль, что судьба назначила ей испытание, но она выше судьбы своим сердцем и своего религиею. Nonni soit qui mal y pense. Прости! Примусь на досуге перечитывать письмо твое, а брат намерен приводить все твои письма в порядок и плачет о том, что из тебя не вышло, судя по тому, что бы из тебя быть могло, мой милый Брум, а в английском правописании Brougham!

324. Тургенев князю Вяземскому.

5-го ноября. [Петербург].

Вот письмо, вчера принесенное, а от кого, не знаю, а твоего от 22-го октября, то-есть, первого по возвращении из Слонима, я все еще не получил.

Третьего дня зарезался директор канцелярии графа Кочубея, статский советник Прокопович, – говорят, от жены. По делу Скибицкого ни в Сенате, ни у министра юстиции никакого производства нет. Где же оно? Тургенев.

325. Тургенев князю Вяземскому.

10-го ноября. [Петербург].

Письмо твое от 31-го октября получил, а от 22-го все еще нет. Я одобряю тебя за сделание выписки, но не одобряю Новосильцова за наименование меня. Нас и так здесь злые не любят, а невежи боятся. Могут придаться. Здесь теперь «темна вода во облацех». Спешу в Совет, где еще темнее. Постараюсь прислать тебе одно мнение, но только для тебя. Возрази и возврати, если не вырвет тебя с досады и омерзения, но только справься предварительно, где твое письмо от 22-го и будь осторожнее в отправлении.

Твой пакет послал сегодня к Дружинину, а тебе посылаю полученное вчера чрез Карамзина письмо от княгини. Вперед не зябни или не ленись. Правда ли, что Дьяков изрублен поляками?

326. Князь Вяземский Тургеневу.

10-го ноября. [Варшава].

Виноват, прозевал или, лучше сказать, проел и пропил эстафету. Письма выдали очень поздно, ибо, вероятно, по поводу Семеновских обстоятельств ваши письма прошли по горнилу испытаний. Вот то, которое написалось сгоряча по получении твоего известия. Твой брат нюхает ли табак? У меня для него лежит табатерка à la charte Touquet и послание. Прощай!

327. Князь Вяземский Тургеневу.

13-го ноября. [Варшава].

Что это значит? Несколько строк! Переписка наша свихнулась. Впрочем, я писал теперь по почте, пропивши эстафету, и если долг заплатил свой не в срок, то, по крайней мере, не остался в долгу. Ты думаешь удивить меня своим Прокоповичем: мы назади не остаемся. Один помещик, под Варшавою живший, заседал приятеля своего до смерти со всеми принадлежностями обдуманного злодейства. Зазвал его в себе в гости, велел людям напасть на него и колотить; раны заливали соленою водою, ворочали на все стороны. В середину экзекуции убийца привел детей своих к жертве и сказал ему: «Чтобы смерть твоя была ужаснее, помни, умирая, что ты причиною будешь несчастья этих сирот, которые увидят казнь своего отца», – и снова велел сечь. Причины предполагаемые: ревность в жене, а более еще то, что этот несчастный отсоветовал жене отдать мужу, повесе и игроку, деньги, которые приходились ей по приданому от родных. Убийца – воит окружный и сам доносил городскому начальству, что тот умер от апоплектического удара при начале бития. На днях иду его смотреть. В силу прусского уголовного устава, который здесь в действии, полагают, что под смертную казнь подпадут только исполнители, а убийца главный, ибо он один движим был побуждением убийства, если не обличится в ручном нанесении ударов, от смертной казни отделается. Хорошо в Пруссии и в других землях, где служители не находятся в безмолвном порабощении у господина, быть таким законам, но прошу покорно ввести их к нам, да и здесь они злоупотребительны, ибо хотя рабства и нет, но есть порабощение.

Пришли мне поэму Пушкина: у меня её нет, и трагедию Крюковского. Кто этот анти-анти-критик? Верно сам Воейков. Зачем печатать такие неисправные стихи Дениса, и верно без его ведома? Прошу сказать, чтобы ан моего, не спросясь, не печатал. Вот, пожалуй, напечатайте мое письмо табачное с Николаю Ивановичу. Моя «Негодяйка» («Негодование») добита; надобно еще два-три дни полежать ей под сукном, а там и в свет. Желая угодить, то-есть, угодникам ума и вкуса. Кажется, нигде столько души моей не было, как тут. Не отдать ли «Первый снег» в первый «Сын», чтобы прокатиться по печати? Вели мне списать его, «Сибирякова» и все, что у тебя есть моего. Все, что было у меня, отправил я в Пипиньке-Пепе, в Неаполь. Я решительно принимаюсь за мысль издать себя. Если откланяюсь родимому небу, Бог весть когда придется с ним свидеться. Оставлю вам гостинец. на память с эпитафией:

C'est ainsi qu'en partant je vous fais mes adieux,

то-есть, в прах разругаю всю сволочь нелепости и нечестия, поднесу несколько цветков избранных дружбы и красоты и оставлю вас с глазу на глаз с Плетневым и Панаевым.

Сделай милость, пришли мне хорошую русскую азбуку. У меня здесь есть одна, в которой первые слова, по коим начинают учить складам: *пре-по-я-сан, утреннюю* и какое то: *не-пцу-ют*. Есть ли средство набивать голову робёнка такими словами? Вот об этом не думают ваши училищные Правления. После таких азбук удивительно ли, что наши барские дети безграмотны? Я готов написать об этом статью для «Сына». Надобно невежество колотить с ног до головы, от Кутейкиных до Магницких, от азбук до манифестов; живого волоса на нем не оставить.

Что делает у вас актер Альфонс? Правда-ли, что он вам не понравился, мои головушки?

Читали ли вы в английских и немецких газетах о побеге Наполеона? Известие это не заслуживает никакой веры и уже опровергнуто. В немецких газетах уже говорят, что по пись-

мам из Вены видно, что северные державы согласились на австрийское нашествие на Неаполь. Ужас, если правда!

Письмо, присланное мне – от Безобразовой. При сем посылается в ней два пакета:

1) под литерою А. В

2) под литерою С. D.

и письмо – Безобразовой.

3) малый, круглый, под литерою Е. F. при стихах табашных – Николаю Ивановичу.

Тебе сдобный... ты думаешь, пирог? Нет: поцелуй во всю щеку. В январе думаю быть в Москве.

328. Тургенев князю Вяземскому.

17-го ноября. [Петербург].

Сегодня среда, штафета из Варшавы пришла в понедельник, а от тебя письма опять нет. И то, о котором я писал прежде, накануне полученного мною тобою писанное, также мною не получено. Это меня беспокоит. Разреши поскорее сомнение.

Вчера проводили мы вечер у новорожденной Катерины Андреевны, и я получил письмо от брата из Царьграда, который получил посланное из Варшавы письмо мое. Спасибо. Дашков писал к нему из Дамьетты и в декабре должен быть в Царьграде.

Графиня Самойлова выходит за старшего Бобринского. От Жуковского из Берлина ни строчки. Татищева приехала.

На душе тяжело. И о вас слухи: на место Новосильцова – Алопеус, в Берлин – Чернышев, в Мадрит – молодой граф Воронцов. А о Новосильцове говорят, что его – сенатором. И куда же? – В Москву. Вот тебе письмо.

Читал ли «Черное море» Александра Пушкина в последнем «Сыне Отечества»?

Кривцов женился. Прости! Тургенев. Будешь ли в России? Когда? Куда? Надолго ли?

329. Князь Вяземский Тургеневу.

21-го ноября, воскресенье. [Варшава].

Я получил твои строчки от 10-го ноября. Не вспомню отправления 22-го и не знаю, было ли такое. Я писал тебе, посылая письмо из Царьграда, уже по возвращении своем из Бреста, а хвастался еще, что поступаю не по твоему, то-есть, храню тайну печати, хотя и любопытствовал бы узнать, что говорится в этом письме по случаю слухов, разнесшихся о Строганове. В этом, кажется, или в другом говорил я тебе: «а ты все, как баба, плачешь о рекрутстве» и объяснял тебе, к какому роду зла приписываю эту беду. Впрочем, кажется, эстафеты не пропускал, кроме передпоследней, да за то писал по почте. Твои письма приносятся иногда поздно, а именно, когда отсылаешь их через канцелярию Соболевского. Впрочем, не поручусь за ненарушимость переписки и предаюсь безмолвно, то-есть, напротив, гласно, на жертву всяких пакостей. Теперь не время осторожничать. Пусть правда доходит до ушей, только бы не совсем пропадала в пустынном воздухе. Я, кажется, тебя еще не благодарил за письмо от 3-го ноября, которое также залежалось в кармане Тимовского.

За Соболевским государь прислал, и он вчера отправился в Троппау. Вот еще нам пощечина. Прусский король воротился в Берлин, но, несмотря на слухи, вероятно, не от разлады. Конгресс переносится в Вену, а по другим известиям – в Лайбах, но верно в Троппау не останется. Государь выезжает из Троппау 10-го нового стиля вслед за конгрессом. Следственно, кажется, дело еще не решено. Неужели Неаполю готовят участь Польши? Политический разбой! Как не вспомнить Байрона: «К чему праздновать кончину льва, когда пируют нами волки?» Что говорите вы о Английской королеве? Как сказать: выиграла ли она процесс, или нет? Мы живем в веке двусмысленностей, а мы – бессмыслицы.

Присылай мне оное мнение, о воем говоришь. Не могу собраться с силами и переписать свою «Негодяйку». К тому же я ее валял с таким жаром, что – мне кажется она уже не такую ярою и бойкою, как до валки. Увидим, что вы скажете, новички. Здесь почти некому читать и следственно поджигать. А с глаза на глаз быть ни с стихами своими, ни с – своею долго не надобно: сейчас прискучит, и на досуге начнешь находить в них и ней тысячу ошибок, неловкостей. То ли дело, скажешь, соседка!

Я теперь два утра проводил в разборе своих бумаг. Пропасть твоих писем еще до двенадцатого года, Жуковского, Батюшкова; моего старья, галиматеевней переписки с Плещеевым.

Вот официальная статья, может быть, у вас неизвестная, о Семеновских делах. Она прислана и сюда для помещения в варшавских ведомостях. У нас про домашнее всегда говорится не дона: как это одно ярко описывает свойства и дух нашего правительства! Смесь робости, фальшивости, презрения, беспечия. Кстати, я помню еще, что писал тебе о намерении составить некоторый отчет пребыванию своему в Польше. Получил ли это письмо?

Выборы в Париже плохи для левшей. Я читаю книгу Гизо, Guizot, о Roefi много говорят либеральные листы. Есть много дельного. «*Les grandes secousses sociales ont pour adversaires inevitables non seulement tous ceux dont elles attaquent les intéréts, mais encore ceux dont elles confondent l'intelligence et accusent la faiblesse*». Есть много портретов, не столь блестящею кистью, как у Констанана, написанных, но хорошо образующих лица отставных и действующих делотворцев Франции. Этот Ришелье должен быть такое печеное крымское яблоко, как только в нашем вертограде растет и только у нас печется.

Сейчас читал я газеты: ничего нет. Что за вздор спрашиваешь ты у меня о Дьякове? Ничего похожего нет. прости! Николая Ивановича поблагодари за его доброе обо мне мнение. Авось придет час воли Божией, и можно будет мне оправдать или уличить его. Нам

нельзя не проклинать часа рождения своего. То ли дело родиться бы лет через пятьдесят на всем на готовом!
«Руслана»?

330. Тургенев князю Вяземскому.

24-го ноября. [Петербург].

Я получил твое письмо и посылку Безобразовой. Спасибо и за меня, и за брата. Он сам благодарить будет. Я нездоров, а должен был все утро работать с князем Лопухиным по известному делу о непродже и пр. О шуме в Совете уведомя не по почте. Целый день за пером и на бал поеду уже темной ночью. Прости!

331. Князь Вяземский Тургеневу.

27-го ноября. Варшава.

Уваров приехал из Троппау. Плеча его исполнены важным таинством; говорят о каком-то поручении в Петербург и о возможности возвратиться еще в Троппау. Конгресс остается на месте, вопреки первым... намерениям.

Матусевич в 3-м Владимире. Государь был так доволен одною его работою, что без представления Капо дал ему крест.

Спасибо за 17-е. Почта заплатила недоимку эстафеты. Не так ли? И какое письмо! – филиппика. Я вашим слухам о нас не верю. По крайней мере ручаюсь за нелепость московского сенаторства. И как же сенатором, когда он уже сто лет сенатором! Если не быть ему здесь, то отойдет он на покой. Посреди многих слабостей есть в нем и много философии, то-есть, житейской. Он, не поморщившись, сойдет и погребется в какой-нибудь глуши без вздоха.

Не только читал Пушкина, но с ума сошел от его стихов. Что за шельма! Не я ли наговорил ему эту Байронщизну:

Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей.

Мне жаль, что в этой элегии дело о любви одной. Зачем не упомянуть о других неудачах сердца? Тут было где поразгуляться. У меня есть начало, которое как-то сродно этой пиесе:

Желанья, бурные желанья,
К чему вновь слышу ваш призыв?
Куда, в какой предел изгнанья
Меня закинет ваш порыв?

Волненье, темное волненье,
К чему вновь пробуждаешь ты
Истлевшее воображенье
И обличенные мечты?

К чему опять с уныньем скуки
Во мне тоски разжегся ад,
И поэтические муки,
Не познающие наград?

В добычу думе любопытной
Каких отыскивать Колхид?
Где зреют жажде ненасытной
Плоды роскошных Гесперид?

От упованья к испытанью
Довольно рок меня носил,
Но безграничному желанью
Везде границы находил.

Как смелый сын стихии бурной,
Искатель страхов и чудес
Скучает тишиной лазурной
Над ним раскрывшихся небес;

Знакомый прах родимой пошвы
Его, тоскующего, жжет;
На волны глядя, у подошвы
Скалы, он молит непогод.

Он молит, чтобы вихрь желанный
Его похитил с берегов,
И заслонил бы мрак туманный,
Тот ненавистный сердцу кров,

Где он на праге света встречен
Был благосклонною судьбой,
Где, беззаботлив и беспечен,
Играл он с жизнью, как с мечтой.

В душе, палимой страстью знойной,
Беглец счастливой тишины,
Он ужасается спокойной
Картины светлой старины.

Там мир его первоначальный
Неувядаемо цветет;
В душе развалины печальны
.....
.....
Опустошительной грозой
Душа его разорена
.....
.....³.

Примусь ее докончить. У меня столько недоносков, что страх! «Негодницу» опять отложу до удобнейшего времени.

Разве я тебе не сказывал, разве ты не знал от Карам[зиных], что поеду в Москву за женою, покупаюсь в ухах, покатаюсь в колебяхах, а там приеду с женою к вам на месяц, а там – в Варшаву, а там...

Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей.

Когда пущусь – не знаю. Как ни говори, а надобно дождаться конца Троппау. Как мало надежды ни имею, а может быть вызовут, может быть проедет здесь и остановится. «Дела не делай, а от дела не бегай».

³ Точки в подлиннике.

Прощай! Николаю Ивановичу мое дружеское почтение. При случае поздравь Самойлову; вот теперь мои вальсы кстати на свадебный бал. Вот Жуковскому еще можно:

Другому на пожранье
Отдаст в твоих глазах.

Я все собираюсь писать ему по соседству. Он опоздал приехать в Берлин; погостить бы ему при Фридрихе II. Впрочем, чего доброго, он, пожалуй, и этого воспоет. Мой *padam do nóg* Татищевой. Посылку отдай *mademoiselle Cadot*. Когда увидишь Смирнову, скажи, что писать и посылать буду по следующей почте.

332. Князь Вяземский Тургеневу.

29-го ноября. Варшава.

При сем прилагаемую посылку и письмо отправь жене в Москву. В Лондоне смятение: Парламент был отсрочен, но не при соблюдении обыкновенных постановлений, без королевской речи и прочего. Нижняя палата шумела, и оппозиционные листы кричат: «Режут!» В Гишпании созвали чрезвычайных кортесов: король сидит в Эскюриале и сказывается больным, а народ хочет видеть его на лицо. Неаполитанские дела как будто бы лучше; поговаривают о переговорах со стороны Австрии. Вот и все. Прости и целую.

Придворные лакеи в Троппау и между собою не говорили о Семеновском деле.

Посылка мягкая, вели обвязать ее клеенкою.

333. Тургенев князю Вяземскому.

1-го декабря 1820 г. [Петербург].

Письма твои получил и все приложенное разослал. Вот два из Москвы к графине Гутаковской. Спасибо за все. Но одного письма видно не получу, ибо не помню, чтобы ты писал ко мне о намерении твоём составить отчет о пребывании твоём в Польше. Поищу, ибо все сохранено.

Я двух минут не имею свободных. Весь город бранит меня за то, что я не стерпел терпеливо гласного обвинения во лжи Коммиссии законов министром юстиции и жаловался председателю. Но город не знает еще подробностей, совершенно меня оправдывающих, и, при всем том, тот же город утверждает, что я дело сделал, что не стерпел сего срама и отвечал, как благородному человеку прилично. Вот как было дело: по прочтении известного проекта о непродаже людей без земли, министру юстиции померещилось, что Коммиссия законов в бумаге, мною подписанной и перед глазами всех лежавшей, ложно ссылается на указ не существующий, чего Коммиссии и в ум не приходило. Он раза два или три *вслух и громко* повторил: «Коммиссия лжет!» Все оглянулись на меня, как на репрезентанта Коммиссии, подписавшего сию бумагу. Я вышел из залы собрания, пошел в Канцелярию и принес по начальству жалобу Оленину. Он отклонил от себя и сказал мне, что я обижен, как член совета Коммиссии, а не как чиновник Канцелярии, и сказал мне: «Подите и жалуйтесь князю Лопухину». Я пошел и *по окончании чтения*, а не прерывая оно, исполнил приказание начальства и принес председателю жалобу на министра юстиции. Он нашел слова его *неприличными*, и что-то проговорил в осуждение министра юстиции. Когда сей начал перебивать слова мои, то я отвечал ему, что не с ним говорю, а жалуясь на него председателю. После, через полчаса, министр юстиции подошел ко мне при всех и сначала начал отпираться от сказанных им слов, а потом признался, уверяя, что он не на Коммиссию, а на графа Милорадовича метил и что-то подобное. Брат и я сказали ему, что того, что он сказал, благородный человек *ни говорить*, ни слушать не может. Он отошел и сел на свое место. Вот история дела, но последняя половина к обвинению моему, по порядку службы, не относится. Где же моя вина, как нарушителя порядка в заседании Государственного совета? Я надеюсь быть оправданным, если государю будут подробности дела известны. Но ты не говори никому о сем *без крайней нужды*. Разве можно и должно будет оправдать меня, сказав, что я не нарушал порядка и жаловался по начальству. Последнее заседание было еще шумнее, и объяснение наше сильно и убедительно, но личность моя не терпела, а торжествовала.

Поручения твои исполню после: теперь голова кругом. Не знаю, удастся ли завернуть к новорожденному Карамзину, то-есть, старому новорожденному. Прости! Тургенев.

Каразина взяли и увезли, но куда – неизвестно. «Повадился кувшин» и проч. Ништо ему. Говорят, за какое-то письмо к государю.

334. Князь Вяземский Тургеневу.

3-го декабря. Варшава.

«J'ai vu un temps où l'esprit de désordre se promettait quelque chose de ce que l'empereur Alexandre avait, disait ou des idées libérales. Ce prince a deù un tel espoir, et ne s'est point fait un aveugle artisan de révolution. Il ne serait pas moins déplorable que l'esprit d'oppression, la haine des institutions justes et libres se pussent flatter, en le trompant, d'obtenir son concours. Si l'état des divers pays de l'Europe lui était faussement représenté, si on s'appliquait à lui faire voir le mal où il n'est pas, et le remède où il est moins encore, l'erreur où il pourrait être induit, serait d'autant plus affligeante, qu'elle serait plus sincère, et entraînerait des conséquences plus graves. Du reste, en refusant de se prononcer tout d'un coup sur les événements de Naples, et en provoquant la réunion d'un congrès, l'empereur de Russie vient de prouver qu'il voulait considérer mûrement toutes choses, et ne point se décider au gré de l'impatience des partis» (Guizot).

Читает ли он, читают ли ему, что о нем пишется? Теперь нет ни одной книги политики европейской, в коей не выставляли бы его на лицо. Другие державы означаются правительством. народом; так говорят: «Англичане, французское правительство», здесь – всегда: «Александр», да «Александр». Какая ответственность, какое представительство! Волос становится дыбом и дух замирает! Теперь, когда люди за ничто, а *сила вещей* все решит, ему дано еще право личным весом управлять весами всемирными. Какое право неоцененное, употребленное в благо! Какое губительное, буде оно – слепым орудием прихоти, ленивого беспечия! Его характер – политическая система Европы. Едва ли такое владычество не превышает владычества Наполеона. Тот кровью подписывал европейские приговоры, этот, до поры и до времени, скрепляет их одним исповеданием своего образа суждений о таком-то событии, о такой-то мере; «до поры и до времени», говорю я, ибо свет может извериться, начнут сличать дела с словами, мнение вчерашнее с мнением нынешним. Уже покров волшебный кое-где сквозит, но очарование еще не совсем изобличено. Еще судьбы Европы волнуются в его голове, еще решительное слово: быть, или не быть миру народам, то-есть, иметь ли им свободу без кровопролития, или вырвать ее окровавленную из рук слепого упорства, еще таится на его устах.

4-го.

Не стоил бы ты добавления за скудное и темное твое четверострочие от 24-го ноября. Что за шум в Совете? Il y a du scandale dans Lauderneau. Милости просим, продолжайте! Пожалуй таким образом и меня переманите. Сложу клятву и перееду к вам жить.

Здесь ничего нового нет в предместьи европейском, да и в самом городе немного. Поццо-ли-Борго в Троппау поехал. Шатобриан – министром в Берлин; вероятно, опять что-нибудь напроказил. Говорят о возмущении в Бразиле и о контр-революции в Лиссабоне Я и забыл, что здесь сменен министр, ваш собрат, старик Станислав Потоцкий, за какие-то ссоры с духовенством и за репутацию вольнодумца, а на его место посажен Грабовский, левый сын покойного короля, из младших сенаторов, но из пожилых мистиков, набожников, святош; впрочем, человек с познаниями, умом открытым и не враг просвещения. Отрешение старика, так сказать единственного представителя бывшей Польши, хотя и много уже упавшего в мнении общественном, поразило всех своею нечаянностью и крутостью; со всем тем остается он президентом Сената и, следственно, первым сановником царства и отпущен со всеми придворными почестями, то-есть, жалованьем, окладами, что совсем добывает его в мнении, ибо он богат и едва ли не обеими ногами уже вступил в гроб, а только так еще выглядывает на Божий свет.

Вместо моей «Негодяйки» посылаю известное и дописанное «Послание» к негодю. Надеюсь, что вы напечатаете его в «Сыне».

Приношу на жертву все стихи, которые цензура не проглотит: пускай выставятся точки. За Воейкова и Греча, кажется, бояться нечего. Будь Каченовский степенным, хотя и строгим и даже несправедливым критиком Карамзина, я никогда не стал бы драться с ним шутками; но Каченовский сам выкинул пажескую штуку, разбирая «Записку о московских достопамятностях», и продолжал осмеивать Карамзина. Воюю с ним его оружием. Сделай милость, растолкуй это хорошенько Воейкову, буде он испугается; но более всего не говори о том Карамзину. Прочтите это на досуге с Блудовым и, если найдутся неисправности, важные, то дайте мне знать до напечатания; если малозначущие, то – с нами крестная сила и чебурах. Если захотят, то, пожалуй, и выставить мое имя; но если может пойти безымянно, то не выставлять и «Варшава». Смотри же, держи ухо востро и стой горой за меня! Еще слово; в печатании наблюдать отставки, а *linea* рукописи. Как говорится: *ст_о_ны* или *сто_п_ы_?* В таком случае можно сказать: *стоп_ы_их*.

О государе ничего решительного не знают; по иным слухам казалось бы, что он в новый год будет у вас; но, между тем, Николаю Николаевичу позволил он отлучиться на тридцать недель, что показывает, что прежде трех недель не думает быть здесь. Николай Николаевич, однако же, в Слоним не едет.

5-го.

Получил ли ты мое письмо с ответом на письмо Глинки? Вот об этом также ничего не знаю.

В нынешних газетах есть нота неаполитанского Министерства во всем державам, а в особенности австрийской, – победительной силы по своей ясности и истине. Каждый здраво и благомыслящий человек то же думал об отношениях Европы и Австрии в Неаполю. Тут не по нашему – дипломатический оссианизм и библейское словоизвятие, а чистосердечное изложение запроса, по каким правам впутываются в домашние дела народа, который сам никому не указ. «Зачем не хотите хозяйничать вы в Гишпании?» спрашивают они просто-сердечно. Для решительнейшего определения запроса приводят они на лицо тайную статью Венского договора, по коему король двух Сицилий обязался перед Австрийским императором не вводить, по вступлении своем на престол, образа правления, противного монархическому. Такое обязательство, говорят они, должно было быть только временное, а не могло быть неограниченным; да к тому же, кто сказал вам, что конституционное устройство не есть устройство в смысле монархическом, когда оно, напротив, теснейшими и неразрывнейшими узлами сопрягает монарха с народом. Сделай милость, прочти эту ноту. Я читал ее *dans le Courrier de France*, кажется, в 30-м ноября. Вельяшев его получает.

Во Франции достойно любопытства дело известного *Madier*, доносившего Посольской палате о существовании *d'un gouvernement occulte*, судимое ныне à la Cour de Cassation.

Известия о португальской контр-революции подтверждаются: юнта распущена.

Можешь, не краснея перед своею протопоповскою совестью, отдать мое письмо Татищевой. При сем – пакет жене моей, который прошу отослать вернее и скорее.

335. Князь Вяземский Тургеневу.

7-го декабря. [Варшава].

Зябловский в «Статистике» своей ставит в числе обязанностей самодержавцев российских «утвержденный на государственном совете закон Иоанна I о неделимости государства». Не Иоанна ли III? Впрочем, я в Карамзине ни в государственствовании того, ни другого не нашел ничего о этом законе. Сделай милость, научи меня, где можно отыскать этот закон целиком.

11-го.

Вчера получил твою грамотку от 1-го и целую в лоб за Совет. Впрочем надеюсь, что это все кончится уроком, поучительным для наших сановитых невежд, а тебе даже и житейского неудовольствия не принесет. Но я сердить на тебя за Каразина. Ты говоришь: «Ништо ему». Конечно, его лицу так; но эти крутые примеры самовластительности нестерпимы. Для меня всякое царствование, в котором можно быть без суда наказанным, есть царствование Павла Станевичу, Каразину и многим другим не легче от того, что ссылки редки. Бог отлучает от лица и царства своего грешников; но что за обычай высылать виновных из столицы? Если он злоумышленник, то суди его и накажи по вине. Как будто вне столиц не может он быть столько же опасен и опаснее! У нас, например, здесь выводят из театра на удачу двух первых попавшихся из тысячи, кричавшей оркестру начинать «Польский» в длинных промежутках, и отсылают их ночевать на гауптвахту; но у нас дело другое: у нас конституция, у нас статья 19-я Хартии говорит: «Никто задержан быть не может, как только в случаях и по обрядам, в законе означенным»; у нас есть сейм; у нас есть послы, которых нарицают преступными мятежниками, головорезами, когда позволяют они себе доносить высшему правительству о сих беззакониях и злоупотреблениях мелких властей. Но у вас, у которых ничего этого нет, не должны бы допущены быть и эти гнусные самоуправства, буквальные подражания азиатских управлений.

Конгресс, кажется, решительно переносится в Лайбах, и, по фельдъегерским известиям, экипажи государя должны были в Лайбах отправиться и быть слишком двадцать дней в дороге, то-есть, дойти до места не прежде конца декабря. Итак, дело в даль затягивается, но, по всем расчетам предположения, сей переезд означает мировые последствия. Только не довести бы со всеми этими человечестволюбивыми и богобоязненными предприятиями несчастных неапольских бурбонцев на плаху Людовика XVI! Если владыки добросовестны и не хотят в самом деле оправдать свои свободоубийственные меры новыми исступлениями, до коих сами подвигли бы они народ, то не понимаю ослепления их. Теперь, когда царское величие уж так много утратило своего блеска, добивают они его, нарядивши Шемякинский суд над народом и царем, которые, по крайней мере повидимому, действуют согласно. Тут нечего умничать, углубляться в бездны политических задач: разрешение запроса очевидно, ощутительно. Вы собрались зачем? – Объявить короля Неаполитанского или дураком, которого надобно взять под опеку, или двуличным плутом, который народу своему говорит одно, а вам под рукою на него ябедничает и приглашает вас попить его кровью. Выпутайтесь из этого, дипломатические Оссианы, нелепые ковачи раздутых и порожних фраз, а хуже всего – ковачи цепей народных, одурелые, запоздалые, для коих каждый новый блеск мысли есть зарево пожарное, каждое движение жизни в народе – землетрясение, каждое легкое препятствие, возникающее на дороге, по коей тащитесь, – неодолимая скала, на кою призываете помощь всех стихий и грома небесные. Конечно, времена не ежедневные, но тем более не вам бороться с ними. События бьют вас в гроб; в беспамятстве хватаетесь вы за священнейшие опоры: за веру, достоинство престолов, и, дай вам волю, – кончите тем, что и их завлечете в свое падение. Отстаньте, ступайте, куда хотите, поносить век, который забыл доделать

вас, и современников, которые вас обогнали! Я слышал от этих дураков: «На месте царей сослал бы я куда-нибудь на отдаленный остров всех этих крикунов (говоря о В. Constant, Gerene и других), и все пошло бы, как по маслу». Врали! Вы не знаете, что эти имена, которые вас пугают, только что ходячие знаки капитала, который разбит по рукам целого поколения возмужавшего и мужающего. Истребите их – явятся другие. Напротив, выгоните мне в отставку этих запоздалых, которые цепляются за царей и сбивают их ход; их по всей Европе можно счесть поголовно; выгоните их, и другие не явятся, ибо они – остатки прошловечные; земля уже не носит в чреве своем таких недоростков. Конечно, найдешь запоздалых и в молодежи, но тут более действует пример, расчет выгод; но побуждения природного нет, кровь не заражена, *грех первородный* стерт и омыт.

Кажется, в самом том письме, где говорю тебе о намерении написать отчет пребывания своему в Польше, говорил я тебе и о тех причинах, по коим не можно и не должно мне получить награждения, а на это последнее ты мне отвечал. Теперь дожидаюсь, что ты скажешь мне о письме брата и к Глинке. В том же письме говорю тебе о *gouvernement occulte*, который в самом деле здесь существует, но только *au grand jour*.

Прости! Мое дружеское почтение Николаю Ивановичу. Есть ли у него новые письма *de Say à Malthus*, то-есть, в восемьсот двадцатом году вышедшие? Если нет, то пришлю. Что мое «Послание» к негодяю? Нетерпеливо и любопытно ожидаю, что из него выйдет. Не забудь объяснить мне мой запрос о *неделимости*.

Как отсылаешь ты и куда письма мои в жене? Она только всего два получила, а я через одного тебя послал их верно с пять, если не более. Сделай милость, позаботься о верном доставлении.

336. Тургенев князю Вяземскому.

8-го декабря. [Петербург].

Я получил письмо твое от 27-го и доставил башмаки с каламбурами по адресу, а «падам до ног» передал лично красавице, которой фиделька подцарапала милый глаз. Уваров еще не приехал, но город с нетерпением его ожидает.

Спасибо за байрошинзну. Присылай продолжение и выправь недостаточное и пополни недостающее. Пушкин угадает все, что захочет. Давно нет о нем слуху. От Жуковского получил я из Берлина письмо, которое порадовало мое сердце. Давно он так мило не говорил со мною. Надобно всем нам быть розно, чтобы чувствовать всю нашу дружбу. Он пишет к нам двум (с Воейковой), но за одно. Спасибо, что, видев нас один только раз в жизни вместе, угадал нашу дружбу и в письмах не разделяет нас. Он живет, как в Петербурге, видит один прусский двор свой. театр и познакомился и сдружился с стариком Гуфеландом, которого описывает прелестно, сравнивая беседу с ним – с Карамзинскою, где вся душа слышна. Он везде отыщет немца или душу по себе: старца Эверса в Дерпте, Букильона в Болхове и Гуфеланда в Берлине. В начале весны поедет путешествовать и уже блаженствует при одной надежде; готовится к сему подвигу, как юнкера к экзамену. Описывать путешествие будет не прежде, как выехав из Берлина, а между тем ни к кому, кроме меня, себя в Берлине описывать не будет.

Здесь все по старому. Город не перестал еще громить меня за советское происшествие, потому что другого не было еще на смену. Я вошел в длинную и скучную переписку с Олениным, которая будет служить материалами сей истории. Услышим, что скажет царь по возвращении. Все страшат меня им, а я ничего не боюсь, ибо худое для меня не худо; а может быть на сей раз и справедливость, и честь восторжествуют. Все это приплели к другим происшествиям, даже европейским, хотя наше – совершенно азиатского происхождения.

Пожалуйста, присылай мне свою «Негодяйку», хоть не в самом лучшем виде; после исправишь. Без Воейковой нечем было бы душу отвести. Виноват: есть еще и Карамзины, и еще все-кто; но хороших стихов все нет, даже и в «Сыне Отечества». Писать некогда: спешу в Совет.

337. Князь Вяземский Тургеневу.

12-го декабря. [Варшава].

Требую списки: с «Вечера на Волге» (найдешь его у Н. Я. Плюсковой или Ю. А. Нелединского); басней Красицкого, цензурою не пропущенных; стихов, на почтовом листе написанных и мною тебе отданных в последнем моем пребывании в Петербурге, где, между прочим, есть басня о кадельнице, которою усердный жрец расшиб нос кумира; последних стихов: «Воспоминание», «Подражание Martine» и прочее; басни о пожаре;

Какой-то царь, иль, может быть, дитя;

эпиграмм, в письмах разбросанных; «К Кораблю», подражание Горацию; переводы из «Дивана» Гёте.

18-го декабря.

Неприменно пришли все, хотя и трудно, и скучно будет искать, а без того ни одной рифмы тебе вперед посылать не буду. Пока всю семью не соберу вокруг себя, не примусь за исправление и приготовление их к печати. Благодарю за письмо от 8-го. Я все еще не знаю, получено ли тобою письмо мое через почту, и поверил ли ты по моим отчетам получение всех писем.

Уйми шарлатана своего: перепечатывает стихи Жуковского и Давыдова, а в рецензии – целые статьи Броневского. Давыдова эпиграмма испорчена: может ли быть остра шутка, которая *несчастье рассудка*. Вот как надобно ей быть, и как она напечатана в «Образцах» Жуковского:

Не счастье твоего рассудка,
А счастье памяти твоей.

«Негодяйку» переписать не успею. На меня наложили работу и для кого же? – Для Аракчеева! За то каким злодейским слогом и отшлепаю ее!

Вчера разнесся слух, что государь едет в Вену, а Капо – в Лайбах; что государь встретит у вас новый год; что Нессельроде едет с ним. Все это требует подтверждения. На днях напишу к Жуковскому, чтобы вытянуть из него прусское письмо.

Какое ты неестественное сочетание сделал из Букильона и Гуфеланда. Разве не знаешь Букильона?

Я боюсь за Жуковского: таким образом и путешествие не проветрит его. Он перенесет свою Аркадию в дворец и возвратится с тем же беспечием, с тем же, смею сказать, отсутствием мужества, достойного его таланта. Ему не душу питать нужно: она сама собою питается, и если бояться за нее, то не отощания, а индигестии, но нужно расшевелить ум, разнообразить впечатления, понятия, чувствования. Я вижу его отсюда: жмет руку немытую Гуфеланда, сравнивает ее с запачканною рукою старца Эверса и говорит:

О, сладкий жар во грудь мою проник,
Когда твоя рука мне руку сжала;
Мне лучшею земная жизнь предстала.

Жуковский тоже дон-Кишот в своем роде. Он помешался на душевное и говорит с душами в Аничковском дворце, где души никогда и не водилось. Ему нужно непременно бы

иметь при себе Санхо, например, меня, который ворочал бы его иногда на землю и носом притыкал его в житейскому. Как Жуковский набил руку на душу, чертей и луну, так я набил ее на либеральные блестки. Вот тебе мое письмо к Василью Львовичу. Попроси брата отослать и это, и мое табашное к нему послание Михаилу Орлову. Он просит у меня моих стихов, а переписывать лень.

Я читал на днях стихотворения Carnot и нахожу гораздо более поэзии в его защите Анвера. Вообрази себе Шаликова французского, следственно с большим дарованием: напевает Клоридам и вьет венки Филидам. Ни одного нет движения, слова личного: все без образа. Я поэт, у коего не вырвется никогда: «Я не поэт». Вот почему Ломоносов для меня поэт недоделанный. Природа забыла досветить его, и он былъ } как эти фейервершные штуки, которые не со всех концов загорелись. Лучше кончить не можно, как потешным огнем. Итак, прости! На днях напишу с отъезжающими.

Сделай одолжение, спроси у князя Тюфякина, не нужно ли иметь ему театрального живописца (в особенности же для пейзажев). Здешний француз Courtin желал бы определиться в Петербурге. Он здесь получает не с большим три тысячи франков и, следственно, не задорожится. Что же не говоришь ты мне ни слова об Alphonse? К нам приехал из Парижа актер, для слуг бесподобный.

В Лемберге, в театре, кто-то закричал: «Надобно перерезать всех дворян». Несколько голосов повторили, ложи начали свистать; шум и тревога. Не знаю ничего о последствиях.

Скажи, сделай одолжение, Смирновой, что пришлю ей перчатки с первым отъезжающим: по эстафете возможности нет.

338. Тургенев князю Вяземскому.

15-го декабря. [Петербург].

Вчера получил письмо твое от 3-го и 4-го декабря с М. Т. Каченовским и с посылкою, которую вчера же, вместе с первой, от Бехтеева с письмом полученной, послал к княгине в Москву. Спасибо за стихи. Много сильных и прекрасных, но многие надобно бы исправить, если время позволит. Я не успел еще прочесть их критически, или с Блудовым. Получил при Воейкове, и он уже просил меня позволить напечатать в первом номере нового года, ибо тогда имя его будет стоять вместе с Гречем, и потому он сберегает лучшее в новом году.

Радищева цензура не пропустит, но пропустит... точку. Впрочем, честь приложена, а от избытка в оной Тимковский избавит. Жал, что у нас примеры редки, даже и патриотической дерзости, и мы принуждены хвататься за безграмотных Радищевых. Mais puisqu'ils n'existent pas, il faut les inventer.

Я болен и почти не выезжаю. Сидеть и дома трудно, оттого пишу через силу. Перечитывая письмо твое, вижу, что опять одного не достаёт, именно того, в котором было и к Глинке. Я не получал его, и следовательно и Глинка без ответа. Справься и будь осторожнее. Письмо Татищеной доставил вчера же.

Главу Гизо, из коей выписал строки, я читал. Много справедливого, но есть и слишком известные истины, напыщенным слогом сказанные. Но в существе я не вижу того сильного влияния, которое ты Агамемнону приписываешь.

Меттерних действует и делает покуда по своему, то-есть, по-австрийски. Не знаю еще, чем кончится, ибо мы в глуши от Европы. Прочти неаполитанскую ноту.

Напрасно тянет тебя сюда. Выпалка моя в Совете остервенила против меня всех противомышленников наших более для того, что они сердятся за победу, одержанную здравым смыслом над невежеством и корыстолюбием, хотя плодов победы и не видно, ибо все остаётся по старому, и люди, по словам Петра I, продаются, как скоты. Но расшевелили живую рану отечества и залечить ее необходимо нужно будет.

Не смею нападать за *объяснения*, нами представленные и громким голосом, почти со слезами на глазах и косо прочтенные; они нападают и по сию пору; кричат о том, что не стерпел публичного и повторенного обвинения во лжи, и что жаловался по начальству. Называют сей поступок хуже и опаснее Семеновского и прочее. Не знаю, чем все кончится, но спокойно ожидаю всякого окончания. Не разглашай этого, дабы не дошло до государя не в полном виде. Главное оправдание моего поступка: я жаловался Оленину не в собрании, а в Канцелярии; послал он к председателю, и не прерывал чтения, а говорил по окончании оногo. Вот тебе тема, на случай толков, особливо между приезжими.

Я получил еще письмо от Жуковского. Он радуется стариком Гуфеландом и надеждою на путешествие. Собирается писать к тебе, а сюда, кроме меня, ни к кому не пишет; а письма — ко мне и для милой Воейковой, которой восхищаюсь ежедневно более.

Вот тебе два башмака. Закажи по ним для каждого башмака по шести пар лучших башмаков, бальных или хороших вообще, разного цвета, и по одной паре ботинок холодных и теплых, следовательно для двух башмаков всего двенадцать пар и четыре пары обоего рода ботинок. Уведомь о цене, и я вычту деньги из тех 500 рублей и 200 рублей, кои ты мне должен. Пожалуйста, сделай скорее и вернее. Прости! Тургенев.

339. Тургенев князю Вяземскому.

21-го декабря. [Петербург].

Через силу пишу к тебе, милый Вяземский, ибо сил нет: ослабел от лекарства и от домоседства и постигаю ужас тюремного заключения по двухнедельному затворничеству.

Письмо твое от 7-го декабря получил, но о Глинкином нет ни слуху, ни духу. Я его видел недавно, и он сказал бы мне о письме от тебя, если бы получил мимо меня. Твои письма к княгине доставляю исправно и сегодня просил ее уведомить меня, все ли она получила. Послал запрос твой о неделимости в Кар[амзину], но еще ответа не имею. Завтра пошлю за ответом и тебе доставлю. Я не помню этого постановления, и в нашем своде, где о сем речь, о нем ни слова. Воейков посылает тебе под его руководством переведенных русских поэтов. Тут и ты; во втором томе тебя более будит.

«Ништо» сказал я за его характер и поведение, а делу ужасаюсь и я, как европеец. Впрочем, тут одна личная скука и досада на скучного надоедалу. Вероятно, отнимут средства писать, и кончится все мучительною теперешнею неизвестностью о его участии для его семейства: и это не безделица. Сказывают, жена получает ежедневно от него известия, но не знают только откуда.

Стихов твоих не получал еще от Блудова. И он нездоров. Между тем Воейков к январю их требует. Сея к Мальтусу у брата нет: присылай. Он собирается писать к тебе и побывать на дилижансе в Москве.

Третьего дня было здесь ужасное происшествие. Целый дом, деревянный с каменным фундаментом, взорвало порохом на воздух. Десять человек были уже жертвою, вероятно и виновный, то-есть, державший у себя порох фельдъегерь, с женою. Каменный фундамент уцелел. Двое или трое живы, но изувечены. Все в щепы и в куски преврошило.

Скоро будет годичное чтение в Русской Академии, и Крылова увенчают большою золотою медалью. Что-то скажет Иван Иванович? Но, кажется, и о нем хлопотали приятели. Не знаю, как соединят двух Эзопов; а третий, граф Хвостов, бесится, что его и с Озерецковским не сравнивали; ибо его и не предлагали к чтению, а Озерецковский имел честь отвержения. Историограф опять загладит стыд бесстыдной Академии. Ужас, что Шишков предлагал к чтению! Карамзин убедил не жевать каких-то славянских корешков, найденных в индейском каком-то языке, вероятно в санскрите. Озерецковского перевод – какая-то неблагоприятная мерзость, которою хотели угостить посетителей.

Не забудь мои просьбы о башмаках и возврати старые. Рука слабее слабой головы. *C'est tout dire.*

22-го декабря.

Карамзин отвечает мне, что чего нет в его «Истории», того и он не знает. Иван Васильевич первый уничтожил уделы. Он же писал к дочери своей Елене, королеве Польской, о вреде всякого раздела государственной власти: том VI, гг. 1495-1496. Я читал эту страницу (245). Это только мнение государя и послугой намерения другого государя изъясненное, а не закон государственный. Поищу еще и посоветуюсь, но с кем, еще не знаю. И в «Основаниях права», и в «Своде», изданных Коммиссиею, ничего нет о неделимости государства, а только о неделимости власти государевой и в Наказе, и в Уложении, кажется, сказано. Посмотрю еще и в книжке Шлецера: «*Ueber Russlands Reichsgrundgesetze*», но вряд ли и там есть.

340. Тургенев князю Вяземскому.

24-го декабря. [Петербург].

Посылаю тебе копию с записки, которую вчера получил я от Блудова и выписываю его замечания:

1. *Довольством недоволен*: Точнее бы *удовольствием*: довольство значит *aisance* (Я: однако ж и в смысле *aisance* будет тут не без смысла, хотя точности не будет).

2. *Во тьме коварная зараза*. Жаль, что тут опять *во*. Можно ли сказать коварная зараза?

3. *Почетной ссылкой*. Почетный может значить только *honoraire* или *honorifique*, никогда *honorable*. Если бы Радищева, для удаления, сделали наместником или послом, тогда бы эпитет *почетный* был правилен и прекрасен; не его ссылка была не такая. Впрочем, будет довольно времени для поправки этого стиха. (Я: ибо теперь сих двух стихов я и в цензуру представлять не буду, а выставлю точки).

4. *Грядущих бед*. Не лучше ль: *и новых бед пророки*; кажется, так естественнее будут связаны и полустиише, и мысли. (Я: так и выправится в печати).

5. *Граничная межа*. Граница и межа – все равно. Пусть Асмодей придумает другой эпитет, который будет новой мыслью,

6. *Читает чернь и царь*. Надобно *читают*, во множественном. Эту поправку я беру на свой страх. (А я взял и прежде).

7. *Тискнут*. *Тискать* однократное, а должно учащательное. Как бы с этим сладить?

8. *Развернул страницы*.

9. *В союзе с глупостью, сообразя затеи*. Вот этот один стих во всем послании можно назвать нехорошим.

10. *Тускнеет*. Надобно *потускнет*, потому что прежде есть *скажет*. И эту поправку также беру на свою ответственность. (И исправлено).

11. *Стопы их*. Кажется, так должно; но спросим у Карамзина, не сказывая ему для чего. Тургенев.

Я велю стихи переписать с поправками, взятыми на страх, и отдам в цензуру сам; ибо нужно уломать Тимковского или Ястребцева. Но как быть с именем? Поставим заглавные буквы или точки.

Третьего дня хотел писать я к тебе с штафетою. Попытаюсь послать это письмо с троп-пауским курьером.

«Я никак не могу попасть к тебе, любезная Арфа, и для того принужден *через посланника* отправить прекрасное послание нашего Асмодея, к ненашему Каченовскому. Прошу верить, что я назвал его прекрасным не из учтивости, не *par manière de parler*; повторяю, что оно прекрасно, почти несравненно; по крайней мере у нас в этом роде первое. Какая зрелость в мыслях и какое естественное и притом живое течение! Как сочны все стихи отдельно, а по местам какие искусственные стихотворные периоды! И с каким мастерством, без прыжков и натяжек, он переходит от строгой простоты дидактического слога в образам самой пышной поэзии и опять возвращается к разговорному, не народному остроумию, достойному лучших, следовательно, не наших комедий. Право, эта пиеса так хороша, что кажется грех и думать об исправлениях. Я однако ж (из повиновения единственно) сделал несколько замечаний, или подъяческих привязок, больше приличных ученику Каченовского, нежели другу Вяземского. Делай с ними что хочешь, только не откладывай печатать послания!» Блудов.

Будет по сему! Тургенев.

341. Князь Вяземский Тургеневу.

24-го декабря. [Варшава.]

Читал ли ты «Речь» в 50-м «Сыне»: должна быть Олина. Она выходит из числа дюжинной посредственности. Я радуюсь каждой тени мысли, лежащей на вашей туманной пошве. Россия является мне в таком мраке крошечном, что даже каждый блеск блуждающего огня мне, вперившему взор умоляющий на восток, выдается за луч солнечный. При каждом сиянии, хотя и беглом, вспыхнувшей звезды готов бежать с магами поклониться колыбели Спасителя, и что же? Часто, чтобы не сказать всегда, нахожу один хлев и в нем осла с быком, а о Спасителе и следа нет. Есть, конечно, в России общество мыслящее, но это общество глухонемых. С ними говорить можно только на лице и знаками: ничего не раздается, вся умственная работа производится потаенно. Доживем ли до того, чтобы прорвалась она? Иногда бешенство, иногда жалость, иногда смех обхватывают меня. Я, конечно, не умнее и не дельнее вас всех, но клятвенно уверяю, что никто из вас, подобно мне, не одержим этим недугом уныния, черной немощью, не исключая даже и Николая Ивановича. Я здесь между двух огней. Вероятно, никогда в России, или в самой средоточии просвещения, не развернулось бы во мне все это чутье омерзения, которое терзает меня, зудит, жжет, бударожит. Но здесь, на черте преткновения всего азиатского и всего европейского; здесь, где ежечасно формы образованности схватываются с духом невежества, и сей последний на месте сражения всегда запекает: «Тебя Бога хвалим», – здесь болезнь моя растет не по дням и часам, и вся жизнь моя – одно негодование.

26-го.

Сейчас сбросил с себя золотой хомут. Ездил платить двойную дань феодализму христианства и феодализму власти: был в церкви и во дворце. Спасибо за письмо от 15-го декабря. Сделай милость, оправдай меня перед Ф. Н. Глинкою непременно и без отлагательства. Постараюсь отыскать черновое письмо мое к нему или напишу другое по следующей эстафете. Странное дело, как это мое письмо в тебе пропало, именно то, которое *здесь* может мне более повредить. Впрочем, отчего же другие, также не вовсе ультрамонархические, дошли исправно? Я не люблю подозревать: подозрение кривит поведение. Можно ли идти твердым шагом по дороге, если думаешь, что где ступишь, тут и есть уж или лягушка? К тому же нет ничего малодушнее этих оглядок, этих орлиных взоров ничтожества, которое в нелепой предусмотрительности везде видит заговоры неприязни. Мне так надоело смотреть на это ежедневно; прозорливость этих предусмотрителей так мне кажется жалкою и смешною, что готов кинуться в противоположную крайность, только с тем, чтобы не походить на них. На днях захватили здесь польскую ценсурованную книгу о Вене, где, между прочим, одна статья говорила о конгрессе Венском. Странные люди! Утвердивши независимость мнения, свободу печатания, кричат они: «Режут!» если только немного заговоришь не казенным языком. Можно насмеяться людьми и истиною, но только осторожно и с удержкою. И добрый мой Николай Николаевич никак постигнуть не может духа правительства не в силу Божией милости; он всегда сбивается на старый лад. В России был англоманом, а здесь таким руссоманом, «драгоманом, туркоманом, что способа нет; в России либеральничал, а здесь холопничает. Ничего нет забавнее, как спесь этих государственных гусей, которые каждый раз что крикнут, то и думают, что спасли Капитолий. А между тем, в тот день, как разнеслось по городу, что на эту книгу правительство готовится напасть врасплох, продано её 170 экземпляров, что в Варшаве равняется с 3000 в Париже.

Как же тебе не стыдно не заметить, хотя слегка, неисправности в моей каченовщине! Я разрешил бы сегодня недоумение, и дело с концом: так не печатайте. Вот мой перевод для

«Сына». Прощай! Некогда. Европейского ничего нет. Вы уже знаете, что Русский и Австрийский государь поехали в Лайбах; что Неаполитанский туда уже отправился, начиненный девятью членами парламента.

342. Тургенев князю Вяземскому.

29-го декабря. [Петербург].

Вот уже три недели, как я болен и страдаю: проливаю кровь, только не за отечество, и ослабеть не могу. Этого Реман добиться не может. Скучаю сидячей жизнью, тем более, что и сидеть не на чем, ибо задняя моя исполненная поругания.

Я получил письмо твое от 12-го декабря и доставлю списки с следующей штафетой, ибо теперь сам рыться в бумагах не могу, а другим твоих бумаг не поверяю; брат же в хлопотах, отправляясь в субботу в дилижансе в Москву. Василию Львовичу послал вчера твое «Послание»; а неумолимый Тимковский, кроме двух, мною выкинутых о Радищеве стихов, выкинул еще восемь, то-есть, два, предшествовавшие Радищеву и, начиная от стиха: «Свобода, своевольство» – шесть стихов. Вчера отдал я пропущенный, но искаженный экземпляр Уварову. Авось он еще спасет стиха два; но я и сам боюсь за Тимковского: лучше пустим их вполне в списках. Завтра доставится полный экземпляр государыне Елизавете Алексеевне. Она говорила о твоих стихах, вообще хвалила их; но сказала, что во всех есть что-то недоделанное, *ou à peu près*. В доказательство противного посылается ей настоящее послание к почтеннейшему Михаилу Трофимовичу. Но Карамзин об этом не узнает, и она предупредится в секрете. Тимковский выпустил и имя Каченовского, оставив заглавные буквы; но мне хочется оставить его и, вероятно, оставлю. Одно вымаранное слово и замененное другим я уже спас. Вместо *чернь* и *царь* цензор поставил: *все* и *царь*. Какова противоположность! Во второй книжке «Сына Отечества» «Послание» явится, но в первой не поспеет.

Хотя я вижу приятелей, но, не привыкнув в домоседстве, скучаю и изнемогаю от долготерпения. Еще две или три недели придется хворать, а там с месяц отхварывать; свежести в голове нет для важных и даже для шуточных занятий; а между тем летит золотое время, и я не ловлю его. Сколько прелестных праздников! 31-го славный бал у Дмитрия Львовича, и и опять зван в знав примирения неосновательной размолвки, а должен крехтеть на скучной и постылой постели. Нет! Я еще полон жизни, хотя и смотрю на нее разочарованными глазами и сквозь туманы петербургские.

Помешали мечтать Блудов и Уваров. Тебе кланяются и восхищаются посланием в Львовичу. Не лучше-ль *вместо* так сказать: *будто бы Европы*; да перемени *убыток* и поставь *убыл*, и выйдет прелестная шалость.

Посылаю переписанного Каченовского. Авось удержим еще несколько стихов. Я писал в тебе и по почте: послал Блудова замечания. Смирновой дал знать твое поручение. Пожалуйста, мои башмаки присылай прежде: они нужны.

Батюшков, сказывают, поживает у Венеры на руках. Прямо от него – ни слуху, ни духу.

343. Князь Вяземский Тургеневу.

31-го декабря. [Варшава].

Конечно, *довольство* – *aissance*, но *удовольствие* такое протяжное слово, что лучше остаться при том. У меня вместо *коварная* стояла *тлетворная*.

Почетной ссылкой. Разумеется, слово *почетное* принимается более в смысле *honoraire* и *honorifique*, но нельзя исключить совершенно и смысл мною данный. Мы говорим-же: «Он занимал на пиру почетное место». В словаре академическом: *почетный человек* – отличенный чином, почестью. Я то и хотел сказать. Лабзина почтили звездой, Радищева – ссылкой. *Почтенное* по мне происходит от *почтение*, *почитать*; *почетное* – от *почести*, *почтит*. Ссылка разбойника есть ссылка бесчестная, ссылка смелого писателя есть почетная. Зачем же не показывать этих стихов ценсуре? Может быть и пропустила бы она.

Ты в первом своем письме слышном уничтожаешь Радищева. Он человек был умный, и из малого числа мыслящих писателей наших. В оде его «Свобода» есть звуки души мужественной. Во многих прозаических отрывках – замашки, если не удары мысли. Вот место из его описания жизни Ушакова: «Пример самовластия государя, не имеющего закона на последование ниже в расположениях своих других правил, кроме своей воли или прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что, пользуясь уделом власти беспредельной, он такой же властитель частно, как тот в общем. И сие столь справедливо, что нередко правилом приемлется, что противоречие власти начальника есть оскорбление верховной власти. Несчастное заблуждение, теснящее дух и разум и на месте величия водворяющее робость и замешательство под личиною устройства и покоя!» В нашей *право славной* России эти строки находка, а особливо же в печати.

Нет: *И новых*, не может заступить *грядущих*. Они уже враги *новых*, ибо *враги тою, что есть*. Тут нужно было означить *настоящее*, *будущее* и *прошедшее*. Запоздалые видят теперь *искры* и пугают пожаром.

Граничная межа. У меня на уме было всегда: *казенная*, но мысль принес в жертву Тимковскому. Ведь говорится: *стал печатать*, почему же не *тиснут*. Впрочем, на всякий случай: *и стал писать*, или: *и выдает листы*.

Развернул нельзя. Отчего же? Ну, так: *прочитал*.

Разве нельзя: *сообразить затеи*? Ну, так сделайте что-нибудь другое с ними. Что бы можно состряпать с *затеями*? Нельзя ли их *изобрести*? *Изобретя затеи*.

Тускнеет. *Потускнеет*, так! Только *скажешь* не всегда требует будущего. Тут *скажешь* то же, что *сказал-бы*. Кажется мне, что эта неправильность в свойстве языка.

Если «Послание» не напечатано еще, то выставь: *глас смелый мужества* вместо: *глас откровенности*. Какие имена выставить точками или заглавными буквами: мое, или Баченовского? Моего совсем не надобно; если можно, его, напротив, крупными и четкими буквами. *Михаил Трофимович* – непременно: искусству не надобно пренебрегать союзом природы. Одно имя это – насмешка. Я еще сказал бы: *составляющему «Вестник Европы»*. От природы всякое даяние блого: должно все собирать, всем дорожить и пользоваться.

Похвала Блудова-Кассандры – конфертатив моему честолюбию. Дай Бог его пророчеству сбыться! Впрочем, вкус его – порука непогрешительная, и при его одобрении можно ожидать спокойно приговора мирового. Поблагодари его за меня: такая похвала – одобрение совести. Что скажет историограф? То-то журить нас будет! Отдувайтесь вы, наличные! Мне здесь легче будет. За то Дмитриев без памяти будет.

То письмо, не находящееся, верно затерялось в Мраморной канцелярии. Здесь, говорят, этого не бывает. Справься! А я все еще не знаю, получил ли письмо через почту. Когда

писал ты ко мне *третьего дня* с эстафетою? Нынешнее от 24-го, а последнее от 15-го: С Троппавским курьером ничего не имею от тебя.

Николай Николаевич поехал сегодня в Слоним на три недели. В Европе ничего важного нет. Я Агамемнону *не приписываю, а предписываю* влияние во благо на Европу. Он один из царей наличных не клеймен еще народною ненавистью. Один он может давать залогов народам. Не говорю о том, что делает; о том, что мог бы делать. Во всяком случае бешусь от мысли, что преемник Петра – по следам Меттерниха – австрийским. Будто мало дела дома! Никто более его не придерживается слов Байрона:

Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей.

Рад всякими делами заниматься, только не своими. Боже мой, что за человек!

1-го января.

Честь имею поздравить с новым годом. Здесь ваш голландский посол, который к вам едет. Завтра бал у Заиончека для празднования 12-го декабря и сегодняшнего дня. Прощай! Вот тебе гостинец: письма к Булгакову. Уж лучше подарить тебя нельзя, как дать прочесть чужое письмо. Это письмо могло быть бешеное. Вчера, как я сидел за письмом к тебе, из-под стола моего выбежала бешеная собака. По счастью, никому не сделала она вреда, кроме свиньи, которую перекусала. Заблаговременно убили их обеих. Прощай! Мой сердечный поклон брату и Блудову.

1821

344. Тургенев князю Вяземскому.

6-го января 1821 г. [Петербург].

Поздравляю с новорожденным сыном вечности. Я кончил старый и начал новый в скуке и в болезни, которая еще продолжается, а с нею и слабость в голове и во всем теле. Приятели навещают меня, но сам я только еще раз выехал к Карамзиным, и то через силу. Письмо твое с переводом из Гизо получил, а в княгине отправил в Москву, веселящуюся по московски, ежедневно балы и концерты; bulletin тамошних веселостей доставил мне Иван Иванович; я ему отплатить тем же не мог, а погоревал только о бале Д. Л. Нарышкина, на котором было в 80000 плато и на тысячу рублей спаржи. Из моей пасмурной кельи смотрел я только на приезжающие и отъезжающие кареты, и если бы не дружба, которая пришла в двенадцать часов озарить мое мрачное жилище, то встретил бы новый год хуже затворника. Никогда на меня такой хандры не находило, и жизнь представилась мне в самом разочаровательном виде. Но до поры, до времени авось пройдет.

«Послание» твое напечатается во второй книжке «Сына Отечества». Видел ли уже первую? Каков оценщик, и каков слог? Всех восставит против себя, и тех, кого хвалит, – еще более; да и Греч мило говорит о Бенжамене Констане. Я отдал Воейкову твоего Гизо, но не знаю, пропустит ли цензура. Во всяком случае надобно в некоторых местах исправить Свое написать бы ты лучше и даже правильнее, но с чужими словами и фразами ты не так хорошо ладишь. Я прочту перевод Блудову.

Брат Николай уехал в самый новый год, по утру, в Москву, в дилижансе, на 28 дней. Приехавший из Москвы Вигель рассказывает, что меня и братьев там распинают за какой-то либерализм и за бывшую, и другую, придуманную, размолвку с министрами юстиции и финансов, да что то и на Сергея всклепали. *C'est l'histoire du jour et pourtant on n'y voit pas clair.*

Кстати о Сергее: мы не получили большего ящика с его книгами и именно того, в котором находилось все то, что он собрал в Париже и во Франции до Ахенского конгресса и передал приятелю для отправления сюда. Лучшее собрание всех классиков, прекрасные издания других авторов карты Кассини, и во Франции редкие; сочинения о французской революции, где более ста гравюр, и тому подобное; все это пропало, или, по крайней мере, неизвестно где и когда к нам прибудет. И его, и меня это приводит в отчаяние. В другой раз собрать этого не удастся. Надобно было ему случиться в Париже и три года обогащаться сими сокровищами!

Постарайся узнать под рукою, что делают из перехваченных писем у вас. Прости! Устал писать. Тургенев.

13-го января Семеновский полк входит в караул. Вышла новая (четвертая) часть «Каллиопы», но более для рифмы.

345. Князь Вяземский Тургеневу.

7-го января. [Варшава].

Что это значит? Эстафета ничего не принесла мне от тебя. А я при негодовании своем на тебя посылаю поэтическое негодование: «Негодяйку» – негодяю. Мне заметили несколько грамматико-синтаксических неисправностей; надобно бы выправить, но, так и быть, еште. Поправлю все разом, только прошу сейчас возвратить. Надобно послать ее и пруссаку Schukowsky. Позволят ли ее напечатать? У меня тут от иных стихов у самого мороз по коже пробегает. Конец немного сбит. Впрочем, возмутительного тут ничего нет:

Le tzar en permettra la lecture à son peuple.

Угодил ли своим «Негодованием» Николаю Ивановичу? Пусть возьмет он один список с собою в diligence и читает его по дороге. Только не доехать бы ему таким образом от Петербурга до Москвы и далее, как Радищеву.

Я, наконец, получил твое большое письмо с курьером и немецкие стихи. Скажи Воейкову, что я здесь роздам несколько экземпляров. Какая цена?

О царственных Стернах ничего ещё нет из Лайбаха. Известно только, что русский путешественник выехал из Вены по четырехдневном пребывании. Все, что пишется в неаполитанском парламенте, удивительной силы. Мужество искренности и правоты! Их сияние должно жечь глаза наших фейерверщников.

Вот книга Николаю Ивановичу. Сверх письма, здесь вложенного, к княгине, есть еще пакет на её имя: вели его взять и отправь. Башмаки будут доставлены. Вели же себе заплатить за меня Дружинину. Скажи Воейкову, чтобы он не забыл присылать мне «Сына» и подпишись на «Журнал» вашего просвещения.

Здесь весна. Мост вислянский сорвало, но, сказывают, что никого ни погибло. Прощай!

346. Тургенев князю Вяземскому.

12-го января. Петербург.

Спасибо за письмо от 31-го декабря и 1-го января. Булгакову отослал, но с предосторожностью, посоветовав ему не разглашать содержания оного по Москве. Право, быть беде и с тобою, и с твоими корреспондентами! И что за охота с москвичами беседовать о Троппау! Моря не зажжешь, а шуму наделаешь: это всего хуже, ибо лишит средства со временем принести хоть малую пользу общему делу.

Стихи твои напечатаны, но с твоим именем и с десятью стихами менее. Я не виноват, сказывал Воейкову; но Тимковский объявил ему, что если твоего имени не будет, то и Каченовского напечатать нельзя; не предварив меня, он тебя выпечатал. Впрочем, беды нет, et c'est encore plus loyal et franc!

Ты получишь «Сына» от издателей. Перемены увидишь, но тех, кои сообщил в последнем письме, я не мог уже сделать, ибо журнал вышел. Получив ошибкою два экземпляра, от издателей, второго номера, я в одном вписал выпущенные стихи; ошибкою же, вместо другого экземпляра, возвратил в типографию свой, и она отправила, куда – неизвестно, с теми, кои я вписал в нем.

В день свадьбы Карамзиных я, несмотря на продолжающуюся болезнь, потащился к ним на вечер и повез книжку с твоими стихами. В присутствии многих Блудов прочел их Карамзину, и он, несмотря на то, что дело шло о нем, не мог удержаться от похвалы. В самом деле, кроме некоторых погрешностей, это лучшее твоё произведение. В городе начали удивляться либерализму нашей цензуры; а я объясняю всем звательный падеж и запятую, которая отделяет Каченовского от низкого врага талантов.

Что же ты мне ничего не пишешь, получил ли ты два башмака и заказал ли по оным другие и когда надеешься прислать? И сил нет писать.

347. Князь Вяземский Тургеневу.

14-го [января. Варшава].

Спасибо за письмо от 5-го. Ты мне ничего не говоришь о том, что пропустил перед тем эстафету. Разве опущения не было, и твои письма начинают уже блуждать? Ты мне категорически не признаешь получения моих писем, и я не знаю, которые ты получаешь и которые теряются, например, письмо стихами Василию Львовичу и другое, такое же, Булгакову.

Верю неисправностям моего перевода, но худо верю, то-есть, доверяю вашим строгим приговорам. Русскому языку, чтобы дать толк, нужно его иногда коверкать. Прадт не мог бы кричать языком Фенелона. А наш язык неволи и невольный язык еще туже, еще спесивее подается на мягкие приемы. У него спина русская: какхватишь по ней порядком, так то ли дело! Раба только ударами можно в чувство привести. Разогрей его хорошенько, и тогда он на стену полезет. Раскуси мои слова: право в них есть толк. Каждый язык имеет свою тайну. Но в чем же придратся может ценсура?

Я «Сына» еще не имею: скажи Воейкову. Прилагаемый пакет отдай от меня Алексею Перовскому с просьбою переслать и рекомендовать писавшего благосклонности Фишера. О какой четвертой «Каллиопе» говоришь? Я, слава Богу, и о предыдущих ничего не знаю. пришли мне новую трагедию Крюковского. Я теперь читаю новое издание записок m-me Rolland о революции. Что за женщина!

Отыщи во французских листах речь генерала Donnadieu в Палате: ультрабеснующий! О Лайбахе ничего не знаем. Что у вас говорится о этом долгом отсутствии? И неужели это в естественном ходе вещей, и заедается у вас тысячею спарж? «Чудны дела твои, Господи», но чуднее еще дела твоих господ! В заточении вологодском плен и пожар Москвы не так часто обхвачивал мой ум, как этот Лайбах. Все прочее – безделица в сравнении с этим явлением. Все надежды, вся доверенность, все терпение рушатся, если только на миг приостановишь мысль на нем. Тут теплится точка истины, которая разлить должна свет на положение наше. Только наведите взор на нее, а не на спаржу вашу, злодеи глупые, глупцы злодейские, и поучительное сияние разверзнется само собою. Как вы ни близоруки, но солнце свое возьмет и, на зло вам, озарит пропасть, над коею срываете свою спаржу. Тут нечего всматриваться, исследовать: истина не запутана, не утонченная. Эта истина – кол горящий, который или выжжет, или выколет глаз, если только приблизишься. Этот Donnadieu, ультра-головорез и головорез-ультра, донес на трибуне, что Министерство хотело подкупить 100000 франками одного члена палаты. «Voici», прибавил он, «les sentiments français, qu'on nous a rapportés de la Crimée».

Писать более нечего, некогда и не хочется. Перо не хорошо, бумага дурно лежит, а я кое-как – не умею. Мне надобно, чтобы все было на прохладе: подушка как-нибудь не на месте, и все –.

Прежде всего, прежде чем говорить о себе, отвечай на мои тысяча и один вопросов.

348. Тургенев князю Вяземскому.

19-го января. [Петербург].

Письмо твое от 7-го января получил, но удивляюсь, что ты не получал моего. Я не пропускал ни одной штафеты и сверх того писал раз по почте. «Негодование» – лучшее твое произведение. Сколько силы и души! Я перечитываю...⁴ некоторым приятелям с восхищением; но как можешь ты думать, чтобы цензура нашего времени пропустила эту цензуру нашего времени и нас самих! Я и читать стану «Негодование» не многим: это совет благоразумия. Но со временем и этот светильник из-под спуда взят будет. И Блудов тоже стихами восхищается. Мы сделали только некоторые замечания:

«Бездушных радостей» – нельзя сказать.

«Зародыш лучшего, что я» – исправить.

Нельзя ли также в один падеж согласить: «Могущество души и цену бытию?»

Ни *посыпав*, ни *посыпавшую*, а должно: «*посыпанную* скорбным прахом».

«В забвеньи бога души», и далее – повторение одного и того же.

«Одним земным престолом, одним богам земным». – Читаешь для примечаний, а нельзя удержаться, чтобы не перечитать все с начала до конца, несмотря на боль в руке. А ргорос: я уже мало-по-малу начинал выезжать, хотя еще с большою слабостью. Третьего дня, после ванны, пошел работать с князем и выехал...⁵ руку так, что кричал всю ночь и теперь она увязана, как кукла, и без употребления, но что всего хуже – меня засадили опять недели на две или на три, и я с одной рукой, и писать неловко.

Далее: «Союз твой гласно признают». Не другое ли тут хотел ты сказать?

И на досках судьбы грядущей
Снесешь нам книгу вечных прав.

На досках снести книгу можно, да не в сем случае. Не лучше ли: «Снесешь уставы вечных прав?» Но устав уже был.

«С любовью подданного – власть». Нельзя ли избежать слияния с обоими существительными?

Невинность примиришь с законом.

Тут, кажется, непременно надобно сказать с *законами*, то-есть, положительными, нашими; ибо с вечным законом, в каком смысле в единственном принимать должно, невинность всегда в мире. Он вечный её покровитель там, где уже законы человеческие не действуют.

Вот тебе письмо от А. Булгакова. Третьего дня, в восемь часов утра, застрелился здесь поручив Преображенского полка Каннацкий. Причина неизвестна. Он просил в оставленном письме не стараться узнавать оной. Полагают – бедность. Товарищи жалеют о нем. Приняв самоубийство за сумасшествие, духовная власть позволила похоронить его на общем кладбище.

Вообрази мое горе: целый ящик, самый большой, с лучшими книгами и ландкартами, и гравюрами, брата Сергея, из Парижа посланный или не посланный, пропал; по крайней мере мы о нем ничего не знаем, и все розыски по сию пору были тщетны. В нем лежали все

⁴ В этом месте письмо разорвано.

⁵ Письмо разорвано.

книги, которые брат собрал в три года, перед отъездом на Ахенский конгресс. Я вспомнить не могу об этом без грусти и досады.

Брат Сергей был опасно болен в Царьграде. *Tout cela fait que mon humeur n'est pas couleur de rose.* Николай еще в Москве. Благодарю за *Sau*. По возвращении брата, доставлю ему.

«Сына Отечества» к тебе отправили и отправлять будут, и, и надеюсь, даром и на веле-невой бумаге.

Остолопов выдал первую часть «Словаря древней и новой поэзии», Филарет – часть проповедей своих. Присылать ли?

Я заставил одного поэта, служащего в Духовном департаменте, переписать твое «Негодование». В трепете приходит он ко мне и просит избавить его от этого. «Дрожь берет при одном чтении», сказал он, «неужгодно ли вам поручить писать другому?» «Согласен», отвечал я. Копия послана в Царьград. Здесь, кроме оригинального экземпляра, ни одного не будет.

Читал-ли ты: «*Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV*», par Lémontey, précédé de nouveau mémoire de Dangeau? Опыт прекрасный! Сколько умных замечаний и прекрасно написанных! Его за один этот отрывок приняли в академию. Перевод на русский был бы наставителен для русских любовников монархического правления в духе Лудовика XIV.

349. Князь Вяземский Тургеневу.

20-го января. [Варшава].

Только третьего дня получил я от Соболевского твое старое письмо 29-го декабря. Где это оно залежалось? Сделай милость, когда буду в Петербурге, скажи мне, где показывают Тимковского? У него должно быть рыло этих собак, которые за трюфлями ходят. Что за дьявольское чутье! Ни одна мысль не уживется при нем: как раз носом отыщет и ценсорскою лапою выроет. Только, право, тут шутка не кстати. Но разве нет средства донести куда-нибудь на это алжирское варварство? Разве ценсор приговаривает безапелляционно? Нет ли Ценсурного комитета, Училищного правления, в коих можно по крайней мере расшевелить это – , так чтобы вонь разнеслась и сшибла с ног этих присяжных невежества. У нас есть постановление высочайшее о ценсуре, которое с похвалою упоминалось в французских либеральных листах. Где оно, скажи мне? Я с радостью ополчился бы на брань, но для того нужно мне приготовить б печати мои стихотворения. Не так ли? Не стоит того и неприлично было бы выдти мне на сцену за шесть стихов; но тогда, когда ценсорская лапа посягнет на большую часть написанного мною, то я буду в праве закричать: «Караул, режут!»

Означены ли точки, по крайней мере, на место стихов пропущенных, то-есть, непропущенных? Точки непременно нужны: пусть из каждой выглядывает в глаза всех и каждого государственная и правительственная нелепость; пусть каждая точка, *par un nouvel organe*, гласит в услышание:

Midas, le roi Midas a des oreilles d'âne.

Я рад, что царица, *le seul homme de la famille*, увидит, что делается в этой России, управляемой с почтовой коляски. Рад и тому, что она в стихах моих заметила их коренной недостаток, недостаток недоделанности, ибо вижу в том доказательство её здравого суждения и внимания к моим стихам. Но, впрочем, что она моего знает? Шептание, лепетание, но голос мой грудной задушен ценсурою. Дайте ей «Негодование». В слоге моем есть недоделанность; но там, где говорит душа, там в речи моей есть полнота чувства: в этом я уверен и этим удовольствуюсь.

Son trône est une chaise de poste.

Мои слова – зерна: сами собою ничего не значат, но, вверенные пошве производительной, они могут приготовить богатую жатву. Ты – пошва хорошая ли? Ты можешь хорошо *зачать* (*concevoir*), я знаю; но не слишком ли осторожная, не слишком ли ты обдумывающая пошва? Право, времена такие, что нужно силою пустить истины некоторого рода в ход. Тугие, но в сокровенности щедрые, берега Египта плодотворятся бурным разливом Нила. Терпение не есть повсеместная и каждовременная добродетель. Терпи рану, и антонов огонь тебя съест; выйди из терпения, дай больное место на отсечение, и все кончено.

21-го.

Спасибо за письмо от 12-го. Я как будто предвидел в предыдущих строках выговор твой за мое письмо к Булгакову. они и ответом послужат за мое *синичество*, которое, однако же, не *циничество*. Отчего мне, которого издатели «Сына Отечества» без моего ведома впрягли в свой рыдван, не держаться их эпитафия: я эту часть, то-есть, исполнение этого стиха взял на себя. Стихов своих в печати еще не видал. Вот уже конец месяца, а я еще и первой книжки не имею. Вы, в Петербурге, утопаете в беспорядке и любуетесь в невыдерж-

ности слова. Какой же либерализм цензуры, которому дивятся ваши ротозеи? Все оттенки политические, кой были в «Послании», вымазаны Тимбовским. Осталась одна личность. Не бойся, правительство радо будет, когда мы между собою грызться начнем за лавры: забудем тогда на него лаять за хлеб насущный. Ему выгодно держать нас при ребячестве письма. «Моря не зажжешь, а шуму поделаешь». Сохрани меня, Боже, зажигать море, но избави, Боже, и не делать шума. Этот шум – не набат, а будильник. Я хочу, чтобы они знали, что есть мнение в России, от коего не ускачешь на почтовых лошадях, как ни рассыпайся мелким бесом по белому свету. Это мнение не рушительное: первый желаю и молю, чтобы все сделалось у нас именною волею, и чтобы, по словам Милорадовича, он «изволил соизволить», но соизволь же!

Далее писать некогда. О Батюшкове ли говоришь, что он в руках Венеры? Какой, венерической, что-ли! Здесь есть семейство Четвертинских, два месяца тому назад из Неаполя выехавшее. Батюшков все хворал и, негодяй, ни строки, ни слова не прислал мне через них.

350. Тургенев князю Вяземскому.

26-го января. [Петербург].

Письмо твое от 14-го получил и в Москву все отправил и еще раз справлялся о штафетном письме моем от 24-го или 25-го декабря. Оно точно отправлено чрез канцелярию графа Соболевского, и принявший и расписавшийся в получении оно пишет сегодня в Варшаву и требует росписки из своей канцелярии. Понаведайся и ты, но прежде вспомни, точно ли штафетного или почтового ты не получал, ибо в то же время, дни чрез два, я писал к тебе и по почте и отдал письмо Булгакову. Но это ты точно получил, ибо в нем были замечания Блудова на «Послание к Каченовскому». Кстати о «Послании». Вот что Иван Иванович пишет ко мне: «Вяземский оправдал мою надежду: он показал талант и душевную энергию. Люблю Жуковского и Батюшкова по прежнему, но да не прогневаются они: Вяземскому в сердце моем первое место».

Для чего не могу я ему послать «Негодяйки»? Я дал себе слово читать ее некоторым *верным* приятелям, но копии ни одной не давать. Я знаю ее почти на-память. Энергия удивительная! Исправь некоторые места, коих я в первом письме не успел заметить. Нет ли тут противоречия и не слишком отдаленного:

Ожесточенную вы совесть оградили, и удар *неотразимый*.

Сообщник – не низво ли выражение для просвещения? Ведь он не наше.

Ночи сумрачный любовник – нехорошо.

День радостных надежд – так, но *горестную боязнь* надобно переменить. Больше не вспомню, а перечитывать все не хочется.

Сюда приехала мадам Крюденер к больному своему зятю, Беркгейму. Здесь она еще не пророчила, и никто за нею еще не таскается, но в Дерпте была по прежнему. Сейчас должен ко мне быть один из её свиты, швейцар, оставивший или, лучше, изгнанный из отечества, где оставил семейство и прожил значительное имение. Теперь в раскаянии, но пророчествам мадам Крюденер все еще верит.

Третьего дня приехал великий князь Николай Павлович из Берлина в шесть дней. От Жуковского ни слова, но дни за три получил я от него грамотку.

В Черниговской губернии и в некоторых местах Смоленской – голод. Мужики едят желуди и пухнут. Послан из Москвы сенатор Гермес с миллионом. Но примечательно, что в Смоленской губернии хлеб не дороже 16-ти рублей, следовательно, голод от бедности, а не от большего недостатка в хлебе. В Москве делают подписку я потеют над ролями для домашних спектаклей. Брат еще там.

В Университетском Пансионе у Кавелина был *pendant* в тому, что случилось à l'escote de droit в Париже. Ученики требовали перемены учителей, именно в географии и русской словесности. Прибили и выгнали одного из старых, и многие разбирают детей своих. Кавелин не нашелся и напал, кажется, на невинного или, по крайней мере, на менее виновного, по одному только его имени: это брат поэта Пушкина. Его выгнали из Пансиона, но товарищи вступились за него. Когда Кавелин сказал ученикам: «Знаете ли, что я имею право вас высечь?» – «Вы имеете силу, а не право», отвечали они, и это самые малолетние; большие в них присоединились. Пансион может разрушиться. Кавелин взялся не за свое дело и в тому же не имеет нужной деятельности; приезжает только по субботам в известное время и имеет несчастную привычку многих других содержателей казенных институтов – экономить. Хороших учителей, как-то: Арсеньева – географии, Соловьева – но математике и даже Олина, – по словесности, коего ученики любили, заменил дурными и неизвестными, а ученики требовали старых, или хороших и смеялись над старой географией, по которой им преподавали, забыв Шиллера:

Und die Gränzen aller Länder wanken,
Und die alten Formen stürzen ein!

Сказывают, что они порядочно поколотили географа. Опозданные и напуганные видят и в этих детских шалостях *die Zeichen der Zeit*; впрочем, вряд ли и к нашим шалунам нельзя применить того, что Гизо говорит о французских в новой своей книге. И наши жаждут света и сидят смирно, когда удовлетворяют требованиям ума их.

Посылаю тебе Крюковского.

А я все еще сижу дома. Приятели и даже приятельницы навещают меня, но скука свое берет. Кончил Дарю о Венеции. Перечитал много, но без плана, и жалею теперь, что не знал, что болезнь моя продолжится два месяца.

Вчера Карамзин сказывал мне, что ты уже к нам не заглянешь, а поедешь только в Москву за княгиней. Жаль!

В Париже вышла новая книга Феррана: «*Les trois démembrements de la Pologne*». Здесь только один экземпляр у графа Кочубея, и то официальный.

Греч отставлен от должности инспектора над военными Ланкастерскими школами. Теряет 6000 рублей ежегодно. Но в указе сказано – «не оставить его без пропитания». Военные школы сии, по представлению военного же начальства, закрываются на время и подчиняются министру народного просвещения. Кажется, что это все вышло от военных: мы ничего не знали, и указ вдруг грянул из Лайбаха.

Думают, что князь Николай Долгоруков женится на княжне Голицыной, дочери московского наместника, которого ожидают сюда.

351. Князь Вяземский Тургеневу.

[28-го января. Варшава].

Вот еще дитя «Сыну», но пусть до крещения освидетельствует его и оперит Блудов. Тимковского не угадаешь: пожалуй, и тут найдет он государственные преступления. На всякий случай вот готовые перемены: в *Нерчинске* – в *Величках*, *раб* – *льстец*, а *Зимнего дворца* – *царского*, *игумен* – *каноник*.

Что говорит парнасская челядь о «Послании к Каченовскому», петербургская и московская? Что говорит сам герой? Вышли мне мое «Послание к Дмитриеву»: я его пересмотрю и приготовлю для «Сына». Так троица. и будет. Ты верно не читал статьи Остолопова о эпистоле во втором «Сыне»? Золото! В философическом послании «обыкновенно исследуются три вопроса: *когда, как и для чего*», и «Депрео мешал в своих посланиях съестные припасы с Людвигом XIV». Ломоносова хвалит за то, что он никогда Шувалову не говорил: «мой друг»!

Как не стыдно Воейкову печатать такую дрянь и нападать на лежачего Шаликова и ничтожить Иванчина-Писарева, который все гораздо лучше питает многих упомянутых им с похвалою в статье о «Вестнике Европы», например, Маздорфа, никогда не перешагнувшего за десять стихов, я то с частыми падениями. Иные стихи Писарева врезаются в памяти, а я, живой памятник русских писак, не упомяну ни одного стиха Маздорфа с братиею. Шаликов мог служить игрушкой наших первых шалостей, но теперь, когда ни он, ни его род не существует, то к чему распинать его тень? По крайней мере не был он никогда прислужником невежества и сколько мог, и сколько можно, исповедовал благородный образ мыслей и здоровое учение.

Но что за мысль была Воейкова написать эту статью о журналах? Вот уж точно: «из пустого в порожнее». Беглый взгляд на журналы в России, на могущее последовать от них влияние и на почти общее непоследование, – вот что могло накормить несколько любопытных страниц. Но что тут за библиографии? Карамзин, Жуковский не журнализмом ознаменовали свое поприще. Зачем отыскивать их в истлевших изданиях, когда они бодрствуют в своих живых собраниях творений? Журналы были до Карамзина: «Собеседник», все-какие сатирические – «Живописец», «Парнасский Щепетильник». От Карамзина: «Московский Журнал», его «Вестник Европы» и первый год «Сына Отечества». Вот и всё! Прочее – помелом! Журналу должно иметь свою физиогномию, свой взгляд, свой дух. Все наши журналы – школьные архивы ученических опытов, «Утренния Зари», где, между всякою всячиною ребят, учителя Мерзляковы печатают иногда свои пиесы по дружбе в издателям.

29-го.

Спасибо на 19-ое января. Спасибо и за годование на «Негодование». *Бездушный* значит *inodores*. *Радости* – тут розы, цветы. Почему нельзя: «Могущество души и цену *бытию*»? Признать можно могущество чего и цену чему. Иду в погреб и на чердак, пишу в Москву и в приятелю. *В забвеньи Божества*, если не *Бога души*. *Союз гласно признают*: да, гласно, то-есть, на бумаге и на кафедре Европы, а под рукою разрывают этот союз с свободою и связываются с макиавеллическим тиранством. Но присылайте, полную переборку. Что это на тебя шишки валяются, мой бедный Макар?

И здесь самоубийствуют. Жена богатого шляпочника зарезалась бритвою; шляпочник другой застрелился, но жив еще с пулею в голове; служанка в харчевне отравилась. Будет ли с тебя?

«Сына» еще не имею. Что это за поэт, которого дрожь берет от моих стихов, и какая дрожь: вдохновения, или трусости? Прости! Завтра буду писать тебе с отъезжающим.

Прошу покорнейше перекладывать бумажками печати: целые строки вырываются.

352. Князь Вяземский Тургеневу.

30-го января. [Варшава].

Письмо вручено тебе будет русской гвардии офицером Габбе, одним из двух здешних наперсников моей музы и поэтом. Он благородного образа мыслей и здесь, в этом гатчинском поселении, отличается от прочих. Прошу его принять и обласкать. Его брат, кажется, у Попова в департаменте. Кстати вспомнил я, что хотел тебе рекомендовать и полковника Авлечеева и Нелединского, бывшего адъютанта великого князя. Честнейшею похвалою их будет, что они оставили здешнюю службу, и отставлены были не с честью. Отыщи их и поговори с ними тремя о том, что делается здесь в военном мире. Самовластие во всей своей дикости нигде так не уродствует, как здесь; Навел, исступленный, казнил, но не любовался в уничижении своих жертв. Здесь преподается систематически курс посрамления достоинства человека, и кто успешно выдержит полный опыт, тот смело может выдать себя за отборного подлеца и никакого соперничества в науке подлости не страшиться.

В сегодняшних газетах любопытного одна королевская речь открытия английского парламента. В ней любопытнейшего следующее: «Ce serait pour moi le sujet-d'un profond regret, si les événements qui ont eu lieu dernièrement en Italie avaient des suites de nature à troubler la tranquillité de ce pays; mais dans le cas où cela arriverait, le premier de mes soins sera d'assurer à mon peuple la continuation de la paix. L'allocation séparée qui fut faite en 1814 pour la reine, alors princesse de üalles, a cessé par le fait du décès du feu n.i, j'ai depuis ce moment donné dos avances telles que le loi les autorisait; ce sera à vous dans les circonstances présentes, à considérer quels nouveaux arrangements devront être près sur ce sujet».

В проезд свой король был хорошо принят народом, хотя и слышно было несколько «да зравствует королева» и свистков.

Здесь разнесся было слух, что король Сицилийский отрекся было от всего сделанного и говоренного им в Неаполе, и что вследствие того война была объявлена, и что открыли в Париже заговор подорвать замок Тюльерийский, но нынешняя почта не принесла никакого подтверждения и, вероятно, слухи ложны были. Прости!

353. Тургенев князю Вяземскому.

2-го февраля. [Петербург].

Письмо твое от 20-го января получил и радуюсь, что и мое старое письмо не пропало. Впрочем, если мои и читаются, то беды нет. Разные причины заставляют меня быть осторожным. Твои отношения совсем другие, а я не хочу дать и повода в несправедливым нападкам.

Напрасно ты нападаешь на Тимковского. Недавно едва не отставили его за излишнюю либеральность. Он – человек почтенный по многим отношениям и даже ценсурным. Журналисты и мелкотравчатые авторы испугались, услышав о его отставке. И долго ему не сдобровать.

Читал ли дурной перевод Рубелия в «Невском Зрителе»? Публика, особливо бабья, начала приписывать переводчику такое намерение, которое было согласно с её мнением и принялись за цензора! «Плачься Богу, а слезы вода!» Кому жаловаться? Нет трибунала, особливо там где ни вина, ни наказание ясно не определены.

На сих днях Пушкин писал наконец сюда из какой-то Киевской деревни от Давыдовых и, en passant, сказал, что у него готова и вторая поэма; между тем он еще и издания первой не видел. Он пишет к Гнедичу и велит кланяться Кюхельбекеру; нас забыл.

Perdu pour ses amis, il vit pour l'univers;
Nous pleurons son absence, en répétant ses vers.

То же можно сказать и о Батюшкове: ни к кому ни слова.

Брат Николай поскакал из Москвы в симбирскую деревню спасать мужиков наших от несправедливого обвинения. В марте будет здесь. Не встретишься ли ты с ним в Москве? Посылаю тебе письмо брата Сергея, не знаю отчего у меня залежавшееся между старыми письмами. Благодаря Богу он выздоровел совершенно. О возвращении государя ничего не слышно, но, по некоторым соображениям, я, кажется весьма основательно, полагаю, что прежде двух месяцев нам его и ждать нельзя, – а там разлив рек, – а там, а там,

Увы, не знаю!

Воейков просит у меня твой «Халат», и я намерен дать ему его, хоть он и не по мерке «Сына Отечества» вышит.

В субботу огласит историограф Русскую академию словом истины об Иване Ивановиче, и если слабость в ногах и хирагра в руке мне позволят, то я потащусь слушать его. Между тем президент отказывает Крылову в медали, не смотря, что Карамзин, Филарет и многие другие из членов академии подписались, что он достоин оной. С одной стороны, конечно, справедливость требовала вспомнить о старике Дмитриеве, который также не имеет еще медали, но для, чего не дать вдруг двум? Крылов получал уже поздравления. Подписавшиеся не должны бы возвращаться в Академию. Шишков нашел средство быть деспотом и в Академии.

Булгаков верно описывал тебе помолвку Боголюбова на Бахметевой. Порадуйся: ему отказали, и московская *невинность* во всех смыслах слова сего спасена.

С которому времени будешь ты в Москве, и когда возвратишься в Варшаву? Глядя на себя, два месяца с разными недугами запертого и с обвязанной левой рукой, я иногда не на шутку собираюсь к водам изгонять хирагру, геморрой и, может быть, старые грехи, но не знаю еще, на Кавказ или в Европу поеду. Я смешен больной: ни я к болезням, ни болезни ко мне не привыкли, et je lui tiens compagnie de très mauvaise grâce. Грущу, скучаю, досадую и

отчаяваюсь в совершенном излечении без сильной помощи вод а прогулка. Здешний климат и образ жизни доконают меня. Ко мне ездят слушать «Негодование», и я уже его вытвердил наизусть, но ни одной копии не выдал и не выдам.

В воскресенье свадьба Голицына с Строгановой. В среду у графа Строганова бал.

Прости! Пора писать в Царьград и в Дерпт. Иван Иванович Дмитриев собирается сюда, а Василий Львович твердит роль.

354. Князь Вяземский Тургеневу.

[Начало февраля. Варшава].

«L'Europe n'est plus une réunion d'états dont chacun doit former une famille particulière occupée de son bonheur domestique: elle est une agrégation de familles qui ne doivent chercher le perfectionnement de l'ordre social que, parallèlement les unes aux autres, sous la condition que ce sont les familles retardataires (запоздалые) qui arrêteront la marche des plus hâtives et non celles-ci, qui presseront la marche des autres. Les rois, dans ce système, forment une tribu nomade qui va tour à-tour planter ses tentes en des pays différents, et qui, au lieu de faire avancer les nations paresseuses, repousse en arrière les nations plus actives».

«Le résultat de la guerre, s'il est heureux en faveur de l'Autriche, ne peut être conforme & l'intérêt d'aucune autre grande puissance, à moins que celles-ci n'obtiennent de leur côté une augmentation proportionnelle. La question de la guerre de Naples n'est donc pas une question simple. Elle peut, elle, doit amener avec elle de graves changements dans la situation actuelle de l'Europe. Il y aurait de la simplicité à croire que la cour de Vienne, faisant la guerre pour le triomphe d'un certain mode de pouvoir, comme on la faisait autrefois pour un certain mode de culte, ne demandera pour prix de ses sacrifices que la satisfaction intérieure et mentale d'avoir rétabli des formes plus complètement monarchiques en deçà et au-delà du Phare; les croisés eux-mêmes ne se bornaient pas à convertir les âmes et à faire adorer la croix par les infidèles: chemin faisant, ils subjuguèrent des états même chrétiens, ils envahissaient et dévastaient Constantinople: il leur fallait des principautés et des royaumes qu'ils ne craignaient pas de s'approprier, au mépris des droits des légitimes possesseurs. Les croisades monarchiques seront-elles plus généreuses dans leurs vues, plus exemptes de tout calcul terrestre? Leur ambition n'aspirera-t-elle qu'à faire prévaloir un dogme et régner un axiome? Pareils à ces paladins, grands coureurs d'aventures, toujours prêts à défier ceux qui ne voulaient pas rendre hommage à la dame de leurs pensées, les monarques du XIX-ème siècle iront-ils rompre des lances avec des gouvernements étrangers pour forcer ces mécréants à convenir que le pouvoir illimité des rois est le nec plus ultra de la raison humaine? Quelque ardeur de zèle que puissent montrer les cabinets pour la plus grande gloire de la monarchie pure, ce n'est pas & Vienne que l'on trouvera, même sur ce point, une exaltation dégagée de tout élément matériel. Le cabinet autrichien est le moins romanesque des cabinets: c'est peut-être le plus positif, le plus ennemi des abstractions, celui ⁶ qui s'attache le plus aux réalités. On a vu de quel poids sont dans la balance de ce cabinet les affectueux les plus chères du prince».

«S'il était permis à un simple citoyen de se rendre l'organe du genre humain, j'ajouterais, non comme conseil, mais comme humble prière: «O rois, dont la présence seule est déjà un bonheur pour vos peuples! Renoncez à cette existence voyageuse qui, en montrant les chefs des empires errants sur les grandes routes de l'Europe, où groupés sur des théâtres étroits (какое живописное выражение!) désenchante le vulgaire et rapetisse la royauté» («Du Congrès de Troppau», par M. Bignon.).

Я, разумеется, выписываю тебе на скорую руку одни резкия черты из сего сочинения, которое, за недосугом, прочел бегло. рассуждения, исторические и политические доводы, приводимые сочинителем, везде опирающимся более на события и правила, преподаваемые славнейшими государственноведцами (Vattel, Grotius, а в исторических ссылках является даже и граф Орлов), чем на умствования, в светлом блеске показывают всю кашу, всю уродливость, всю бессовестность, следующие за этою тревогою, ничем другим не оправданною, как самовластием силы, воюющим против прав рассудка и человеческого усовершенствования.

⁶ Пропущено «de tous».

ния. Как только эта книга поступит в продажу, разошлю ее б вам; теперь попотчивай выписками из неё алчущих здоровой пищи.

«29 janvier. Paris. Ce soir, sur les 4 ¹/₂, le roi travaillait dans son cabinet, quand tout à coup une forte détonation s'est fait entendre non loin de ses appartements. Les grilles du château ont été fermées de suite; les troupes ont pris les armes, et les recherches les plus minutieuses ont été faites dans le palais. On a trouvé que l'explosion était partie au-dessous du cabinet du roi, et au-dessous des appartements de madame, dont les vitres ont été cassées. L'explosion a été si forte, qu'elle a été entendue du P nt Louis XVI. Il n'est heureusement résulté aucun accident de cet événement, qu'on ne peut attribuer qu'à la plus abominable scélératesse ou à une négligence bien coupable. A six heures une explosion a encore éclaté sur la place Lescot, près le Louvre, mais elle n'a causé aucun dommage. Avant-hier au soir un pareil événement est arrivé à dix heures sur la place du Palais Royal, au moment où monseigneur le duc d'Angoulême revenait de Compiègne».

«L'explosion est provenue d'un baril de poudre de la contenance de six livres environ. Il avait été placé entre la muraille et un coffre à bois.

Генерал Donnadiou смертельно ранен в поединке с адъютантом Richelieu. Ты знаешь, что после его бесовской речи, он на улице преследовал ругательствами Richelieu.

Спасибо за письмо от 26-го января. Воля твоя, я понимаю предпочтительное благоволение к себе Дмитриева и поздравляю искренно его с тем. Жуковский был гражданином-песнопевцем в событиях Двенадцатого года, Батюшков – никогда; где и когда мог, он ополчался против просвещения, забывая, что не нам нападать на *злоупотребление*, когда и *употребление* самое еще не в употреблении. Тот и другой не написали строки, которую цензура не могла бы благословить, а в нашем положении откупить ценсорское разрешение, значит обязаться не *огласит ни одной мысли*, не исключая и *самодержавных*, ибо «История» Карамзина, подверженная горнилу Тимковского, не явилась бы в свет нетронутую. Говорить о луне с августейшим лицом можно, но с глазу на глаз; я и сам позволяю себе непристойности житейские, пью и распутствую по целым ночам с людьми, на которых краснея смотрю при рассвете, но, по крайней мере, не оглашаю нагло своей шалости и если не совершенно *оправдательно*, то *извинительно* противопоставляю мужественный образ мыслей, смелое исповедание души независимой беспорядочным порывам чувствований своевольных и превратных.

Зачем не печатаете вы моего «Гизо», расставщики ковык и строчных препинаний? Исправьте, что хотите: прозу отдаю вам. Пускай и цензура чего не пропустит: точки, да точки! они отныне будут вывескою мыслящего пера. Пускай и всего не пропустит, и то не бесплодно. Архивы ценсорские завалятся моим письмом. Придет день суда, и расправа учинится. За что же вам, друзьям моим, зажимать мне рот?

Перекрестись! Зачем и как не посылать «Негодяйки» Ивану Ивановичу? Что ты думаешь о себе? Для тебя ли одного пишу? Сейчас отправь Ивану Ивановичу, или никогда доставлять тебе ничего не буду.

В стихах Воейкова есть прелести:

Тот сорван с высоты и брошен в заточенье.

Этот стих – сорванец. Но встречаешь и жалости, например, те стихи, в коих он предпочитает *ужину* и *чашке чая* лицемерие Бога и хор серафимов (стр. 185). И давно ли он стал такой духовидец? У меня есть стихи эти, но лабзинства того в них нет. Уже не с тем ли, чтобы тебе угодить? Прости!

355. Тургенев князю Вяземскому.

9-го февраля. Утро. [Петербург].

Сейчас прислали мне сказать, что Катерина Андреевна родила благополучно дочь в третьем часу ночи. Она совершенно здорова. Третьего дня я пил у них чай, а накануне сбегалась она навестить меня и подняться на мою лестницу, по Николай Михайлович не пустил, и дело сделал. имени еще не дано, но вероятно дадут Елисаветы.

Письмо твое и послание к Жуковскому получил. Блудову еще не читал. Он очень болен и в постели. Теперь немного лучше. Но читал с Карамзиным; он полагает, что нельзя сказать *встарь*: это слово не заменяет *встарину*. *Игумена* хорошо бы сменить *каноником* – для цензуры, но тогда ты на – , и выйдет – *как каноник*. Нельзя ли этого избежать, и я пожертвую тебе каноником.

Тем боле мучусь я, чем мучусь по охоте. Не лучше ли, то-есть, не правильнее ли: *Что мучусь по охоте.* Впрочем, я не уверен.

Ты этих мук – нельзя ли переменять? Есть стихи прекрасные, и Державин и Херасков врезаются в память, как стихи юности первого. Воейков просит поскорее послание для журнала, но я прежде посоветуюсь с Блудовым.

Получаешь ли ты «Вестник Европы»? На всякий случай посылаю тебе выписанные оттуда примечания на перепечатанное твое послание Вот и все тут. Какая охота или, лучше, похоть уязвить *et quelle impuissance!* В той же книжке и Воейкову в прозе досталось. Дмитриев за все сердится или, лучше, всякий вздор сборника московского принимает к сердцу. Он пишет во мне с негодованием, что какой-то Волков помещает в «Вестнике» же грозный протест против обозрения журналов и уверяет, что стихи твои никуда не годятся, да и сам Карамзин не заслуживает своей славы. Он желал бы я против этого ополчить нашу цензуру и думает, что это имеет дурное влияние на образование нашего юношества; а я ему напомнил об инструкциях Казанскому университету.

В Русской Академии было публичное чтение. Я не выдержал экзаметров, залился потом и уехал, не слышав ни президента о коретках, ни Мартынова о каком-то воспитании в России, ни Воейкова отрывка о Петре I из его поэмы: «Науки и искусства», ни историографа, который чтением своим сам недоволен, ибо читал слишком скоро, и тогда уже, когда Мартынов и Гнедич утомили внимание слушателей. Воейкова стихи оживили публику и понравились министру народного просвещения. Вот они. Я читал ему твои замечания на его обозрение, и он сбегался отвечать тебе. С тобою я согласен. Что за номенклатура талантов! Это походит более на «*Petit dictionnaire des grands hommes*», и на что морочить несведущих в нашей словесности и смешить *les experts*? Кого уверишь в богатстве бедности?

Сию минуту принес мне Габбе письмо твое. Я поговорил с ним откровенно и постараюсь познакомиться с Нел[единским] и Авлеч[еевым]. О французском пороховом заговоре и нам уже известно.

На сих днях я получил «*Le Congrès de Troppau*», par Bignon, где уже и Лайбах задевают. Какая здравая логика, и как я желал выписать для тебя некоторые места! Есть мысли прямо из твоих писем во мне. прочти, если имеешь, а если у вас нет, то я пришлю тебе. Я получил еще кое-что, по неважное. Габбе мне сказывал, что ты уже читаешь Ferrand «*Les trois démembrements*», а для нас это запрещенный плод, и потому более на него позывает.

Жуковский болен ревматизмом. Я писал к нему сегодня и от него получаю довольно часто краткия грамотки. В апреле он едет странствовать. Мы ожидаем сюда Ермолова скоро, а Сперанского после. Первому дано 1-го Владимира, и по его представлению многим ленты и звезды, но я худо верю его заслугам. Он хочет блистать и хвастаться, а прочных и для

блага России или тамошнего края подвигов я от него не надеюсь. Il faut être grand et porter le sentiment de sa grandeur dans l'âme, а последней у него немного.

Удам сделан начальником Семеновского полка. Посланник наш в Сардинии Моцениго получил святого Александра.

В «Невском Зрителе» вышла какая-то критика на баллады Жуковского. Для чего ты не прислал башмаков с Габбе? Здесь теперь князь Андрей Петрович Оболенский с женою.

Я отбираю стихи твои, кой ты у меня требовал, велю списать их и надеюсь в следующую среду послать.

Посылаю тебе лик Батюшкова, avant la lettre; делан с портрета, принадлежащего сестре его, для образчиков Воейкову.

Прости! Читал ли «Les aventures de la fille d'un roi». Я получил, но не успел прочесть.

356. Князь Вяземский Тургеневу.

10-го февраля. [Варшава].

Спасибо за 2-е февраля и за письмо царградское. Жалею, что многого не успел еще в нем разобрать, но по нескольким приемам надеюсь дочитать всего. Я «Невского Зрителя» не имею, и вряд ли кто получает его здесь. О чем дело? Постарайся как-нибудь прислать. Чего же можно еще требовать от Тимвовского? *Дух праздности, любоначалия* по всему печатному и печатающемуся у нас катится, как по маслу. Не нахожу нигде для него препинающей кочки, разве только точки. Мы точно воспитанницы сен-сирские: для нас пишутся одни «Есфиры». Настоятели наши говорят нам: «Il faut méditer Esther et se taire». Виноват, каламбур случился. Здесь был один, употребленный при Куруте по части выпрренной полиции. Кто-то разругал его за какое-то дело. У него спрашивали: «Что это у вас было с таким-то?» «Ничего», отвечал он, «так, у меня с ним маленький каламбур случился».

Лайбахские дела, кажется, развязываются. Какое бы последствие ни было, но все, кажется, русскому путешественнику должно воскликнуть: «Берег, отечество, благославляю вас!» (то-есть, чорт с вами!), и тогда я тотчас лечу в Москву и надеюсь, хотя и мельком, поглядеть на вас, возвращаясь в Варшаву. Поедем вместе на воды, только европейские. Жене моей непременно нужно, и по всей вероятности нынешним летом будем в Карлсбаде. Шутки в сторону, перевари эту мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.